

Екатерина

Уильямс

Фиг ли нам, красивым дамам!

Annotation

«Не родись умен, не родись красив...» Расхожая истина... Героиня романа Ариадна умна, красива, любима, но не чувствует себя счастливой, хотя все кругом твердят, что ей здорово повезло. Однако внезапная встреча расставляет все по своим местам. Теперь Ариадне понятно, где любовь, а где только ее эрзац...

- [Екатерина Вильмонт](#)
    -
    - [Часть 1](#)
    - [Часть 2](#)
    - [Часть 3](#)
    - [Часть 4](#)
    - [Часть 5](#)
    - [Часть 6](#)
    - [Эпилог](#)
-

Екатерина Вильмонт
Фиг ли нам, красивым дамам!

*Ты — как отзвук забытого гимна В моей чёрной и
дикой судьбе.*

А. Блок

Часть 1

— Дань, ты чего?

— Не понял?

— Ты чего так пялишься на эту тетку?

Данила улыбнулся невесте.

— Ни на кого я не пялюсь. Просто задумался.

— О чем?

— Да не о чем, а о ком.

— И о ком же? — кокетливо спросила Илона.

— О тебе, понятное дело! А ты что, ревнуешь?

— Еще как! Но, конечно, не к этой тетке!

— А по-моему, она вовсе не тетка.

— А кто?

— Дама. Элегантная дама! В возрасте! — добавил он.

Илона улыбнулась.

— Ну то-то же!

Но Данила лукавил. Он глаз не мог оторвать от лица этой женщины. А про возраст сказал, просто чтобы двадцатидвухлетняя Илона успокоилась. Женщине было хорошо за тридцать. Смуглая кожа, огромные глаза, чувственный рот и устало-отрешенное выражение лица. Интересно, какого цвета у нее глаза? Наверное, зеленые. Отсюда не видно. И еще поразительной красоты руки с крупными кольцами. Она медленно пила кофе из большой чашки и лениво ковыряла ложечкой какой-то десерт. Ждет кого-то?

— Дань, я пойду на минутку...

— Иди, только недолго, а то я соскучусь.

Боже, какая женщина! Обручального кольца не видно. Она почувствовала его взгляд, подняла свои фантастические глаза, оказалось, синие, и едва заметно улыбнулась. Не ему, нет. Да я ей триста лет не нужен. А я бы за такую в огонь и в воду. Интересно, какие у нее волосы? На женщине была какая-то сложная повязка, с крупным узлом возле левого уха. Но вот она посмотрела на часы, достала телефон, набрала номер.

— Алло! Иосиф Маркович? Добрый день, это Ариадна.

От ее голоса у него занялось дыхание. Ее зовут Ариадна! Как ей идет это имя.

— Опять пялишься? — раздался веселый голосок Илоны.

О чем Ариадна говорила с Иосифом Марковичем, он уже не слышал.

— Данька, а ты будешь меня презирать, если я закажу мороженое?

— Да! Я оболью тебя презрением! Но чтобы ты не страдала от моего презрения, закажу себе тирамису!

— Данька, я тебя обожаю!

— Взаимно, девушка!

К Ариадне подошел официант, она расплатилась с ним и встала. Данила удивился, она оказалась среднего роста. А он думал — она высокая.

— Стильная штучка, — заметила Илона.

— Ты находишь?

— Да! Каблуки бы чуть повыше. Хотя в ее возрасте уже тяжеловато...

Волна глухого раздражения захлестнула Данилу. Но он сдержался.

Женщина ушла. Чувство невозвратимой потери сдавило сердце. Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...

Илона с удовольствием уписывала мороженое.

Я ее не люблю, отчетливо прозвучало в голове у Данилы. Он испугался этой мысли — через два месяца предстояла свадьба. Не гони коней, сказал он себе. Илона отличная девчонка, она меня любит, и вообще... Ей двадцать два, она красотка, вроде бы неглупая, вполне хозяйственная, мама ее одобряет. А эта... Надо же, Ариадна... Эту Ариадну я, скорее всего, никогда больше не увижу. Если бы я был художником, я бы писал ее портреты, много портретов, разных... Интересно, зачем на голове у нее эта повязка? Волосы плохие? Или облысела после химиотерапии? Фу, что за мысли! Или я защищаюсь от впечатления, которое произвела на меня эта Ариадна? Похоже на то. На такую женщину никогда не надоест смотреть. И голос ее слышать тоже... Да ладно, Данила, это как в кино — увидел какую-то невысказанную красавицу и стал ее фанатом. Но жить это ведь не мешает. Да и забудется она дня через два.

— Данька, как твое тирамису?

— Что? — очнулся он. — Тирамису? Да не очень. Бывает лучше. Ну что, попросим счет?

— Конечно!

Дни шли, а женщина из кафе не забывалась. Ее лицо, отрешенная улыбка буквально преследовали его. С этим надо что-то делать. Но что? Искать иголку в стоге сена? Время лечит, просто курс лечения может быть более длительным. Раза два он заезжал в то кафе в надежде, что она там завсегда, но тщетно.

Навалились дела, командировка в Сирию, а там уж было не

до прекрасных незнакомок. А когда он вернулся, Илона закатила ему истерику.

— Ты не должен! Ты не смеешь! Там так опасно! Я ни спать не могла, ни есть! Даня, если ты меня любишь, умоляю, перейди на другую работу! Хорошие журналисты везде нужны! У меня же минуты спокойной не будет! А если у нас ребеночек родится? Беременным нельзя волноваться!

— Ты разве беременна?

— Пока нет, но мы же поженимся, и тогда...

— И тогда, ты полагаешь, я пойду работать в гляцевый журнал, писать отчеты о светских вечеринках? Так это тоже небезопасно. Знаешь, я однажды слышал, как рычал Никита Джигурда. По мне, так разрывы снарядов и то благозвучнее.

— Вечно ты все сводишь к шутке, а я серьезно...

— Знаешь, я тоже серьезно. И имей в виду — я военный корреспондент, я люблю свою профессию, а если ты боишься волнений, так не будем жениться, ищи себе мужа, более приспособленного для твоего душевного комфорта.

Она заплакала. Его охватила тоска.

— Даня, сейчас такое тревожное время...

— И что? По-твоему, я, молодой мужик, должен спрятаться под стол и держаться за твою юбку? Но я, возможно, через год-другой уже наиграюсь в войнушку и с кайфом буду вести какое-нибудь идиотское ток-шоу. А пока мне рано!

Он еще никогда не говорил с нею так жестко. Она испугалась.

— Хорошо, я понимаю. Ты, конечно, прав. Просто я так тебя люблю!

— Если любишь, запомни: на меня нельзя давить, я этого в принципе не приемлю. В принципе! А уж в том, что касается моей работы, тем более. Все. Закрыли тему.

Она испуганно на него взглянула. Он никогда еще так с нею не говорил.

— Данечка, я... Ты прости, я не собиралась на тебя давить, просто боюсь за тебя...

— Знаешь, мама тоже за меня боится, но...

— А тебе-то самому не бывает там страшно?

— Ну почему же... Бывает. Еще как! Но я уже не могу без этой работы. И знаешь, если бы я даже поддался на твои уговоры и сменил работу, ты бы меня через два месяца возненавидела. Я ведь могу быть поистине кошмарным типом, когда мне скучно, такое могу вытворить! Мало не покажется!

— Значит, тебе со мной скучно?
— Дело не в тебе. Мне с самим собой скучно вне моей работы. Месяц — это максимум, который я могу выдержать. И если мне не изменяет память, я тебя предупреждал, когда речь зашла о свадьбе.
— Ладно, Данечка, я все поняла. Но ты же меня любишь?
— Да люблю, люблю...
О господи, неужели все бабы задают этот идиотский вопрос? Интересно, та женщина тоже задает его? Уверен, что нет. У нее просто нет сомнений, что любой мужик, до которого она снизойдет, будет помирать от любви. Тьфу ты, что за наваждение! Больше месяца прошло, а она все не забывается.

— Данчик, ты папе сообщил о свадьбе? — спросила мама.
— Конечно. Обещал приехать.
— Вот и славно. Он тебя не отговаривал от женитьбы?
— Да нет, — засмеялся Данила. — Просто удивился. И спросил: «Ты совсем дурак, что ли?»
— Да, твой отец, когда мы разводились, сказал: «Больше я на эти грабли наступать не буду!» И, как видишь, держит слово. Сынок, а ты... Ты уверен, что хочешь жениться?
— Ты почему спросила? Тебе же нравилась Илонка?
— Она мне и сейчас нравится. Хорошая девочка. Толковая, неглупая, тебя любит... Ну и хорошенькая, как картинка. Просто она на днях звонила, была грустная... Ты ее ничем не обидел?
— Да вроде нет. Просто она... Короче, она потребовала, чтобы я поменял работу, а для меня это неприемлемо.
— Она именно потребовала?
— Да не то чтобы категорически потребовала, но дала понять... Вполне недвусмысленно. Да еще и со слезами. Ты бы, мамочка, объяснила девушке, что со мной такое не проходит.
Инна Львовна грустно покачала головой.
— Если бы ты знал, как я сама этого хочу!
— Я знаю. Но ты же не давишь на меня.
— Потому что знаю — ты все сделаешь наоборот. Сам полезешь к черту в зубы. Лучше уж помолчать.
— Так вот и объяснила бы Илоне, если она так тебе нравится.
— А разве тебе она не нравится? Уже не нравится?
— Да я не знаю...
— Данька, если так, то лучше не надо!

— Ох, мама... Там уже полным ходом идет подготовка к свадьбе. Да и жалко Илонку. В сущности, она хорошая, да и пора мне семью заводить. Хочется уюта, когда возвращаешься из командировки. Да и обрыдла мне холостяцкая жизнь, тридцать два уже. И родители у Илонки славные люди, интеллигентные, милые...

— Все так, Данечка, все так, но в твоем тоне слышится обреченность. Ты ее не любишь?

— Откуда я знаю?

— Данька, колись, ты встретил другую женщину?

Он испуганно взглянул на мать.

— Колись, Данька. Легче будет. Кто она?

— Знаешь, мама, это такая идиотская история. Собственно, даже и нет никакой истории.

И он рассказал матери о прекрасной незнакомке.

— И ты ровным счетом ничего о ней не знаешь?

— Только имя. Ариадна.

— Ну, сынок, это чепуха! Пройдет. И не вздумай ломать себе и Илонке жизнь из-за такой ерунды. Ты молодой мужик, в Москве прорва красивых женщин, всех ведь не догонишь. И потом, ты-то ей глянулся?

— Да нет. Она заметила, как я на нее глазел, и чуть заметно улыбнулась, но не мне, а так...

— Кажется, это у Блока: «И этот влюблен!»? Словом, «Дыша духами и туманами»?

— Нет, скорее «Я помню чудное мгновенье».

— О, тогда у тебя есть шанс! — рассмеялась Инна Львовна.

— Почему?

— Ну, «наше всё» посвятил эти стихи Анне Петровне Керн, а в его дневниках есть запись: «Сегодня, с Божьей помощью, употребил Анну Петровну Керн!»

— Ну, мама, ты даешь! Хорошо, что твой муж тебя не слышит! Он был бы недоволен. Плохо влияешь на молодое поколение.

— Глупости! Он, конечно, препод, но с чувством юмора у него все в порядке. Иначе я ни за что не вышла бы за него замуж.

— Да, отсутствие чувства юмора — тяжелый диагноз.

— Но у Илонки твоей есть это чувство. А у прекрасной незнакомки его может и не быть.

Так что живи спокойно. И запомни: делай, что должно, и будь что будет. Если судьбе будет угодно, она может снова столкнуть тебя с этой женщиной. Ты ведь даже не знаешь, москвичка ли она. И женись уж на

своей девочке. Она будет хорошей женой.

— Спасибо, мамочка! Ты умеешь врачевать мои душевные раны.

— Это не рана, парень, так, легкая царапинка.

Разговор с матерью и впрямь помог. Он стал придумывать, какие еще непереносимые для него недостатки могут обнаружиться в Ариадне. Неряха, дура, без чувства юмора, патологическая скупердяйка, наглая как танк, умеющая говорить только о диетах и личной жизни знаменитостей. Ужас какой! Зачем тогда эта красота при таком букете? Через сутки уже стошнит.

И он успокоился.

Время неумолимо приближало день свадьбы. Незнакомка почти забылась. Дня за три до торжества позвонил отец.

— Данька, прости старика, не смогу приехать на свадьбу, ногу подвернул, она распухла, еле ползаю, а приезжать в Москву инвалидом, ей-богу, не хочется. И если на свадьбе не можешь танцевать с молодыми красотками, это горько и обидно. Уж не взыщи, сын! К тому же ботинки не налезают. Словом, невезуха. А у вас свадебное путешествие планируется?

— Ну да, конечно.

— И куда, если не секрет?

— В Италию.

— А чего так горестно это прозвучало?

— Да нет. Я бы лично предпочел дома посидеть.

— А невеста жаждет в Европу, так?

— Ну да. А я, кстати, в Италии еще не был. Так что даже рад...

— А вы надолго?

— На две недели.

— Может, на обратном пути заскочили бы ко мне? Я бы познакомился со своей снохой.

— Боюсь, не выйдет. У меня потом сразу командировка.

— Опять в горячие точки?

— Точно еще не знаю.

— Ну ладно, тогда я, как нога пройдет и ты будешь в Москве, непременно прилечу. У меня для вас роскошный свадебный подарок! Я бы мог прислать его непосредственно к свадьбе, но хочу увидеть ваши радостные мордахи не по скайпу. Как мама?

— Как всегда остроумна.

— А ей твоя невеста нравится?

— Да, нравится.

— Это хорошо. Впрочем, я всегда знал, что она будет хорошей свекровью.

— Да Илонка уже в ней души не чает!

— О! Значит, ты везучий парень, Данила Кульчицкий!

— Тьфу, тьфу, тьфу!

— Разумеется, плюю три раза через левое плечо! Все, сын. Целую тебя и желаю счастья в семейной жизни!

А в день свадьбы молодым доставили роскошную корзину цветов и старинный резной сундучок, полный швейцарского горького шоколада. И записочку: «Чтобы этот шоколад был самой большой горечью в вашей жизни!»

Данила был растроган. Илона пришла в восторг.

— Какой твой папа изысканный! Жажду с ним познакомиться! Вообще, твои родители — это улет!

— Твои еще лучше!

— Почему?

— Потому что они вместе, уже серебряную свадьбу сыграли. А мои аж в разных странах.

— Тебе от этого грустно, Данечка?

— Да так, самую чуточку, — улыбнулся он невесте.

— Я люблю тебя, Данечка! И я так сегодня счастлива!

— Вот и хорошо. Я тоже счастлив! — сказал он. Хотя ему показалось, что это прозвучало как-то неубедительно. Но, к счастью, Илона этого не заметила. Она была так очаровательна в коротком платье цвета сливок и с изящным веночком на голове. Когда речь зашла о свадебном платье, Илона сразу заявила, что ни за что не хочет длинное платье.

— Зачем? Чтобы оно потом пылилось в шкафу и занимало место? А в коротком я, как говорится, и в пир и в мир.

Инна Львовна весьма одобрила это решение, да и мать Илоны тоже.

Хорошо, что девочка практичная, решили обе сватьи.

Кстати, между ними установились самые добрые отношения. И это залог счастливой семейной жизни, решил Данила. А отец Илоны и отчим Данилы оба оказались страстными болельщиками «Спартака», и им всегда было о чем поговорить, тем более что любимая команда в последние годы приносила им в основном огорчения. Но даже мысли изменить «Спартак» у обоих не возникало.

Свадьба была не слишком многолюдной — сорок пять человек — и очень веселой. Никто не напился до безобразия, никто не подрался, не

было дурацкого тамады, его роль взял на себя дядя Илоны, известный киноартист, и блестяще справился с задачей. Он был весьма остроумен, и все хохотали до слез.

— Данька, какая чудная свадьба, даже не ожидала, — сказала сыну Инна Львовна. — Я вообще не люблю свадьбы, но тут... Дай вам Бог всякого-всякого счастья!

— Спасибо, мамочка!

И они улетели в Рим.

Прошло три месяца. Данила и его ближайший друг Федор, оператор, с которым они работали вместе уже два года, возвращались из очередной командировки, и в силу погодных условий им пришлось задержаться в миланском аэропорту. Командировка была трудной, оба вымотались страшно, и хотелось поскорее попасть домой. А вылет раньше чем через пять часов не обещали.

— Может, съездим в город, поглядим, а, Данила?

— Да ну его на фиг! Был я в этом Милане, не хочу! — Он вытащил из рюкзака планшет. — На вот, гляди, все миланские достопримечательности тут есть! Хотя ты, конечно, скажешь, что я все бездарно снял. А впрочем... Чем тут торчать, поехали, поужинаем в хорошем кабачке, граппы дернем.

— А вечером нас туда в таком виде пустят?

— Да хоть с пером в заднице! Очень демократичное заведение. И кормят вкусно. Хотя Илонке там не понравилось. Но я проперся.

— Поехали. Жрать охота.

Они взяли такси и через сорок минут высадились на площади у ресторана. Там стоял такой шум, что оба, не сговариваясь, скривили рожи.

— На фиг этот график! — сказал Федор. — На отдыхе хочется тишины. А то с нашей работой... В аэропорту тоже шум.

— Согласен. Ладно, время есть, поищем чего потише.

Вскоре им попался небольшой и с виду вполне уютный ресторанчик. Они поглядели на выставленное на улице меню.

— Отлично. Тут есть оссобукко. Обожаю! — решил Данила.

— Ага, я тоже люблю! Мяса хочу! А то моя девушка вегетарианка, черт бы ее взял! А твоя Илона мясо ест?

— Да.

— Повезло тебе, брат! А моя все канючит — женись да женись. Но я на такое не подписывался. На фиг мне жена-вегетарианка?

— Так скажи ей!

— Говорил уж. Она думает, я прикалываюсь.

— Дура, что ли?

— Набитая.

— Так какого хрена ты с ней время теряешь?

— Да привык... А здесь хорошо. Уютно.

— Согласен. Слушай, Федя, вот мы с тобой вроде друзья...

— Почему вроде? Мы таки, да, друзья, как говорит Матвей Юрьевич.

А в чем дело?

— Почему ж ты меня со своей девушкой так и не познакомил?

— А тебе оно надо?

— Ты что, ее стыдишься?

— Да нет. Понимаешь, она, как бы это сказать, для внутреннего употребления, не экспортный вариант.

— Слушай, Федька, кончай дурью маяться, найди себе нормальную...

— А нормальная на меня клюнет, что ли? Кому я, такой бродячий пес, сдался?

— А я? Тоже бродячий пес, а вот сдался же Илонке. Федь, ты чего там увидел, а?

— Слушай, там баба сидит... Охренеть!

— Что, красивая?

— Не то слово! Как в неореалистическом кино... Таковую надо снимать...

— Феденька, а ты у нас оглядись. Такие красавицы бывают. И начни вместо репортажей с места событий снимать красавиц. И денег будет поболее, и опасности меньше в разы...

— Да ладно, у нас таких лиц не бывает. Это какая-нибудь итальянская графиня, там небось десять поколений аристократов...

— Вот тут ты не прав, братишка! Я вот в Москве, еще до свадьбы, был с Илонкой в кафе, и чуть не ошизел, да что там, просто ошизел. Уставился на нее, как идиот, Илонка даже ревновать начала...

— И что?

— Да ничего. Что я мог при Илонке? Единственное, что я узнал, как ее зовут.

— И как?

— Ариадна. И забыть ее не мог. Вот только в последний месяц как-то не вспоминал. А тут ты со своей аристократкой. Надо бы и мне на нее глянуть.

— Да они уже уходят.

Данила обернулся. И чуть не вскрикнул. Это была Ариадна. И с ней немолодой мужчина, весьма импозантного вида.

— Это она... — пробормотал он. — Это Ариадна!
— Та самая?
— Та самая. С ума сойти...
— Данька, значит, она никакая не итальянская аристократка, а просто московская красавица?
— Кто знает, московская ли? Но русская, это точно.
— Да, сногшибательный бабец!
— А в рыло не хочешь?
— Это за бабца? — расхохотался Федор. — Да, брат, ты влип. А еще женатик! Ну, ладно, давай выпьем за ее красоту!
— Давай!
Они выпили.
— Федька, как думаешь, реально найти в Москве женщину только по имени?
— Сиди! — Федор вдруг вскочил и ринулся к выходу. Вернулся минут через пять с чрезвычайно довольным видом.
— На вот, держи! — Он протянул Даниле смартфон. Там была фотография Ариадны. — Имея портрет и имя, уже можно искать.
— Но как тебе удалось?
— Элементарно! Обогнал, бухнулся на колени и попросил разрешения запечатлеть такую несравненную красоту. Мне показалось, ей было приятно.
— Ну ты даешь! Спасибо, ты настоящий друг.
— Я только хочу напомнить тебе, Данилка, что ты так, на минуточку, молодой муж.
— Да я помню. И потом, я-то ей зачем сдался? И искать ее я не стану. Но за портрет спасибо. Сбрось мне на мыло.
— А если Илонка увидит?
— Не увидит. Я все запаролю.
— А она уже не такая молодая. Ей лет под сорок.
— И что?
— Да так...
— Слушай, а что за мужик с нею был?
— Мне показалось, это деловой контакт. Он итальянец. Посадил ее в такси и ушел.
— Федь, может, тебе в ФСБ в наружку проситься?
— Непременно попрошусь! Кстати, обручального кольца она не носит.
— Да, я еще тогда это заметил. Интересно, кто она?
— Да мало ли...

- Нам, пожалуй, пора в аэропорт.
- Ох, и вправду! Рванули!

Всю дорогу до Москвы, стоило ему закрыть глаза, он видел лицо Ариадны. Как человек, постоянно имеющий дело с опасностью для жизни, он был фаталистом. И решил: я не сделаю ни единого шага, чтобы найти ее, но если это судьба — жизнь еще сведет нас. И успокоился.

Дома было хорошо. Чисто, уютно, вкусно. Илона сияла молодостью и красотой. Наверно, это и есть семейное счастье? Не хватает еще упитанного малыша, чтобы он тянул к нему ручки в перевязочках и лопотал: «Папа! Папа!» И тогда будет полный комплект... Но Илона и слышать о ребенке не желала.

— Пойми, Даня, ну не могу я рожать, пока ты на этой чертовой работе! Боюсь! Знаешь, как я трясусь от страха, когда ты то в Сирии, то в Донецке, то еще где-то... А если, не дай бог, с тобой что-то случится? Мне даже как-то приснилось, что тебя взяли в плен эти... игиловцы и накинули тебе мешок на голову... — Она начинала плакать. — Какой ребенок, о чем ты говоришь? Вот уйдешь с этой работы, тогда сразу... А пока и не мечтай!

— А зачем ты замуж за меня вышла?

— Потому что люблю тебя, дурака проклятого!

— А между прочим, если меня убьют, у тебя хоть ребенок от меня останется.

Она подняла к нему заплаканное личико.

— Это ты так шутишь, да?

— Шучу, конечно, шучу! — поспешил он успокоить ее. — Ладно, обещаю, что года через два подумаю о другой работе, а пока уж потерпи!

— Потерплю. И ты потерпи без ребеночка.

— Потерплю. Я еще молодой, а ты и вовсе не дозрела до сознательного материнства. Все, закрыли тему. А скажи-ка мне, жена, нет ли у тебя нормальной подружки для Федора?

Илона удивилась.

— А у него вроде есть девушка?

— Не годится она ему.

— А он что, жаловался?

— Ну не то чтобы жаловался, но мне его жалко стало. Мается парень. Вегетарианка она. И к тому же набитая дура.

— Значит, надо искать умную мясоедку? — засмеялась Илона.

— В точку, любимая!

— Ладно, я поскребу по сусекам. Федька парень видный... И вообще хороший. Я подумаю.

На другой день, придя с работы, Илона спросила:

— Дань, ты завтра вечером занят?

— А что?

— Мне досталось два билета в театр. На новый музыкальный спектакль.

— Где?

— В Стасике!

— Ох, нет, прости, но я это как-то плохо перевариваю. Ну не сердись, пойди с какой-нибудь подружкой.

— Ну Дань!

— Умоляю, сжался!

— Так и быть, но останешься без ужина.

— Не вопрос! С голоду не помру. Или смотаюсь к маме.

— Я вообще-то думала пригласить твою маму в театр.

— Заговор? Ладно, идите! Культюрницы вы мои!

— Культюрницы? Это еще что такое? — рассмеялась Илона.

— А это я когда работал в Израиле, у нас был водитель, родом из Запорожья, вот он сказал, что у них эти розеточки для пакетиков спитого чая называются культюрницы.

— А что! Клевое словечко!

— Между прочим, у нас в доме, по-моему, нет ни одной культюрницы.

— А у нас и чая в пакетиках нет.

— Ну да, да, ты же образцовая хозяйка, а у образцовых хозяек чая в пакетиках быть не должно!

— Ты же сам терпеть не можешь чай в пакетиках!

— Да я же шучу... Давай, звони маме.

Инна Львовна с восторгом согласилась пойти в театр. А Данила обрадовался. Дружба свекрови и невестки — вещь весьма полезная в семейной жизни.

— Да, кстати, я сегодня на работе поспрашивала девчонок насчет твоего Федора. Пока что-то желающих не нашлось. То есть нашлись две, но обе вегетарианки. Причем одна из них вообще веганка.

— Любимая, а ты не подашься в вегетарианство? А то я умру!

— Живи спокойно, я мясоедка даже по группе крови.

— Слушай, у меня идея! Давай я завтра заеду за вами в театр и повезу куда-нибудь поужинать? Как тебе такой вариант?

— С восторгом принимается!

В ресторане женщины без умолку восторгались спектаклем, голосами, оформлением, хореографией.

— Как хорошо, Данька, что ты не пошел, — смеялась Инна Львовна, — я давно такого удовольствия не получала.

— Я тоже! Такая красота... А костюмы, умереть не встать!

— Рад за вас, мои дорогие культюрницы!

— Знаю, меня уже Илонка просветила, — хохотала Инна Львовна.

— Как мне хорошо с вами, мои самые любимые женщины! — умилялся Данила.

Короче говоря, вечер прошел прекрасно.

Завезя мать домой, они поехали к себе.

— Знаешь, Данька, я все-таки хочу, чтобы ты посмотрел этот спектакль!

— Здравсьте, приехали!

— И сама бы еще разок с радостью... Нет, ты просто обязан! Я уверена, на сто процентов, что ты пропрешься! Это такой восторг! Сейчас еще есть некоторые премьерные шероховатости, а вот месяца через два... Обещай мне, что пойдешь!

— Ладно, обещаю!

Они провели чудную ночь, а утром Илона умчалась в фитнес-клуб, так как была суббота, а Данила, приняв душ, решил приготовить свое любимое блюдо — печеную картошку. В аэрогриле на это уходит минут двадцать. На журнальном столе он увидел толстую глянцевую тетрадку — программу вчерашнего спектакля. Он лениво полистал ее. И чуть не закричал, увидев портрет Ариадны. Неужели это она? Да! Ариадна Замчевская, художник по костюмам. Ариадна Замчевская... Сердце колотилось как бешеное. Я нашел ее! Ну, пока еще не нашел, но это уже абсолютно реально. А зачем? Зачем она мне? Чтобы разрушить только недавно возникшую семью? Или вовсе сломать жизнь? Да с чего я взял, что она вообще со мной свяжется? Она театральная человек, вокруг нее такие знаменитости, такие красавцы крутятся. А может, она вообще лесбиянка? Запросто! А я тут с ума схожу. Уже готов бросить к ее ногам все. Да бросать-то мне особо нечего... А она достойна королей. Однако нестерпимо хотелось узнать о ней побольше, и он бросился к компьютеру. Так, Ариадна Максимовна Замчевская, родилась в Москве в 1976 году в семье художников. Окончила художественный факультет Школы-студии МХАТ. Дважды была замужем. Работала в театрах России, Франции, Германии, Канады... Отдает предпочтение музыкальным спектаклям. Ее оформление «Волшебной флейты» Моцарта

в Брюссельском оперном театре принесло ей европейский успех и множество международных премий.

Так... Звезда европейского масштаба. И на кой ей сдался такой парень, как я? Вот разве что я моложе на семь лет. Да собой вроде недурен. И еще я в глазах некоторых женщин романтический герой... Идиот ты, а не герой! Конченный мудака! Влюбился в тетю с картинки. Все! Забудь! Твоей работой нельзя заниматься в состоянии раздрая. Запросто схлопочешь или пулю, или осколок снаряда. А от этой женщины тот еще раздрай будет... Но я же решил забыть о ней, если не встречу. А я разве встретил? Фотка в программке — это не встреча, это химера.

Но мысль об Ариадне мешала жить, как заноза. С этим надо что-то делать! Но тут, к счастью, его отправили в Египет, и он приказал себе забыть о ней. И вроде бы забыл. Отсняв необходимый материал, они с Федором собрались домой, но тут Данила получил сообщение от отца. Тот писал: «Здорово, сын! Твоему старику послезавтра стукнет пятьдесят пять, цифра, так сказать, некруглая, но все-так и хотелось бы в сей скорбный день увидеть единственного сына. Если сможешь, заскочи хоть на денек! Твой старый папка. P. S. Да, заодно отдам тебе твой свадебный подарок!»

— Федюня, как насчет заезда в Берлин?

— В Берлин? А чего там делать?

— Да у папаши день рождения, пятьдесят пять, зовет отметить. Берлин, кстати, классный город!

— Да я-то тут при чем? Нет, лети один! Не люблю быть довеском.

— Федька, какой довесок? Ты мой лучший друг!

— Твой друг, а не твоего папы. На фиг я ему сдался? Да и был я в Берлине. Не вдохновился...

— Ну, что с тобой делать...

И Данила полетел в Берлин. Он давно не видел отца, да и в Берлине хотелось побывать.

Отец Данилы, Андрей Викторович Кульчицкий, был очень известным композитором, весьма популярным на Западе. В Германию он перебрался в начале двухтысячных. В Берлинском оперном театре ставили его оперу, он поехал туда для работы с постановщиком, да так там и осел. С матерью Данилы он уже тогда развелся. Данила был на многое обижен и даже хотел взять фамилию матери. Но с годами все сгладилось, тем более что Инна Львовна вскоре вышла замуж и частенько говорила: «Как мне повезло, что Андрей меня бросил! Жить с композитором человеку, ни черта не

смыслящему в музыке, — пытка!» К тому же отец был очаровательным человеком, легким и общительным, а у Данилы началась своя бурная жизнь, и лелеять прежние обиды казалось попросту глупым. И он с удовольствием предвкушал двухдневное общение с отцом.

Отец встречал его в аэропорту.

— Ох, ты и герой! Просто Джек Лондон! Или нет, Хемингуэй! Девушки от тебя небось мрут?

— Да ну, папа! В наше время у девушек другие приоритеты! — смеялся Данила. — Пап, ты своим приглашением застал меня врасплох, я не успел купить тебе какой-то достойный подарок...

— Ой, брось!

— Но все же я привез тебе одну безделушку, я в этом не очень разбираюсь, но вот, глянь...

— О! Запонки! Отлично, Данька! Я как-то их не носил, но мне тут одна подруга подарила полдюжины шикарных рубашек под запонки! Здорово! Спасибо!

Данила обрадовался, хотя, зная отца, вполне мог предположить, что тот все это придумал на месте, чтобы не огорчить сына. Кто это в наше время дарит полдюжины рубашек? Как-то странно...

У отца была большая квартира на тихой улице неподалеку от Курфюрстендамм.

— Знаешь, я подумываю о том, чтобы перебраться в Потсдам.

— Но почему? Тебе же так тут нравилось!

— Шумно стало. Да и гей-парады замучили, такая пакость... Я один раз чуть на самолет не опоздал из-за них. Да и вообще... Засиделся я тут. А в Потсдаме присмотрел прелестную квартирку. Там тихо, да и воздух куда лучше. И до Берлина недалеко. Ну вот, располагайся, я покормлю тебя обедом, а вечером будем праздновать полулюбилей в шикарном ресторане.

— Вдвоем?

— Я сперва думал, что вдвоем, но как выяснилось, тут сейчас в командировке одна моя подруга, она сегодня позвонила, поздравила, ну, я ее и пригласил. Очаровательная женщина, умная и красивая.

— Это она дюжину рубашек подарила?

— Нет, не она. И не дюжину, а полдюжины, — рассмеялся отец.

А он еще хорош, подумал Данила.

Отец всегда превосходно готовил. Вот и сейчас он поставил на стол фарфоровую супницу — он был еще и эстетом.

— Твой любимый суп, Данилка!

— Ой, с клецками! Ммм! Обожаю! Слушай, у тебя даже вкуснее, чем

у мамы, клецки нежнее! Спасибо, пап!

— А твоя жена не делает тебе суп с клецками?

— Делает, но редко. Пап, я хочу добавки!

— Ешь, милый! — обрадовался Андрей Викторович.

На второе была нежнейшая телятина, запеченная с каким-то соусом и овощами.

— Специально для тебя готовил.

— Блеск!

— Как приятно кормить голодного сына! Ну, рассказывай!

— Что рассказывать?

— Да все! О жене, о твоей сумасшедшей работе, о маме.

— Ох, пап, я как-то не умею!

— Не придуривайся, я же смотрю твои репортажи, у тебя отлично подвешен язык, у тебя нестандартный подход к событиям...

— Ну, значит, о работе говорить не буду, ты видишь ее результаты. Мама, кажется, вполне довольна жизнью, с моей женой они дружат, иногда вместе куда-то ходят...

— Ох, совсем забыл! — хлопнул себя по лбу Андрей Викторович. — Я сейчас. — Он вскочил, на минутку вышел из комнаты и вернулся с красивой тонкой папкой. — Вот, держи!

— Это что?

— Свадебный подарок.

Данила открыл молнию. В папке лежал файл с какими-то документами и кожаный футляр для ключей.

— Ключи... Что это, папа?

— Это черная «бэха»!

— «Бэха»? Мне?

— Тебе, у тебя же свадьба была.

— Но я...

— Я знаю, у тебя есть машина, а это будет семейный автомобиль. Впрочем, как ты захочешь. Твоя жена машину водит?

— Ох, папа, спасибо! — вдруг просиял Данила. — Это царский подарок!

— Ну, так у меня всего один сын!

— Я сам на ней буду ездить, а свою «шкоду» отдам Илонке.

— Да, получишь машину в Москве, в техцентре «БМВ».

— Круто!

— Какой же ты еще мальчишка! — умиленно покачал головой отец. — Скажи, а я внуков дождусь? Пора уж тебе. Четвертый десяток как-никак.

— Да я хочу, но Илонка мне ультиматум поставила: не родит, пока я на этой работе. А я... я люблю эту работу...

— Адреналин?

— Не в том дело, ради адреналина можно с парашютом прыгать. А я чувствую... может, это старомодно звучит... что я должен... потому что могу. Понимаешь? Не могу, потому что должен, а, наоборот, должен, потому что могу.

— Молодец, сын! Я понимаю. Ты мужик! С большой буквы!

— Ладно, папа, пафос не нужен. И, кстати, мама меня понимает. У меня хорошая физическая подготовка, я все-таки десантник...

— Да, сын, я тобой горжусь... Хоть это не мои гены, но твой дед был таким же. Ох, он сейчас гордился бы внуком. Но детей все равно надо родить.

— Вот приезжай в Москву и объясни это своей снохе. Авось мнение знаменитого композитора повлияет.

— Слушай, сын-герой, а у тебя есть с собой что-нибудь поприличнее этой твоей одежды, а?

— Да не очень... Все походно-полевое!

— Тогда подымайся и пойдем что-нибудь купим, а то в тот ресторан, который я заказал, в таком виде вряд ли пустят.

— Сильно пафосный?

— Есть такой момент.

— Надеюсь, без смокинга обойдемся? А приличный костюм мне давно надо купить. И еще... Я хочу что-то привезти Илонке, только, чур, за все это я плачу сам! Иначе просто не пойду.

— Ну, что с тобой делать...

— А вот твои советы мне явно пригодятся, одежда — это не моя сфера.

— Отлично, воспользуемся тем, что я еще не переехал, тут рядом все нужные магазины. Но мы, пожалуй, пойдем в «Карштадт».

Вскоре был куплен отличный серый костюм, три рубашки, туфли, носки и галстук.

— Пап, а галстук обязательно?

— Желательно. А что, в Москве у тебя не бывает ситуаций, когда без галстука нельзя?

— Бывают, но не часто. Пап, а что купить Илонке?

— Ты ее размеры знаешь?

— Ох, боюсь не попасть.

— Тогда купи ей хорошую дорогую сумку. Женщины обожают дорогие

сумки.

— Я мало что в этом понимаю.

— Сейчас задача сильно упрощена. Сумка может существовать сама по себе.

— Это как?

— Ну, раньше сумку подбирали к туфлям или еще к чему-то, а сейчас можно к любому платью взять, например, красную сумку или лиловую. Не промахнешься.

— А ты откуда все это знаешь?

— От дам.

— Понял! Дамский угодник!

В результате по совету отца он выбрал очень красивую сумку из мягчайшей кожи абрикосового цвета. Продавщица сказала, а отец перевел, что сумка подойдет к абсолютно любому летнему наряду.

— Фу, как я устал, — пожаловался Данила. — Ненавижу магазины.

— А я, признаться, люблю. Я ведь рос и мужал в эпоху жесточайшего дефицита.

— Хорошо, что тут так близко от твоего дома.

— Знаешь, меня удивляет, что даже многие женщины заказывают себе одежду по Интернету. По-моему, это неинтересно...

— Илонка тоже не любит по Интернету. Говорит, что ей надо все пощупать, понюхать.

— Значит, настоящая женщина. И она такая хорошенькая! Детки должны быть красивые. Объясни ей, что никто не знает, где тебя судьба подстережет — на театре военных действий или в подъезде собственного дома.

— Пытался. Бесполезно.

— Подозреваю, это просто отговорки. Не хочет она пока детей.

— Думаешь?

— Думаю, сын. А впрочем, это все не мое собачье дело.

— Ох, надо, вероятно, купить еще небольшой чемодан, а то в мой рюкзак вся эта роскошь просто не влезет.

— Не надо, я дам тебе отличный чемоданчик. Очень вместительный, легкий, удобный.

— Так он тебе самому нужен!

— Да нет, знаешь ли... Я уж староват для такого чемодана. И вообще, он скорее дамский, — смущенно пробормотал отец.

— Дамский?

— Ну да. Кстати, он совершенно новый, для твоей жены в самый раз.

— Господи, что ж это за чемодан? — рассмеялся Данила.
— Оранжевый, в крупных ромашках.
— Мать божья! Откуда у тебя такой?
— Одна идиотка подарила.
— Ты имеешь дело с такими идиотками?
— Она моя поклонница. И прислала мне этот чемодан в прошлом году ко дню рождения. А молодой хорошенькой женщине такой в самый раз. Он очень хорошей фирмы, дорогуций. Если тебе уж совсем запаadlo с таким ехать, обмотай его в аэропорту пленкой.
— Да нет, пап, я без предрассудков. Какая мне разница, что обо мне подумают чужие люди?
— Слава богу, ты умнее своего отца!
При виде чемодана Данила расхохотался.
— Супер! Красотища! Такой китч! Но Илонке, скорее всего, понравится. Она вечно навязывает на чемодан какие-то ленточки, а такую красотищу ни с чем не спутаешь. Я в восторге!

— Ну, папа, где же твоя дама?
— Она что-то задерживается. Вообще-то она на редкость пунктуальна. Как бы чего не случилось! О! А вот и она! Как всегда восхитительна!

У Данилы оборвалось сердце. К их столику в сопровождении метрдотеля подходила Ариадна! Отец вскочил и бросился к ней. А Данила с трудом поднялся и стоял столбом. Она женщина отца? Разве так бывает? Но боже, до чего хороша!

— А дочка, милая, счастлив тебя видеть! Выглядишь потрясающе! Вот, познакомься, это мой сын, Данила.

Она протянула ему руку. Он не знал, что делать — пожать или поцеловать? Поцелую! Хоть руку! И он приложился к ее руке.

— О, а я вас узнала! — со смешком произнесла она.
— И немудрено! Его частенько показывают по телевизору!
— В самом деле? Но я крайне редко смотрю телевизор!
— Тогда как ты можешь его узнать?
— А я видела Данилу в одном кафе несколько месяцев назад.
— И запомнила?
— У меня превосходная память на лица, — с легкой усмешкой проговорила Ариадна.
— Я тоже вас запомнил. Такое лицо трудно забыть.
— О! У тебя хороший вкус, сынок! Ты небось пялился на Аду...
— Пялился! — решительно заявил Данила. — И сейчас буду пялиться!

Вы просто неприлично красивы!

— Блеск! — хлопнул в ладоши отец. — Дивный комплимент! Ну, что будем пить?

Данила смотрел в меню, боясь поднять глаза на Ариадну. Оказывается, у нее темные волосы. Никаких повязок на голове, просто туго затянутые в узел гладкие волосы. И огромные синие глаза. Чудо! И она женщина отца? Чудовищно! Да почему? Отец — свободный человек, а я женат... А даже был бы я свободен? Отец — знаменитый композитор, а я рядовой корреспондент. Кусок не лез ему в горло, а Ариадна ела с аппетитом.

— Данила, вам не нравится? — спросила она.

— Просто нет аппетита. Папа так накормил меня за обедом...

— Да, Андрей отменный кулинар. Но все же советую вам попробовать...

— Да, да, непременно.

Возьми себя в руки, кретин! — приказал он себе. — Ты просто смешон, она воспринимает тебя как глупого щенка.

Ариадна извинилась и направилась в дамскую комнату.

— Что, сынок? Завидки берут?

— Ты о чем?

— Ослепительная женщина, да?

— Да, очень красивая, но уже не молода.

— Да ты что! Совсем еще зеленая, как тот виноград...

— Она твоя женщина?

— Ну, у меня нет одной постоянной женщины. Хотя должен признаться, что если бы она согласилась, я бы на ней, пожалуй, женился.

— А она, значит, не соглашается?

— Нет!

— Чем мотивирует?

— Тем, что дважды была замужем и наступать на те же грабли не желает.

— А я не помешаю вам слиться в экстазе?

— Ты чего бесишься, сын? Тебе тут ничего не светит, а слиться в экстазе нам никто помешать не сможет, заруби себе это на носу! — шуточно произнес отец, но Данила понял, что его поставили на место.

— Извини, папа, я, видно, перебрал...

Как странно, до чего же прелестный парень этот Данила. Какой-то чистый, несмотря на такую профессию... А Андрей на другой день все допытывался, нравится ли мне его сын. Смешно, ей-богу. Парень недавно

женился, и к тому же он сын моего любовника... Этот вариант совершенно не для меня. Категорически! Я запомнила его. Он так смотрел на меня в кафе, и этот его взгляд, как это ни дико, придал мне уверенности, а эта уверенность помогла мне в сложных переговорах с режиссером, вздорным и неумным, и я все-таки смогла настоять на своем. Благодаря восторженным глазам этого парня. Он мне понравился. Молодой, горячий и какой-то настоящий. В моем мире практически нет настоящих мужчин. А что такое мой мир — богема. В этом мире все особи мужского пола заиклены на себе, на своих комплексах и в большинстве своем начисто лишены каких-то нравственных представлений. Хотя у мужиков вообще с этим плохо. Вот тот же Данила при всех его прекрасных качествах... Да помани я его пальцем, побежит, забыв и о жене и об отце. А вдруг не побежит? Но я не стану его испытывать. Да и зачем? Какое мне дело до этого парня? Хотя я ему благодарна за две вещи — во-первых, за тот взгляд, а во-вторых, при нем я вдруг поняла, что, кажется, больше не люблю Андрея. А я любила его? Я восхищаюсь его талантом, он чудесный собеседник, очаровательный человек, но... Все куда-то ушло. И меня уже не волнуют его прикосновения, как раньше. Я не стану демонстративно рвать отношения, мне не за что его обижать, но вот через несколько дней вернусь в Москву и постепенно сведу все на нет. И дело вовсе не в его сыне. Нет. Просто этот роман себя изжил. А в Москве сейчас будет очень много работы. И это лучше всего.

Илона пришла в восторг от чемодана и от сумки тоже, а уж когда узнала, что у них теперь будет БМВ...

— И ты мне отдашь свою «шкоду»?

— Конечно! Зачем мне две машины?

— Класс! Но когда ты будешь в командировке, мне можно будет иногда ездить на твоей «бэхе»?

— Зачем? Для понта?

— Конечно! И потом, это ведь подарок к нашей свадьбе, как бы общий...

— А, понял. Езди, но до первой аварии. Если хоть слегка поцарапаешь ее, больше не получишь, договорились?

— Да! Но ты же знаешь, как осторожно я езжу.

— Все! Договорились!

Данила заехал к матери, та просила его помочь подключить и настроить новый телевизор. Мужу она в таких делах не доверяла. Данила

быстро справился с задачей.

— Вот спасибо, Данька! И в кого ты такой технически подкованный? Точно не в меня и не в отца.

— Ну, мама, раз не в мать, не в отца, то только ты можешь знать, кто был тот прохожий молодец!

— Ну и шуточки у тебя! Какие-то казарменные!

— Ой, мамуля, у тебя странные представления о казарменных шутках! — фыркнул Данила.

— Воображаю!

— Твоего интеллигентского воображения не хватит! — рассмеялся он.

— Есть хочешь?

— Хочу, мамочка, очень хочу!

— Ты был у отца?

— Был.

— И как он там?

— Цветет!

— Есть какая-нибудь юная красотка?

— Есть. Только не юная, и не красотка, а потрясающая красавица под сорок лет.

— Странно. Немка?

— Да нет, русская, живет в Москве, в Берлине была в командировке, мы вместе отмечали его день рождения. Отец сказал, что женился бы на ней, только она не хочет.

— Обалдеть! Это что, любовь?

— Да откуда я знаю!

С одной стороны, Даниле безумно хотелось говорить об Ариадне, но он боялся выдать себя. Эта женщина стала наваждением.

— А кто она по профессии?

— Мам, почему ты так ею интересуешься?

— Просто так, из любопытства.

— Она театральный художник по костюмам. Кажется, весьма успешный.

— А как ее звать?

— Ариадна.

— А фамилия?

— Не знаю! Не спрашивал! — пришел в раздражение Данила.

— Данька, ты чего? Постой, уж не та ли это Ариадна, о которой ты мне когда-то говорил? — Мать вдруг положила руку ему на руку и пристально посмотрела в глаза. — Данька, нешто ты влюбился в эту

женщину?

— Что за бред? — закричал он.

— А она обратила на тебя внимание?

— Мама! О чем ты?

— Данька, ты мой единственный сын, я знаю тебя как облупленного, так неужели я могу не заметить такое?

— Все, я пошел!

— Сядь, дурачок! Кому ж рассказать, если не маме?

— Что рассказать? Что? Все, что знал, все рассказал, а если ты себе что-то придумала, я не виноват!

— А ее фамилия не Замчевская часом?

— Откуда ты знаешь? — вдруг охрип он.

— Просто я знала ее мать. Мы работали вместе в «Огоньке». И я многое знаю об этой женщине. Она и в самом деле была невероятно красивая. Но какая-то невезучая. Говоришь, в профессии она состоялась? Я рада.

— А в чем ее невезучесть? — дрожащим голосом спросил Данила.

Ой, мне это не нравится, подумала Инна Львовна. Мальчик недавно женился, Илона хорошая девочка, подходит ему...

— А зачем тебе знать подробности ее биографии, если тебе на нее наплевать?

— Да, пожалуй, незачем. Спасибо, мама, все было вкусно. Я, наверное, поеду уже?

— Ну, езжай! И привет Илонке! Не обижай ее!

— А я разве обижаю? Она что, жаловалась тебе?

— Да никогда! Это просто был материнский наказ!

— А! Понял!

...Данила сел в свою «бэху», которую успел нежно полюбить, и подумал: кольцо сжимается, она оказалась любовницей отца, дочерью маминой коллеги, это уже сродни неизбежности... Чудовищно!

— Дань, я, кажется, нашла мясоедку для Федора! — заявила Илона за ужином.

— Да ты что! — рассмеялся Данила. — Что за кадр?

— Новенькая у нас, младший редактор. Зовут Тоней, хорошенькая, славная, веселая. И обожает мясо! И колбасу.

— А у нее что, нет своего парня?

— Недавно расстались. Он вегетарианец, понимаешь?

— Из-за любви к мясу расстались?

— Похоже на то.
— Здорово! Надо знакомить, а то жалко Федьку.
— Звони ему!
— Нет, я завтра его увижу, а то, мало ли, вдруг там рядом его веганка...

На другой день Данила сообщил Федору, что есть для него девушка.
— Во т, глянь, Илонка даже сняла ее на телефон.
— Ох, черт, я же сегодня утром нашел телефон. Сунул в карман и забыл. Надо бы поискать хозяйку.
— А может, хозяйина?
— Да ну, явно бабская штучка. Дай-ка посмотрю, что за девушка. А что, хорошая, мне нравится! Милая и без особых понтов вроде бы. Давай, знакомь! А то я свою послал... Достали травоядные!
Друзья рассмеялись. Они сидели в буфете телецентра. Обсуждали предстоящую на следующей неделе командировку в Афганистан.
— Мне еще, кровь из носу, надо смотаться в Иркутск, у бати шестьдесят пять лет... так что сватовство после Афгана.
— Когда летишь?
— Завтра утром. А возвращаюсь через три дня. Батя обещал медвежатиной накормить.
— Никогда не пробовал. Вкусно?
— Если уметь готовить. А батя умеет.
— Да, человека, выросшего на медвежатине, салатиками не накормишь!
— Это уж точно! Ой, опять забыл! — Федор вытащил из кармана изящный телефон.
— Да, и вправду бабский. Кому звонишь-то?
— Да хозяйке-растяпе. Тут в записной книжке есть строчка «Дом». Но там никто не подходит. Дань, будь другом, возьми и попробуй дозвониться.
— Давай! погоди, это, кажется, Роналду нашел телефон, вернул и влюбился в девушку?
— А ты женат!
— И вообще это будет не в счет. Телефон-то нашел ты! А я отдам его Илонке, пусть дозванивается, мне некогда.
— Тоже правильно.

Вечером Данила и вправду отдал телефон жене, объяснив, в чем дело. И напрочь об этом забыл.

Через два дня Илона сказала:

— Дань, я дозвонилась до той женщины.

— До какой?

— Ну, до хозяйки телефона. Она так благодарила! Ты сможешь завтра забросить ей? Тебе по дороге, а она болеет. Она живет на Смоленской набережной.

— Ладно, будем благодетелями до конца!

Утром он заехал во двор огромного дома на Смоленской набережной. Достал телефон и позвонил, обругав мысленно жену за то, что та не узнала имени-отчества хозяйки телефона.

— Здравствуйте, я привез ваш телефон.

— Спасибо огромное, я сейчас спущусь.

Голос у женщины был простуженный.

— Но вы, похоже, нездоровы, давайте я поднимусь.

— Спасибо, вы очень любезны. Восьмой этаж.

Он вбежал в подъезд. Лифт стоял внизу. Он поднялся на восьмой этаж. Двери лифта разъехались.

— Вы? Это вы? — ахнул он. Перед ним стояла Ариадна. Бледная, в теплом халате, с замотанным горлом. Но от этого не менее прекрасная.

— Боже мой, Данила! Это вы нашли мой телефон? С ума сойти! Да, бывает... Может, зайдете? Хотите кофе?

— Я бы с радостью, но... Время поджимает... — потрясенно бормотал Данила.

— Спасибо вам еще раз. У меня в телефоне практически все контакты...

— А давайте будем считать, что вы мне задолжали чашку кофе! — вдруг осмелел он.

— И когда я должна буду отдать долг? — хрипло засмеялась она.

— А можно я вам позвоню?

— Разумеется.

— Хорошо. Спасибо. Вы, даже несмотря на все это... на халат, повязку... самая красивая женщина в мире.

— Ого!

— Да. Я раньше считал, что самая красивая женщина — это Мария Феликс...

— Мария Феликс? Разве люди вашего возраста знают Марию Феликс?

— Нет. Не знают. А я знаю. Люблю старое кино. Но вы еще лучше... Все. Я позвоню!

Он чувствовал, что еще две минуты с нею, и он окончательно потеряет

голову. И так как лифт давно ушел, бегом бросился вниз.

В машине он даже не сразу смог включить зажигание. Дрожали руки. Что это? Это судьба! Не иначе! В четвертый раз она нас сталкивает. И ведь вроде бы телефон нашел Федька, дозвонилась ей Илонка, а в результате... И я завтра же позвоню ей и попрошусь на чашку кофе. Наверное, завтра она еще не выздоровеет окончательно, будет еще сидеть дома, а я куплю те сказочные пирожные, которые покупает мама. И цветы. Интересно, какие цветы она любит? Розы? Их вроде все любят... Именно, что все, а она не все. Ладно, куплю тюльпаны, белые тюльпаны. Ей они пойдут... Идиот, ты что, на свидание собираешься? А почему у бы и нет? Она женщина отца? Ну и что? Он же когда-то давно увел у меня, семнадцатилетнего, мою девушку... А теперь я уведу его женщину... Стоп! Я, на минуточку, женат. Куда я могу увести Ариадну? Так я же фигурально... Не уведу, а отобью!

До чего славный парень! Но приглашать его домой не стоит. Если позвонит, позову в кафе. А то уж больно горяч. Но странно, что именно он нашел мой мобильник. В таком гигантском городе, как Москва. Невероятно. Но факт. Это ведь что-то значит... О, а позвоню-ка я Грете... Она в таких делах разбирается.

— Алло, Грета?

— Адка, что у тебя с голосом?

— Да простужена сильно. Скажи, ты сейчас можешь говорить?

— У тебя что-то случилось?

— Да как сказать... Не случилось, но... Нужен совет или, вернее, толкование одного странного совпадения.

— Да? Это по моей части! А хочешь, я сейчас к тебе приеду?

— Приезжай, буду рада.

Через полтора часа Грета позвонила в дверь.

— Ой, Адка, что за вид! Будем пить кофе с пирожными и болтать... Ну, что у тебя стряслось?

— Странная история... Помнишь, несколько месяцев назад мне предложили оформить балет «Синяя птица»?

— Помню, конечно. И что?

— Я этой идеей загорелась... там такие возможности... И жутко волновалась перед встречей с режиссером спектакля. У него неважная репутация, он и впрямь оказался довольно тупым... Я приехала к театру заранее и зашла в кафе выпить кофе и дожждаться условленного часа. А там сидела пара, совершенно очаровательная девушка и молодой мужик, очень приятный...

— И он положил на тебя глаз?

— Да. Пялился просто неприлично. Девушка его одергивала, он отводил глаза... Знаешь, на меня частенько смотрят, но мне почему-то было приятно. Потом я позвонила этому режиссеру и ушла. По дороге я подумала: восторженный взгляд этого парня принесет мне удачу. И в самом деле.

— Он тебя нашел, этот парень?

— погоди, слушай дальше! Через какое-то время я приехала в Берлин...

— А в Берлине Кульчицкий, так?

— Так. Но я поехала не из-за него. Там ставят «Любовь к трем апельсинам» с моими костюмами. И так совпало, что я приехала как раз ко дню рождения Андрея, позвонила поздравить, а он позвал меня в ресторан отметить, как он выразился, «полукруглую дату». И там был его сын.

— Опа! Его сын оказался тем самым парнем?

— Именно!

— Ох, Адка! До чего пикантно!

— Брось! Меня это напрягло. Причем парень сказал, что я просто неприлично красивая... Андрей вроде бы смеялся, но, когда мы остались наедине, я поняла, что он здорово ревнует.

— А как зовут парня?

— Данила.

— погоди, а он не военный корреспондент на канале «Супер»?

— Именно.

— Ух ты! Потрясающий мальчик! Такой мужественный, и репортажи у него всегда небанальные... И улыбка такая сексуальная...

— У меня нет этого канала.

— Так позаботься, чтобы был!

— Зачем?

— Но ты ведь тоже на него запала?

— Да нет! И вообще, послушай сначала.

— Ладно. Внимаю!

— Я там, в Берлине, совершенно независимо от Данилы, вдруг поняла, что мой роман с Андреем себя изжил.

— Так уж и независимо?

— Да абсолютно!

— Ну, допустим. Дальше что?

— А дальше... Я и думать об этом Даниле забыла. А на днях я потеряла телефон. И была просто в отчаянии...

— Постой, ты хочешь сказать, что его нашел Данила?

— По-видимому, нет. Мне позвонила какая-то девушка и, узнав, что я больна, предложила, что телефон мне завезет ее муж.

— И явился этот Данила?

— Именно! А я встретила его вот в таком виде. Но он все равно сказал...

— Что он такое сказал?

— Что раньше считал самой красивой женщиной в мире Марию Феликс, а теперь считает меня...

— Мария Феликс? Это кто?

— Мексиканская кинозвезда пятидесятых годов. И вправду фантастически красивая.

— А ты что?

— А я предложила ему чашку кофе. Но он спешил.

— И это все?

— Он на прощание сказал, что я задолжала ему чашку кофе и он будет звонить.

— Теперь все?

— Теперь все!

— Да, история неслабая. И что думаешь делать, когда он позвонит?

— Приглашу его в кафе.

— Почему так сурово?

— Потому что не хочу от него ничего.

— Уверена?

— На все сто. Зачем мне парень, который почти на семь лет моложе меня? Это раз. Сын моего любовника. Это два. И наконец, он женат.

— Но он тебя взволновал!

— Не он, а цепь совпадений. Да, он еще говорил, что видел меня в Милане. Я его тогда не заметила.

— Понимаешь, Адка, тут уже пахнет неизбежностью. Одна или даже две встречи — это можно счесть просто совпадением, но четыре... Он, скорее всего, твой суженый, которого конем не объедешь.

— Какой суженый? Мальчишка!

— Тебе тридцать девять, ему тридцать два, это чепуха! В наше время крутят любовь и даже выходят замуж за парней лет на тридцать моложе...

— Не мой вариант.

— Да знаю, ты старичков любишь.

— Почему старичков? Просто мужчины, которые старше меня, мне интереснее. Только и всего.

— И все-таки это неспроста. Сама прикинь — в таком мегаполисе, как Москва, твой телефон попал именно к нему в руки, не говоря уж обо всем остальном. Слушай, а он давно женат?

— Да нет, может, полгода или даже меньше. Но какое это имеет значение? Я с женатыми в принципе никаких дел не имею.

— А он, я уверена, сразу разведется, если ты только пальцем его поманишь.

— Я не поманю.

— Железная леди! Но если так, какого черта ты меня вытребовала?

— Надо было выговориться... Обсудить...

— Странная ты все-таки баба, при такой красоте, таланте и обаянии живешь одна. Уж какие мужики вокруг тебя выются...

Ариадна беспомощно улыбнулась.

— Понимаешь, мне главное — самой любить. А не получается. Наверное, мне это просто не дано.

— Ага! А Кондрат?

— О! Когда это было. И видимо, тогда все выгорело, — тяжело вздохнула Ариадна.

— Господи, Адка, неужели ты до сих пор его любишь?

— Нет. Некого любить. Он ведь для меня уже фантом...

— Слушай, а ты в соцсетях его не искала?

— Господи, зачем? У меня, знаешь ли, есть гордость, и у меня на соцсети аллергия. Тошнит.

— А я вот искала!

— Кого? Кондрата?

— И Кондрата, и Юрия Кондратовича.

— И что?

— Его следы затерялись уж лет пятнадцать назад. Может, умер? Или наркоманился? Среда уж больно к этому располагающая. Музыкальная карьера не задалась, а она таки не задалась, хотя поначалу их группа имела успех. А ты хотела бы его увидеть?

— Не знаю. Страшно. Ему ведь уже пятьдесят. Кто знает, как он стареет... Нет, пусть лучше останется в памяти таким, каким я его любила.

Грета пристально смотрела на подругу.

— А ведь тебе до сих пор больно.

— Больно. Он был моим мужем... И он меня бросил. А я его любила.

— Тогда почему не уехала с ним?

— Он меня не звал, к тому же я просто не могу жить вне Москвы.

— Да уж, чего тебе только ни предлагали. И виллу на Лазурном

Берегу, и шале в Швейцарии... Дура ты, Адка, как есть дура. Ну заведи ты роман с этим Данилой, тем более говоришь, что с его папашей все перегорело.

— Да никогда особенно и не горело.

— Ой, не надо врать!

— Нет, я была даже в него влюблена... Он такой очаровательный человек, очень талантливый, образованный, интересный.

— И для тебя достаточно старый.

— И это тоже, — засмеялась Ариадна.

Зазвонил домашний телефон. Женщины вздрогнули. В наше время домашний телефон уже почти анахронизм.

— Алло! — сняла трубку Ариадна.

— Привет! Это Данила!

— Данила? Что-то случилось?

Грета наострила ушки.

— Вас долг не мучает?

— Пока нет. Слишком мало времени прошло.

— Но вы не забыли?

— Нет. Я честная женщина.

— Я понимаю, вы сошлетесь на свою болезнь, а потом позовете меня в кафе. Но меня такой вариант не устроит, тем более что послезавтра я улетаю в командировку. Поэтому даю вам два часа на то, чтобы привести себя в порядок, и приеду. Возражения не принимаются! Какие пирожные вы любите?

— Эклеры, — ответила совершенно сбитая с толку Ариадна.

— Отлично. Я тоже люблю эклеры! До скорого!

И он повесил трубку.

— Наглец! — проговорила Ариадна.

— В чем дело?

Ариадна передала подруге слова Данилы.

— Ничего себе напор! Молодец парень!

— Да я его и на порог не пущу!

— Пустишь! И на порог, и в койку!

— Еще чего!

— Он сказал, что улетаёт в командировку?

— Да. Ну и что?

— А ты знаешь, куда он летает? В самые горячие точки. Там опасно. А если его там ранят или, не дай бог, убьют, виновата будешь ты!

— Я? С какой это стати?

— Да мысли у парня будут не те...

— Ну, если я его пущу, то уж тем более. Глупости все! Нельзя даже думать о таких вещах.

— Все, я пошла! А ты приведи себя в божеский вид и не разочаровывай парня!

— Грета, пожалуйста, останься! Пусть поймет, что, если ты не слушаешь собеседника, может случиться облом. Он же мне слова вставить не дал. Приеду, и все! А у меня тут подруга!

— Ой, мамочки, тебе что, тринадцать лет? Не могу слушать эту ахинею! Я ушла! Завтра позвоню!

Она и в самом деле ушла. А Ариадне вдруг стало страшно. Да чего я боюсь, идиотка? Надо вести себя с ним как старшая сестра... Мило, мягко, но без малейшей фамильярности. Он, видно, решил взять меня нахрапом. Но, скорее всего, сам боится. Дурачок! Не бросится же он на меня с порога? А я умею справляться с назойливыми кавалерами.

И она отправилась в ванную. Приняла душ, причесалась. Надела джинсы, светло-бежевый свитер, заколола волосы в пучок. Вид достаточно строгий. Выгляжу не ахти, но я ведь простужена. Да оно и к лучшему. А я, кажется, волнуюсь? С чего бы это? Она подошла к окну. Андрей подарил сыну черный БМВ. Но во двор въехало такси, из которого выскочил Данила с какими-то цветами и большим пакетом.

— О господи! — пробормотала Ариадна. — Зачем? Я не хочу!

— Ариадна, я... Вот тут пирожные и сыр... Я не знаю, вы любите с плесенью? А тюльпаны?

Он совал ей в руки свои подношения, глаза его лихорадочно блестели.

— Данила, вы что, выпили?

— Две рюмки коньяку. Для храбрости! Вы сердитесь?

— Да нет... ладно, заходите, ботинки не вздумайте снимать! И проходите на кухню.

— А руки можно помыть?

— Это можно. Вон та дверь!

Какой забавный! Пожалуй, можно его не опасаться.

Она заварила кофе. Он смущенно топтался в дверях кухни.

— Садитесь, Даня.

— Ох, спасибо! Я боялся, что вы меня прогоните. Можно я сразу скажу, а то меня разорвет!

— Даже так? Ну что ж, говорите!

— Ариадна, я... я все понимаю... весь бред сложившейся ситуации.

Вы и мой отец... И вообще... Но я буквально схожу с ума... Вы мне снитесь, везде мерещитесь... Я вчера ехал на машине, и мне показалось, что вы идете по тротуару. Я затормозил, закричал... Это были не вы. Наверное, это любовь? Со мной никогда ничего подобного не было. Я люблю вас, Ариадна! Я из-за вас попал в лабиринт, а вы мне ниточку не дали... Как мне выбраться?

— Ох, до чего образно. Но в этом лабиринте нет Минотавра.

— А я в этом не уверен.

— Что вы имеете в виду?

— Любого другого мужика...

— Данила!

— Простите! Но я умираю от ревности!

— К кому?

— Ну, для начала к отцу.

— О господи! Не заставляйте меня пожалеть, что я вас впустила.

— Простите. Я сам не знаю, что плету, я при вас просто дурею.

— Чем дуреть, пейте лучше кофе. Настоящий бразильский. Мне привезли из Сан-Паулу.

— Кто?

— Что кто?

— Кто привез?

— А вам не все равно?

— Это первый Минотавр? Или имя им легион?

— Что вы себе позволяете?

— Простите!

— Знаете, Данила, давайте говорить откровенно.

— Я с вами предельно откровенен.

— Попробую ответить вам тем же. Я понимаю, я вам понравилась, потом ряд совпадений, и вы решили, что это некое предопределение. Вы романтичный мальчик...

— Я не мальчик!

— Для меня вы мальчик! Так вот: я никогда не имею дел с мужчинами младше себя, это раз, с женатыми мужчинами, это два, и уж тем более не буду связываться с сыном моего любовника. Я все сказала.

Он засмеялся.

— Почему вы смеетесь?

— Потому что все принципы сушая чепуха, когда речь идет о любви. А я вас люблю.

— Но я-то вас не люблю.

— У вас есть коньяк?
— Есть. Но я вам не дам.
— Ничего мне давать не хотите? А вам совсем не любопытно сравнить отца и сына в постели?
— Убирайтесь отсюда, пошляк!
— Нет. Я не уйду. Понимаете, я просто не могу перестать смотреть на вас. Знаете, у Ренуара есть «Девушка с веером»?
— У него их несколько.
— Ну, такая черненькая, с челочкой... Я вот на нее могу смотреть часами. А на вас сутками. Вот, у меня тут есть ваш портрет... в телефоне. Я при первой возможности на него смотрю...
— Вероятно, в юности у вас не было безответной любви. Теперь будет. Но это пройдет, уверяю вас. А теперь ступайте домой, к жене. Вы мне все сказали, я вам тоже. Аудиенция окончена.
— Знаете, я военный человек... служил в десантуре, мотаюсь по горячим точкам и знаю — есть много способов взять намеченную цель: налет, осада...
— Скажите еще, бомбардировки!
— И бомбардировки! Цветами, письмами, эклерами...
Она фыркнула.
— Скажите еще, тухлыми помидорами!
— О нет!
Он вдруг бухнулся перед ней на колени.
— Встаньте немедленно! И уходите.
— Хотите, чтобы я ушел?
— Жажду!
— Хорошо, но за выкуп!
— Какой еще выкуп?
— Вы позволите мне себя поцеловать.
— Да ни за что!
— Тогда я останусь.
— Я позову на помощь!
— Кого? Полицию?
— Зачем? Соседей!
В этот момент раздался звонок в дверь.
Слава богу, кто-то пришел!
Она пошла открывать. Час от часу не легче. На пороге стоял ее сосед с шестого этажа, знаменитый артист и красавец Александр Тимохин.
— Богиня,пустишь?

Он был подшофе.

— Заходи!

— О, как ты великодушна! Ты не одна? Это что, соперник? Надеюсь, не счастливый? А, парень, ты тоже увяз в ее паутине? Сочувствую. Будем знакомы. Саша!

— Привет, Даня!

— Мне твоя рожа знакома, но ты не артист, да? Погоди, ты Кульчицкий?

— Факт.

— Слушай, а тебе не страшно там... на передних рубежах?

— Бывает и страшно.

— Но ты молодец! Тебя всегда интересно слушать. Ариадна, знаешь, это крутой чел! Да, я вот зачем пришел... Я знаешь кого видел в Испании? Кондрата!

— Что?

— Ага! Побледнела! Он старый стал, но еще эффектный! Загорелый.

— Где ты его видел, Саша?

— Да на пляже. Он был с какой-то девушкой. Хорошенькая, но тебе в подметки не годится.

— Ты говорил с ним?

— Да нет. С какой стати? Я же с ним не знаком.

— А ты уверен, что это был он?

— Еще бы! Я же был его фанатом. Богиня, дай коньячку, я знаю, у тебя есть.

— Послушайте, ребята, я больна, плохо себя чувствую, шли бы вы подобру-поздорову!

— Дай коньяку, и мы уйдем! Пошли ко мне, Данила! Но у меня выпить нечего.

Ариадна в крайнем раздражении вынула из буфета бутылку коньяка и сунула в руки Тимохину.

— Вот! Берите и валите отсюда!

Они ушли. Едва выйдя на площадку, Данила спросил:

— А кто такой Кондрат?

— Молодой, уже не знаешь! Был такой известный рок-музыкант в свое время. Ее первый муж. Говорят, она без памяти его любила. А он со своей группой свалил в Америку и сгинул. Группа быстро распалась, кто-то из ребят вернулся, а Кондрат затерялся.

— Кондрат? Это имя?

— Сценическое. На самом деле он Юрий Кондратович. Слушай,

пошли ко мне, выпьем маленько.

— А пошли! — согласился Данила в надежде что-то еще узнать об Ариадне.

А она сидела в полном изнеможении.

Зазвонил телефон.

— Слушай, богиня, я забыл, я же снял Кондрата на телефон. Хочешь взглянуть?

— Да, хочу, — после некоторой паузы проговорила Ариадна.

— Хочешь, получишь! Все, пока!

И через две минуты ее телефон возвестил о приходе сообщения.

Ой, как страшно! Она медлила, не открывала. А чего я боюсь? Увидеть старика, пропитого или молодящегося? Хотя какой он старик? Он на пять лет моложе Андрея, а тот совсем не выглядит стариком... Нет, сейчас не буду смотреть. Я сейчас слишком сердита и на Данилу, и на Сашку. Раздражена. Надо сперва успокоиться... Но... Или я боюсь увидеть его рядом с молоденькой девчонкой? Выпить бы сейчас, но я отдала коньяк Сашке. Дура. О, у меня же есть водка! Она налила себе полстакана водки, выпила одним махом, сморщилась, перевела дух. И наконец открыла присланные фотографии. Мужчина на фото отдаленно напоминал Кондрата, но это был не он! Похож, тот же тип, но не он! Господи, зачем мне все это? Он и думать обо мне забыл. Если он вообще жив. А зачем он мне? Большая часть жизни прошла без него. Он небось и не помнит шестнадцатилетнюю дурочку, которая все бросила, пошла за ним, служила верой и правдой, сходила с ума, ну еще бы... Он был на десять лет старше, красив как бог, знаменитый рок-музыкант, вокруг тучи девчонок, а он выбрал меня! Правда, потом выяснилось, что кроме меня многие удостоились его внимания... Он не скрывал от меня своих походов, но всегда твердил, что любит только меня. А мне так хотелось верить... Я забеременела, он считал, что нам рано думать о ребенке, мы были плохо устроены. Я сделала аборт и навсегда лишилась возможности иметь детей. Но мне было семнадцать, я сходила с ума от любви. Я почему-то уверена, что он жив... Чувствую. Ну, а мне-то что?

Она еще раз всмотрелась в фотографии. Смешно. Это не он. И вдруг от выпитой водки, от всех волнений сегодняшнего дня ее охватила ярость. Она выбежала из квартиры и помчалась вниз по лестнице. Позвонила в дверь. Открыл Сашка.

— Богиня! Ты чего?

Она, захлебываясь слезами, стала колотить его кулачками в грудь.

— Дурак! Дурак! Зачем ты? Это не он! Понимаешь, не он!

— Успокойся, ради бога! Как не он?
— Так! Не он!
— Неужто ошибся? Ну извини, подруга! А ты чего разбуянилась?
В прихожую выскочил Данила, уже изрядно захмелевший.
— Что случилось? Что с вами? Почему вы плачете?
— Потому что... это не он! Не он! — рыдала она.
— У нее истерика, — шепнул ему Александр. — Жалко ее... Адочка, пойдём, приляжешь тут на диванчике, поспишь полчаса, и все пройдет! Ты что пила?
— Водку, — всхлипнула она. — Ладно, я пойду, извини, Сашка...
— Я вас провожу, — вызвался Данила, мигом протрезвевший. — И мне уже пора...
— Куда ты пьяный? Заметут!
— Я на такси.
— Ладно, Данила, ты классный парень! Заходи, звони! Вот тебе моя визитка. Если захочешь в театр, звони!
— Спасибо, Саш! — сердечно поблагодарил он известного артиста. — При случае — непременно позвоню! Ариадна, идемте!
— Куда?
— Домой вас отведу!
— Я сама! Мне никто не нужен!
— Верю. Но у вас осталась моя куртка. И телефон. Я без него как без рук, уж извините.
Данила бережно обнял обмякшую Ариадну, вызвал лифт. Она вдруг совсем ослабла, еле держалась на ногах. Он почти внес ее в лифт. Она уткнулась лицом ему в грудь. Ее плечи вздрагивали. Куда девалась роскошная неприступная красавица?
— Где ключи? — спросил он.
— Не помню.
Он толкнул дверь, она была открыта.
— Сумасшедшая женщина, разве так можно?
Он опустил ее на стул в прихожей. Она вдруг подняла к нему свои невозможные глаза, полные слез.
— Скажи, мальчик, ты и вправду меня любишь?
— Я вам уже все сказал. А сейчас вам надо лечь.
— Знаешь, они все ко мне лезут... Хотят, но никто не любит... И отец твой, и другие... А ты, кажется, и вправду...
— Я вправду! Но вы сейчас пьяная. Я так не хочу. Я послезавтра улетаю, а вернусь, тогда и поговорим о любви. Идет?

Она молча кивнула. И была при этом так прекрасна, что он поспешил выскочить из квартиры.

А ведь останься я сейчас, она была бы уже моя. Но по пьяни я не хочу. Она потом меня возненавидит. И он понесся вниз по лестнице. И вызвал такси. Оно приехало очень быстро. Усевшись рядом с водителем, он достал телефон. Пять неотвеченных звонков от жены.

Он набрал ей. Она мгновенно откликнулась.

— Ну, ты где?

— Да попал в заварушку на дороге. Все в порядке.

— А почему на звонки не отвечал?

— Просто не слышал. Скоро буду.

А ведь этот Кондрат и есть главный Минотавр. Он набрал в поисковике «Кондрат». Сведений было не так много, и все большой давности. Были и фотографии — роскошный рокер с пшеничными волосами ниже плеч. Пронзительный, даже какой-то демонический взгляд светлых глаз. В девяностые годы эмигрировал в Америку с группой «Черный пояс». Группа вскоре распалась. Собственно, именно это ему рассказал Александр. Сейчас Кондрату, если он жив, уже полтинник. Неужели она до сих пор его любит? Но она еще раз была замужем, за каким-то олигархом, но быстро ушла. Александр сказал, что он ее дико ревновал и, кажется, даже поколачивал. Но она ушла без скандала, и он в благодарность подарил ей эту квартиру. Еще Сашка сказал, что она очень спокойная и выдержанная. Я сегодня этого не заметил. Она была здорово выбита из колеи. Но у меня появилась надежда. Она говорила, что никто ее не любит. Значит, она обязательно оценит мою любовь. А если нет... Что ж, значит, я сам буду виноват.

Дома его ждал небольшой скандал. Но он сумел все свести к шутке.

А утром позвонил Федор.

— Привет, брателло, я вернулся! Приезжай ко мне, угощу медвежатиной!

— Круто! Заеду!

— Знаешь, я там себе мясоедку приглядел. Такая девка, огонь!

— Рад за тебя! А ты знаешь, чей это был телефон?

— Какой телефон?

— Ну, который ты нашел?

— И чей же?

— Умрешь, не догадаешься.

— Только не говори, что этой твоей красавицы, как ее, Ариадны?

- Именно!
- Ну ни фиги себе! И что?
- При встрече!
- Когда появишься?
- Брателло, ты что, с луны свалился? Нам же надо документы все получить, и вообще. Встречаемся на студии, а потом уж к тебе.
- Ух ты, и вправду как с луны...
- Размечтался о сибирской мясоедке?
- Зришь в корень!
- Друг Федор, нам надо собраться, а то при нашей работе мечты о бабах до добра не доведут!

Часть 2

«В горах Афганистана потерпел аварию вертолет с группой иностранных журналистов. Среди них двое россиян — корреспондент канала «Супер» Данила Кульчицкий и оператор Федор Масленников. Никаких сведений о крушении мы пока не имеем. Но с группой потеряна связь. Есть предположения, что вертолет укрылся от непогоды в горах, где вторые сутки бушует снежная буря. Из-за этого поиски группы пока невозможны».

Все средства массовой информации сообщили об исчезновении вертолета. В Интернете каких только версий не было! Они попали к талибам, это дело рук ИГИЛ и все в таком роде.

— Ерунда! — говорила Инна Львовна. — Я чувствую, Данька жив и все с ним в порядке!

— Как вы можете это чувствовать! — рыдала Илона.

— Материнское сердце! Вот года два назад было что-то похожее, а я точно знала, что он вернется. А когда он в армии всего только руку сломал, я сразу почуяла — с ним беда! И когда моей бабке прислали похоронку на моего отца, она тоже не поверила. И была права! Поверь мне, девочка, он вернется!

— Вашими устами...

— А ты сама разве не чувствуешь?

— Чувствую, еще как чувствую! Я всегда чувствовала — эта работа до добра не доведет! Да я со страху помираю... И не верю я вам, это вы меня утешаете, а вернее, себя! Нет, если он, Бог даст, вернется, я ему ультиматум выдвину!

— Не вздумай!

— Пусть только вернется!

И он через три дня вернулся! Их вертолет действительно потерпел аварию, но пилот сумел его посадить достаточно удачно, никто не погиб, но один французский журналист умер от инфаркта. А найти их не могли из-за снежной бури.

Едва пришло сообщение о том, что журналисты найдены, Инна Львовна позвонила невестке.

— Ну, что я тебе говорила!

— Да, вы были правы, — опять рыдала Илона.

— Что-то много ты рыдаешь, девочка. И главное, не вздумай ставить ему никаких ультиматумов!

— А как? Это вам, наверное, нравится, что ваш сын такой крутой мужик, да? А мне это не надо! По мне, пусть лучше работал бы в глянцевоm журнале!

— Позволь, но зачем же ты замуж за него выходила?

— Я думала, он...

— Ты думала, что сумеешь его изменить? Так вот, запомни, девочка, это самое большое женское заблуждение! Если мужик настоящий, то измениться он может только сам, под давлением каких-то очень тяжелых жизненных обстоятельств. И я своему сыну этого не желаю! Он такой, какой есть, и я им, таким, горжусь! Подумай над моими словами!

Вот еще, подумала Илона, просто ты уже старая кошелка, со всякими старомодными представлениями, и про ночную кукушку уже небось забыла! Илона обиделась на свекровь. Хотя та, кажется, желала ей добра. Но как-то уж очень по-своему.

...А вот Ариадна ничего даже не слышала об этом переполохе. Телевизор она не включала, Интернет тоже, она заканчивала срочную работу для Нижегородского оперного театра, где ставили оперу Глинки «Руслан и Людмила». Работа была увлекательная, и к тому же достаточно срочная. Только срочная работа помогала ей забывать обо всем. Она с головой погружалась в мир спектакля, жила этими образами и все время слушала дивную музыку Глинки. Постановщик спектакля, к счастью, не задавался целью шокировать зрителя, это была просто чудесная сказка, дававшая простор фантазии художников. И со сценографом, Валентином Губером, и с постановщиком, знаменитым греческим режиссером, влюбленным в оперу Глинки, установились теплые отношения и взаимопонимание. Грека звали Микис Кардонас, и он с ходу оценил не только талант Ариадны, но и ее несравненную красоту. Микис неплохо говорил по-русски, так как был женат на русской женщине. Его жена Маша, сама родом из Нижнего, была еще и его помощницей и очень хорошо отнеслась к Ариадне.

— Ты есть кинодива, Ариадна! Это, кстати, греческое имя! Бог неправильно распорядился тобой! — заявил Микис.

— Почему? — смеялась Ариадна.

— Он дал тебе такую красоту и обязан был дать талант актрисы, а дал талант художника по костюмам! Неправильно поступил!

— Микис, не богохульствуй! — одернула его жена.

— Что за неприличное слово ты говоришь, Маша! Я не могу его

выговорить прилично! Ужасно!

Иногда по вечерам в гостинице она думала: как мне хорошо с этими людьми. Здесь никто не знает ни про Кондрата, ни про Данилу, даже про недоброй памяти Леонида. Я для них просто художник по костюмам. И Маша эта такая славная! Странно, я никогда не была в Греции... Столько стран объездила, а в Греции не была. Микис все твердит, что я должна приехать к ним на остров Корфу. Когда-то в раннем детстве я зачитывалась книгами Даррелла и мечтала попасть на этот благословенный остров. А может, и попаду еще? Они такие милые люди...

Ариадна часами пропадала в пошивочном цехе театра, следя буквально за каждым шовчиком, чем несказанно удивляла выдавших виды театральные мастерицы.

— Ты, дочка, не бойся, не напортачим, — успокаивала ее пожилая заведующая. — Опыт у нас есть, всякое видали, только вот таких дотошных художников мало осталось. По большей части скинут эскизы, а там хоть трава не расти. А ты на все примерки ходишь... Не доверяешь нам?

— Да что вы, Аграфена Игнатьевна! Я просто хочу добиться максимального эффекта. На одной певице костюм сидит так, а на другой иначе. А не дай бог еще новую певицу введут, а на ней он будет сидеть как на корове седло. Я уж лучше что-то поменяю в эскизе, постараюсь, чтобы на любой фигуре костюм сидел хорошо.

— А промежду прочим, артисты говорят, что твои костюмы легкие и удобные. А уж красотища какая...

Слышать это от опытной мастерицы было необыкновенно приятно.

— Скажи, а правду говорят, у тебя муж был олигарх?

— Был.

— И чего?

— Я от него ушла.

— Плохой был?

— Хорошего мало.

— Они все, что ли, сволочи, эти олигархи? Как посмотришь телевизор...

— Насчет всех не знаю.

— И чего нынешние девки мечтают за олигархов выйти?

— Дуры потому что. Только о деньгах думают.

— А ты, когда за него шла, о чем думала?

— Точно не о деньгах. Он приятный был, ухаживал красиво, заботился... А мне было грустно и тоскливо, ну я и подумала, а вдруг... Не

получилось. Да бог с ним. Я на него зла не держу, тем более что он при разводе купил мне хорошую квартиру.

— Значит, не вовсе гад?

— Не вовсе, — улыбнулась Ариадна.

— А ты сейчас, говорят, не замужем?

— Да. Больше не хочу. Я сама себе хозяйка, сама зарабатываю...

— Правильно, промежду прочим! Вот как мой муж-то помер, я только, можно сказать, жить начала. Сватались ко мне разные... А я ни в какую! Скажи-ка, вот тут что, вытачку делать не будем?

— Ни в коем случае! Зачем она тут?

— Да я по привычке... А и впрямь не нужна, надо же... Интересно! Слушай, а ты и за границей работала?

— Работала. Много раз.

— Ну и где лучше?

— По-разному. Вот в Америке, в одном театре, меня просто не пустили в цех.

— Как не пустили?

— А так! Сказали — нечего вам там ловить. Вы свою работу сделали, сдали, а дальше уж наша забота. Это, мол, ваша русская привычка во все лезть самим, а у нас профсоюз, то, се... Мол, не первый день замужем.

— И чего?

— Я была в ужасе! Там одна артистка была худая как скелет, на нее этот костюм надо было по-другому сажать... Но она, как ни странно, осталась довольна. Так что по-разному бывает. Но теперь, когда меня приглашают за границу, я в контракт вставляю пункт о том, что контролирую все до выпуска спектакля.

— И они соглашаются?

— Бывает, что и нет. Тогда я отказываюсь категорически. Но больше люблю работать дома. Где еще так поговоришь, Аграфена Игнатьевна?

— Ну, и не всякий художник станет с нами разговаривать. Вот был один из Питера... Что ты! Такой гонор! Я все лучше всех знаю! А вообще все от человека зависит.

— Это верно!

— Скажи, а ты не только в оперных театрах работаешь?

— Нет, и в драматических тоже.

— А в кино?

— Нет, в кино пока не звали. Да я и не стремлюсь особо.

— Ты вот, я смотрю, жутко красивая баба...

— Спасибо!

— Да что спасибо! Трудно небось с такой красотой, особенно в театрах? Мужики небось лезут, как тараканы из всех щелей?

— Бывает. Но я умею отшивать. Даже одно время на карате ходила.

— Вот как! И чего, чуть что — ногой по яйцам?

— Это уж в крайнем случае, а так иной раз руку заломить... Я еще и боксом занималась.

— Обалдеть от тебя! — восторженно воскликнула Аграфена Игнатьевна. — Нешто бабы боксом занимаются?

— А как же! У нас даже чемпионка мира по боксу есть, Наталья Рагозина. Красивая очень.

— Тоже небось в бокс пошла от этих козлов защищаться?

— Чего не знаю, того не знаю, — засмеялась Ариадна.

А на другой день в театральном буфете сценограф Валентин Губер вдруг спросил ее:

— Адочка, это правда, что вы владеете чуть ли не всеми боевыми искусствами?

— Владею, но далеко не всеми!

— Значит, к вам с гнусными намерениями лучше не соваться?

— А у вас есть гнусные намерения в отношении меня?

— Да как не быть! Я же мужик все-таки, и к тому же художник, как не оценить такую красоту?

— Но теперь вы знаете, что вас ждет?

— Знаю, — тяжело вздохнул Губер. — Я понятливый и впечатлительный.

— Вот и славно!

Ариадна решила остаться в Нижнем до премьеры.

В один прекрасный день ее вызвали на проходную.

— Ариадна Максимовна, вас тут спрашивают! — сообщил охранник Степан, всегда смотревший на нее с немым восторгом.

— Кто?

— Господин Кульчицкий. С телевидения.

Данила? Но как... Зачем?

— Что ему сказать?

— Я сейчас спущусь.

Она сбежала по лестнице. У будки вахтера стоял Данила.

— Вы?

— Ариадна!

— Какими судьбами? — довольно сухо осведомилась она.

- Я приехал. Не мог дозвониться.
- Почему? Телефон у меня работает. Но как вы узнали?
- Это не так уж сложно, имея Интернет и будучи знакомым с вашим соседом.
- Данила, подождите меня здесь минут пять, я предупрежу, что отлучусь.
- Я лучше на улице...
- Как угодно.

Никого предупреждать она не собиралась. Просто накинула пальто. Пойду выпью с ним кофе и вернусь. В бардаке, который творился в театре в преддверии генеральной, никто ее отсутствия не заметит. Зачем он примчался? Не хочу! Мне было так хорошо и спокойно тут, несмотря на предпремьерные волнения. Какого черта его принесло? Будет объясняться в любви...

- Она вышла на улицу.
- Ариадна!
- Здравствуйте, Данила! — Она протянула ему руку. — Что вас сюда привело?
- А то вы не знаете!
- Данила, пойдете куда-нибудь в кафе, я хочу есть... Там и поговорим!
- О, с радостью, я тоже голоден как волк.

- Данила, что-то случилось? У вас какой-то странный вид. Вам больно? Какая-то травма?
- Больно, но терпимо. Сломал два ребра. Но это не страшно.
- Как вас угораздило?
- Да в Афгане...
- Когда?
- Две недели назад. Пойдите, а вы что, ничего не знаете?
- О чем?
- С ума сойти! Весь мир гудел...
- Да скажите уже толком!
- Мы были в Афганистане, с группой журналистов из разных стран. Наш вертолет поломался...
- Боже мой!
- К счастью, пилот был классный, сумел посадить машину, но связи в горах не было, и к тому же началась жуткая снежная буря. Нас сочли

пропавшими без вести. Но через четыре дня нашли. Я отделался легким испугом. Сломал два ребра. Один французский журналист умер от инфаркта. А так у людей травмы вполне совместимые с жизнью. Переполох был страшный...

— Ох, а я даже ничего не знала...

— Вы не смотрите телевизор и, как я понимаю, с компьютером не дружите?

— Нет, не дружу. Но я могу себе представить, что пережили ваши близкие, Андрей...

— Ни слова об отце! Ариадна, я свободен!

— В каком это смысле?

— Я ушел от жены!

— Господи, зачем?

— Затем, что она выдвинула мне ультиматум. Или она, или моя работа. Вот я и выбрал работу. И вас.

Черт, я что-то не то говорю... И не так.

— Погодите, Данила...

— Нет. Это вы погодите, дайте сказать... Когда я был у вас, вы плакали, говорили, что вам не хватает любви, что все к вам лезут, а никто не любит...

— Я была пьяная.

— А что у трезвого на уме... Сами знаете. Так вот, я заявляю вам, в твердом уме, трезвый как стеклышко, — я люблю вас. Выходите за меня замуж.

— Ой, — поморщилась Ариадна. — Замуж? Да ни за что!

— Я буду хорошим мужем, буду любить, беречь, заботиться...

— Слова, слова, слова!

— А вы испытайте меня...

— Мальчик мой, возвращайтесь к жене, я уверена, она вас примет, небось сто раз уже пожалела о своем ультиматуме. Она молодая, очаровательная, она родит вам детей, и ультиматум-то выдвинула из любви к вам. А я, увы, не люблю вас...

— Вы... Вы любите отца?

— О нет! Да и не любила, наверное. Я, похоже, вообще любить не умею. Зачем вам это?

— Да все я понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Знаете, там, в горах, было тяжело и ужасно холодно. Но стоило мне подумать о вас, у меня кровь буквально вскипала...

Какой он милый... Хороший... Но не мой. А что мне мешает? Разница

в возрасте? А кроме разницы в возрасте? Пожалуй, ничего... Что, если просто завести с ним легкий роман, без этой дури с замужеством, просто роман? Он очень привлекателен, этот Данила... Эти густые каштановые волосы, так и хочется запустить в них руку, рот просто обольстительный, чудесные большие руки...

— Послушайте, я не лошадь, а вы не барышник! — вдруг взорвался он.

— Что? — ахнула она.

— Вы на меня сей час смотрите как на товар. Да, неплохая лошадка, осталось только зубы посмотреть...

— Данила, что вы плетете?

— А разве не так?

— Совершенно не так! Я просто думала: до чего же хороший парень и как жаль...

— Ни слова больше! И послушайте меня! Я человек целеустремленный и всегда добиваюсь своей цели. Вы же ничего обо мне не знаете. Так уж будьте любезны послушать, чтобы сделать выводы на основании информации, что называется, из первых рук.

«Да он взбешен! — с удивлением отметила Ариадна. — Интересно!»

— Так вот, я — мальчишка из интеллигентной семьи, с моим отцом вы слишком хорошо знакомы, а моя мать даже работала вместе с вашей в «Огоньке».

— Да вы что?

— Это потом. Так вот, я теоретически должен был бы стать типичным мальчиком-мажором, но меня от них тошнило! Я поступил, причем самостоятельно, без блата, в МГИМО, а через год бросил и пошел в армию, учтите, что тогдашняя армия коренным образом отличалась от нынешней. И попал в «войска дяди Васи»...

— Куда?

— ВДВ у нас так расшифровывали, и был там, поверьте, не из последних!

— Верю! — Ей вдруг стало интересно.

— Я вернулся и пошел доучиваться. Но стал уже другим человеком. И решил, что буду военным корреспондентом. Пробиться было нелегко, но я пробился. И на канале «Супер» меня оценили, кроме репортажей из горячих точек я начинаю делать свою ежемесячную программу. Мой репортаж о падении вертолета показали во всем мире, даже там, где не верят ни одному слову российских журналистов.

— Круто!

— И вы полагаете, что я отступлюсь от женщины, в которую влюбился как последний бобик?

Ариадна засмеялась.

— Этот «бобик» в такой пафосной речи прозвучал просто прелестно! А теперь послушайте меня, мачо! Вы тоже обо мне ничего не знаете! Думаете, я такая слабая, нежная, тростинка на ветру? Я отлично владею приемами карате, более того, я кандидат в мастера спорта по боксу! И я умею за себя постоять!

— Это тоже круто! Не ожидал! Но вы что, решили, что я буду действовать силой? Нет. Я просто буду действовать! А сейчас всего наилучшего! Встретимся в Москве!

Он встал, подошел к официантке, расплатился с нею и ушел, даже не оглянувшись на Ариадну.

— Вот это да! — восхитилась она. И что-то шевельнулось в душе. Нет, каков! Мужик! На сто процентов мужик! Неужели такие еще есть? Сильный, гордый, решительный! И умный! Сразу смекнул, что я его по статьям оцениваю. Надо же... Черт побери, а может, это мой шанс на любовь? Так хочется любви и романтики. Это старомодно... но что поделать. А он такой романтичный тип! Она на минутку закрыла глаза и представила себе, что Данила ее обнимает. Хорошо!

— Адочка, вы о чем это размышлялись? Или о ком? — раздался голос Губера.

— Да нет, Валя, я просто задумалась о своем следующем проекте.

— И что это будет?

— Мольер.

— Какой Мольер?

— Что значит какой? Жан-Батист. «Лекарь поневоле» в антрепризе.

— Фу!

— Почему это фу? Мольер!

— Но в антрепризном спектакле какие у художника возможности?

— У художника по костюмам очень неплохие. И потом, у меня цель сделать все минимальными средствами, а это интересно, как исходная задача. Вот когда ты разлетишься со своим воображением, а тебе скажут «ша, детка», втрое сокращаем бюджет... Тогда плохо. А когда с самого начала говорят: можешь рассчитывать максимум на эту сумму, начинается самое интересное.

— А что это мы вдруг еще похорошели, хотя, казалось бы, куда уж? Говорят, тут был какой-то молодой человек...

— Вы поэтому сюда приперлись, а не в театральный буфет? —

фыркнула Ариадна.

— Признаюсь, любопытен безмерно. И, как художник, просто не могу пройти мимо такой невероятной красоты. Как вам с такой красотой живется?

— Да как-то живется. Не сказать, чтоб очень счастливо, — улыбнулась Ариадна. — Мне когда-то бабушка моя сказала: «Ты, девочка, не должна все время думать о том, какая ты красивая. Эта мысль многим жизни загубила. Красота — это капитал только для безмозглых. Одной красоты мало и для жизни, и для счастья». И я всегда помню ее завет. Вот как-то так. Ладно, Валя, я пойду!

— Но вы мне не ответили, что за молодой человек тут был?

— Да так... просто один молодой человек. Очередной.

И она вернулась в театр.

Премьера прошла с огромным успехом. После новаций в Большом театре народ безмерно обрадовался возвращению дивной сказки Пушкина и Глинки. Известный московский критик восторженно пожимал руку Микису и говорил:

— Вот! Вот! Наши режиссеры стараются угнаться за модными европейскими тенденциями и всю уродуют классику, а европеец в русской провинции возвращает нас к нашей культурной традиции! Чудны дела твои, Господи!

Костюмы тоже были высоко оценены. Все сияли.

— Ариадна, если ты не приедешь к нам на Корфу, я с тобой и знаться не буду! — сказала Маша, провожавшая Ариадну на вокзал. — Первую половину сентября ничем не занимай. Это лучшее время там. Микис всегда планирует свои дела так, чтобы провести сентябрь на Корфу. И, кстати, если захочешь приехать с хахалем, будем рады. У нас большой дом!

— Там видно будет, до сентября еще далеко!

— А я нарочно заранее тебя предупреждаю.

— Маша, в Москве моя квартира всегда к вашим услугам, имей в виду!

— Спасибо, но мы отсюда в Питер, а оттуда в Стокгольм. Ну, приедешь к нам?

— Приеду!

— Будем купаться и загорать, и вообще блаженствовать. А какая там рыба!

— Все! Уговорила!

...Когда она вошла в свой подъезд, навстречу ей попался Саша Тимохин.

— Богиня! Приехала? А меня тут твой поклонник навещал. Золотой мужик!

— Ты о ком, Саша?

— Да о Кульчицком! Помирает парень.

— Ничего, жить будет!

— Богиня, ты оставляешь мне надежду?

— Ни малейшей!

— А сколько сердец ты разбила в Нижнем?

— Ни одного сердца, только один нос!

— Супер! И кто же этот несчастный?

— Так, один дурно воспитанный тенор.

— Богиня, увы, мне пора на съемки! С возвращением!

— Спасибо, Саша!

В квартире было чисто, и даже в кувшинчике стоял букет вербы. Это постаралась Анна Афанасьевна, приходящая домработница. И в холодильнике обнаружился овощной суп и тушеное мясо. Слава богу, можно сегодня просто побыть дома. И вдруг она подумала: телевизор, что ли, купить? Да ну, еще чего! Она рассердилась на себя.

Снизу позвонила консьержка.

— Ариадна Максимовна, вам тут цветочки доставили. Впустить?

— Впустите!

Неужто от Данилы?

Ей вручили изящную корзинку с ярко-красными розами. Она дала посыльному на чай и поспешила закрыть за ним дверь. Ага, есть записка: «Дорогая, я в Москве! Горю желанием поскорее увидеться. Андрей».

Вот только этого не хватало! Интересно, а откуда он знает, что я уже приехала? Но я ни за что не хочу с ним встречаться! Скорее всего, он заехал, консьержка сказала ему, что я в отъезде, он дал ей денег и попросил сообщить о моем возвращении. Или это... Данила проверяет меня? Но с какой стати? Ох, сам черт ногу сломит. Не хочу, ничего и никого! И она позвонила подруге.

— Грета, я вернулась!

— Поздравляю! Ваш спектакль, кажется, произвел фурор! Слушай, подруга, надо повидаться, и срочно!

— Я потому и звоню. Сможешь приютить меня дня на два?

— А что случилось?

— Кульчицкие достали!

— Вот так? Во множественном числе?

— Ага!

— Как интересно! А поехали со мной на дачу? Затопим печку, дернем водочки, картошки испечем, а?

— Да с радостью!

— Тогда я за тобой через полтора часа заеду!

— Здорово! Жду!

Ариадна разобрала чемодан, запихнула его на антресоль, достала оттуда небольшую дорожную сумку, сложила туда вещи, которые могут понадобиться на даче. Подумав, хорошенько завернула приготовленный для нее обед и аккуратно поставила в другую сумку. Не пропадать же добру! Грета явилась раньше назначенного часа.

— Спускайся, — скомандовала она по телефону.

Ариадна не заставила себя долго ждать.

— Это что за багаж? Ты собираешься уйти в подполье надолго?

— Да нет, просто взяла продукты, чтоб не пропали.

— В тебе, Адка, радио преобладает!

— Да ну...

— А теперь рассказывай про Кульчицких. Хотя Данила сейчас в Египте.

— Уже на работе?

— Да.

— У него же ребра сломаны!

— А ты почему знаешь?

— Да уж знаю...

И она рассказала подруге о визите Данилы в Нижний.

— Слушай, какой парень! Настоящий мужик! Неужто ты осталась совершенно бестрепетной?

Грета была писательницей и любила иной раз выразиться нестандартно.

— Да не совсем. Когда он уехал, я маленько трепыхнулась. Но ненадолго. А тут, не успела войти, мне приносят корзинку роз от Андрея.

— Ну, с Андреем понятно. Дал денежку консьержке. Он предсказуем, твой Андрей. А Данила, похоже, нет. А знаешь, это роскошный сюжет для романа. Отец и сын... Одна женщина... Сын отбивает женщину у отца, мстит за то, что отец когда-то увел у него подружку...

— Откуда ты знаешь?

— Что?

— Про уведенную подружку?

- Ничего я не знаю. Я это сию минуту придумала...
- Грета, не ври!
- Да я чем хочешь клянусь! Ты мне просто скажи, я могу воспользоваться этим сюжетом?
- Только если у героев будут другие имена и профессии.
- Ну, это само собой! Здорово! Я как раз собираюсь писать новый роман, и у меня был затык с сюжетом...
- Рада помочь подруге! — хмыкнула Ариадна.

На даче было чудесно. Снег уже весь стаял, и когда пригревало солнышко, громко чирикали птицы.

— Знаешь, хорошо, что тебе вздумалось удрать из Москвы, — заявила Грета, — а то я давно сюда не выбиралась. А тут так легко дышится...

Вечер подруги провели у горящего камина. Ариадна рассказывала о нижегородском спектакле, Грета о своих отношениях с издателями, о муже, который жил в основном во Франции, у них был так называемый гостевой брак, что вполне устраивало обоих.

А утром, после завтрака, Грета заявила:

- Все! Я пошла писать новый роман!
- Я тоже поработаю.
- Отлично! Обед у нас есть, а после обеда пойдем гулять. Ты же знаешь, я после обеда не работаю.
- Счастливо тебе! Надеюсь, моя история принесет тебе удачу!
- Это еще не история. Историю я должна придумать. Героиню я назову Аглая.
- Хорошо!
- Все, я пошла!

И Грета поднялась к себе в кабинет.

Вчера Ариадна выключила телефон. Но держать его все время выключенным невозможно, мало ли кому она может понадобится. И телефон стал звонить беспрерывно, не давая даже взяться за карандаш. Ладно, решила она, пусть я не буду работать, авось, сегодня прозвонятся все, кому я нужна, а завтра возьмусь за дело. Телефон продолжал звонить.

На улице светило солнце, в форточку проникал свежий весенний воздух. Пойду пройду, решила она. Оделась и вышла во двор. Как хорошо!

- Куда? — крикнула сверху Грета.
- Пойду пройду!
- Гуляй!

Телефон вдруг умолк. Слава богу! Она медленно брела по улице дачного поселка. Тихо.

Спокойно. Ни людей не видно, ни машин, только один велосипедист проехал. Она шла, ни о чем и ни о ком не думая. Только вертелась в голове стихотворная строчка: «Где-то пели смычки о любви...» Что это? Откуда? Ах, Блок... В ранней юности я безумно любила Блока. Как там? «Я сидел у окна в переполненном зале. // Где-то пели смычки о любви. // Я послал тебе черную розу в бокале. // Золотого, как небо, ай». Красиво, но почему-то уже не трогает. Душа, что ли, зачерствела? Или насмешливые слова Кондрата: «Декадентская чушь!» — проникли в мозг? Ерунда! Дивные стихи. Конечно, где крутому рокеру Блока понять? У Греты тут есть Блок, надо будет перечитать. Вдруг опять зазвонил телефон. Она вздрогнула. Андрей! Надо ответить. Тут я в безопасности.

— Алло! Андрюша!

— Красавица моя, ты куда подевалась? Ты получила мою корзинку?

— Да, спасибо! Розы чудесные, но мне пришлось срочно опять уехать.

— И где ты сейчас?

— В Ижевске! — ляпнула первое, что пришло в голову, Ариадне.

— В Ижевске? Что ты там делаешь?

— Костюмы для местного театра.

— А что, ты попала под европейские санкции? Тебя уже не пускают в Европу?

— Да нет, пока все не так плачевно! Просто мой друг ставит в здешнем театре «Бешеные деньги», — вдохновенно врала Ариадна.

— А! И ты там надолго?

— Надеюсь дней за десять управиться. У меня есть кое-какие наработки. А ты надолго в Москву?

— Увы, только на неделю. Хотел Даньку повидать. Ты же знаешь, что с ним случилось?

— Да, я слышала! Какой ужас! Воображаю, что ты пережил!

— И не говори! Но его неожиданно услали в Египет, только завтра возвращается. Я было подумал, не махнула ли ты с ним в Египет?

— Я? С ним? С какой это радости? Ты с ума не сошел? — совершенно искренне возмутилась Ариадна.

— Да он, видишь ли, от жены ушел, ну я и подумал... Он же был от тебя в таком диком восторге...

— Андрей, ты меня извини, но больше всего это похоже на старческие бредни. Рановато в твоём возрасте. Всех благ!

И она отключила телефон. Пусть теперь обзвонится! Будет умолять о

прощении. Или обиделся на «старческие бредни»? И хорошо! Пусть! Не хочу я больше даже думать о нем. Хватит с меня музыкантов! Попортили они мне крови изрядно. И Данила мне тоже не нужен. Мальчишка! И вообще... Ну их всех!

Она повернула обратно. Грета встретила ее вопросом:

— Чего вид такой воинственный? С кем воевала?

— С Кульчицким-старшим.

— И как?

— Придралась к слову, оскорбилась и послала его. А как твои успехи?

— Да вроде нормально. Я начала со сцены в кафе. И знаешь, взяла эпиграф из Блока. «Я сидел у окна в переполненном зале...» Ты чего глаза вытаращила, они и так у тебя как плоски!

— Я шла и почему-то в башке вертелись именно эти строчки и вспомнилось, как меня презирал Кондрат...

Грета очень внимательно на нее посмотрела.

— Знаешь, я подозреваю, что это будет лучший мой роман. Я буду просто считывать тебя...

— Боюсь, это будет провальный роман, если станешь на меня ориентироваться. У меня нет сейчас никакого романа. И не предвидится.

— Будет-будет! И очень скоро!

— И с кем же?

— Подозреваю, что Кульчицкий-младший своего не упустит.

— Да брось ты! Не хочу я этого.

— А кто тебя спрашивать будет? Он из породы воинов, даже завоевателей! А при этом не бандит. И переспать с ним уж точно стоит!

— Знаешь, он сказал мне одну фразу...

— Какую?

— Правда, он был тогда нетрезв... «Неужели вам неохота хотя бы сравнить отца и сына в постели».

— Да, гадкая фразочка... Но у парня просто крышу снесло.

— Какая разница! Что у трезвого на уме... И к тому же ему есть за что мстить отцу. Как-то грязно получается.

— Все сказала?

— Ну, вроде да.

— А теперь послушай меня! Все это хорошо в литературе. А жизнь... она другая, и все доводы рассудка и морали отступают, если есть любовь.

— А если нет?

— Да есть! Есть! Он любит тебя, похоже, по-настоящему у, ну а ты... ты должна позволить ему тебя любить. Он молодой, горячий, сильный...

Не надо выходить за него замуж, даже думать об этом не надо, а вот переспать надо! А вдруг понравится? Может, это твой мужчина? Ты его от жены не уводила и... Твоя совесть чиста.

— Ну, пока что моя совесть действительно чиста.

— Да ну тебя! И вообще, не ломай мой сюжет!

Данила возвращался в Москву в растрепанных чувствах. Он знал, что в Москве его ждет отец. Ему сейчас совершенно не хотелось его видеть. Мысль о том, что он спал с Ариадной, была непереносима. А ведь она уже должна была вернуться из Нижнего... А что, если они встретились? А если она с ним?.. Я умру! Я просто умру! Может, попытаться как-то избежать встречи? Или нет? Нет! Надо с ним увидеться, чтобы понять — было или не было? Если было... тогда я заставлю себя забыть о ней. Иными словами, отступлюсь? Да никогда в жизни! Несмотря ни на что! Она должна быть моей. И будет!

Данила сейчас жил в квартире у Федора, что категорически не нравилось Инне Львовне. Как бы эти два холостяка не спились без присмотра. Встреча с отцом произошла в ресторане гостиницы, где остановился Кульчицкий-старший.

Отец крепко обнял сына.

— Данька, если бы ты знал, как я испугался. А вот Инна... Когда я ей позвонил, она мне сразу заявила, что уверена — с тобой все в порядке. Поразительная интуиция! Или материнское сердце? А что ж твоя прелестная жена?

— Я не выношу ультиматумов!

— Но, может, стоит помириться? Уж очень девочка хороша!

— Она заявила, что вернется, только если я сменю работу. А это не для меня. Все, папа, закрыли тему. А как твоя прекрасная Ариадна?

Отец очень пристально посмотрел на сына. Тот смотрел ему в глаза честно и прямо.

— Увы, я ее не видел. Она была в Нижнем, вернулась и в тот же день умотала в Ижевск.

— В Ижевск? А там что?

— Говорит, какой-то ее друг ставит там какую-то пьесу Островского. Забыл, какую именно. А что, она тебя интересуется, сын?

— Женщина такой сокрушительной красоты производит впечатление. Ты счастливеец, папочка! Скажи, а ты ее любишь?

— Люблю? Да, пожалуй, нет. То есть сперва мне показалось, что люблю... Но любовь, знаешь ли, обременительная штука. Да и она... Она

непростая девушка, к тому же этой самой любовью ударенная. Но у нас всегда были прелестные отношения, мы несколько раз отдыхали вместе, с ней всегда интересно. Она отлично разбирается в живописи, знает безумное количество стихов, благодаря чему я написал свой цикл на стихи Ходасевича, которого до нее как-то недооценивал. Словом, идеальная любовница, особенно учитывая, что мы живем в разных странах.

Данила едва не закричал от боли. Идеальная любовница!

— А ты же говорил, что готов даже жениться на ней?

— Ох, мало ли что я сболтнул.

— Скажи, папа, а что это значит — «ударенная любовью»?

— Ну, она была совсем еще ребенком, когда влюбилась в одного взрослого музыканта из какой-то рок-группы. А он ее бросил, уехал в Штаты и там сгинул.

— И она его до сих пор любит?

— Не знаю, не думаю. Прошло столько лет. Она потом еще была замужем. Да и вообще, отнюдь не монахиня, а очень даже горячая женщина. Но, видимо, самолюбие в юности было так сильно уязвлено... Послушай, а у нас что, нет другой темы, сын? Хочу только предупредить — она не любит мальчиков, предпочитает мужиков постарше. Так что выкинь ее из головы!

— Дело совершенно не в ней. Мало ли на свете красавиц. Просто, папа, мне вообще не нравится, как ты говоришь о женщинах. В принципе!

— О! Да ты законченный романтик, Данька! Неужто тебе мало романтики в твоей ужасной профессии?

— О нет, я совсем не романтик! Я, папа, циник и в профессии и в жизни.

— Ты романтик, Данька! И не пытайся меня разубедить. А вот поживешь с мое, нахлебаешься от баб и вспомнишь старика отца. Как ты выражаешься? Закрываем тему?

— Именно!

Вернувшись в холостяцкую берлогу Федора в Бескудникове, Данила сразу полез в Интернет. Что там за история с ижевским театром? В настоящий момент ни слова о новой постановке Островского в этом городе найти не удалось. Но может быть, все еще только на стадии переговоров? Но тогда что там делать на этой стадии художнику по костюмам? Он не слишком разбирался в театральных делах, но простая логика подсказывала, что это очень сомнительно. А что, если она просто ляпнула что-то отцу, чтобы избавиться от него? Тем более что она наверняка знает,

что отец с гарантией не полезет в Интернет ее проверять? Хотелось думать именно так. Он набрал ее домашний номер. Никто не ответил. Он позвонил на мобильный. Долго никто не отвечал, но потом ответил незнакомый женский голос:

— Алло!

— Простите, я могу поговорить с Ариадной?

— Не можете! Она ушла гулять, а телефон оставила. Что ей передать?

— А вы, простите, кто?

— Я, Данила, ее подруга Грета. Может, слышали?

— Извините, нет. А как вы догадались, что я Данила?

— Мальчик мой, вы это от любви так поглупели? На дисплее высветилось имя.

— Ох, и вправду сдурел!

Голос этой женщины ему понравился. Он внушал доверие и симпатию.

— Скажите, Грета, а она... Ариадна, ведь не в Ижевске?

— О нет! Она у меня на даче!

— О! А вы не дадите адрес? Мне необходимо с ней увидеться...

С Ариадной...

— Она меня убьет!

— А я ей ничего не скажу! Я что-нибудь придумаю! Пожалуйста, умоляю вас!

— Ну хорошо, записывайте адрес! Только не приезжайте сегодня, у нее голова болит.

— Да-да, я приеду завтра. Спасибо вам огромное, я навеки ваш должник! Только еще одна крохотная просьба.

— Слушаю вас!

— Удалите из телефона мой звонок!

— О, это мысль, тогда на меня не падет никаких подозрений! Удачи вам, Данила!

Я нашел ее! А отец остался при пиковом интересе! Эта Грета, похоже, хорошая женщина. И она знает, кто я. Иными словами, они говорили обо мне. И, похоже, Грета мне сочувствует!

Это хорошо, это просто здорово иметь союзниц у в лице ее лучшей подруги! Если и не сама Ариадна, то ее подруга, кажется, дала мне вожденную ниточку! Ура!

Вскоре вернулся Федор.

— Чего светишься, как идиот? — спросил он друга. — Нешто трахнул свою Ариадну?

— Пока нет! И я не так примитивен, брателло.

— Да ну, тоже мне сложная натура! Запал на охрнительно красивую бабу, любовницу папашки, поставил себе цель и прешь как танк! Только с интеллигентскими подходцами.

— Федька, ты чего злишься? Я тебе тут мешаю? Так ты скажи прямо!

— Да ну, извини, брат, просто зверею от пробок! Час проторчал на Третьем кольце! И нисколечко ты мне не мешаешь. А ты вообще думаешь Илонку возвращать?

— Предлагаешь бросить работу? Да ни за что!

— Но это ж как она тебя любит?

— Нет, Федя, это она себя любит, вот мама меня любит и понимает.

— Так то мама! Слушай, а если твоя Ариадна потребует, чтобы ты сменил работу?

— Будет послана! Только она не потребует, ей зачем? А что твоя иркутская мясоедка? Пишет?

— Пишет. И по скайпу общаемся. Только она в этом году институт кончает, диплом пишет... А потом обещает приехать. Но не раньше лета.

— Понял. К лету с жильем разберусь.

— Данька, кончай бодягу! Живи, сколько влезет.

— Господи, как птицы поют! — радовалась Ариадна. — Весна!

— Пора любви! — констатировала Грета.

— Да какой там любви! Просто весна! Знаешь, мне такой странный сон приснился...

— Какой? Расскажи! — потребовала Грета.

Подруги сидели за завтраком.

— Я и собиралась, может, ты растолкуешь, к чему это. Мне снилось, что я сижу на берегу моря и вдруг ко мне подходит девочка лет десяти и говорит: меня тоже зовут Ариадна. Давай с тобой дружить! И я почему-то жутко радуюсь во сне, и мы с ней начинаем бегать по пляжу, а потом девочку кто-то позвал, она убежала, а мне стало так грустно-грустно. Вот и все. Как по-твоему, что это значит?

— Понятия не имею. А как девочка выглядела?

— Такая худенькая, длинноногая, я думала, ей двенадцать, а оказалось, всего десять.

— А у тебя с кишечником все в порядке?

— С кишечником? — фыркнула Ариадна. — В полном порядке.

— Ну, тогда я не знаю. Сначала, когда ты сказала, что во сне тебе было очень хорошо, я испугалась, сны же надо толковать наоборот, но потом все

оказалось как-то грустно... Просто выкинь этот сон из головы. И все!

— А как твой роман? Продвигается?

— Да. Ну вначале всегда есть какие-то сомнения... Да, кстати, ты где познакомилась со старшим Кульчицким? Я как-то плохо помню...

— Ох, не хочу я это вспоминать.

— Ну, Адочка, пожалуйста, очень тебя прошу, я ж не буду буквально все повторять, мне просто нужен толчок.

— Тогда сделай мне еще чашку кофе и дай еще грушу.

— Не вопрос! — обрадовалась Грета.

— Это было, когда я ушла от Леонида, у меня было так хорошо и легко на душе! К тому же меня как раз пригласили сделать костюмы для «Снегурочки». В квартире шел ремонт, и я поехала в Пярну, там было тихо, еще не сезон. Я много гуляла и работала. Такой был душевный подъем... Благополучно выдралась от Леонида, я свободна, у меня чудесная работа — «Снегурочка», такой простор для фантазии. Я сидела в парке и рисовала, вокруг цвела розовая сирень. И вдруг ко мне подошел мужчина, очень привлекательный, с чудной улыбкой... Вот так и познакомилась.

— И у вас быстро все началось?

— Нет. Он меня долго обхаживал, в Москву приезжал... С ним было здорово интересно. А потом он предложил мне сделать костюмы к его одноактной опере, которую ставили в «Комише опер». Ну вот...

— Но это не любовь?

— Ах, боже мой, Грета, откуда я знаю? В моем представлении любовь — это муки, слезы, нестерпимая боль...

— Понятно. Кондрат...

— Не знаю я ничего. Я тогда была совсем сопливая девчонка. Ничего ни в чем не соображала, была слепа, глуха, наивна. И я сегодня четко понимаю — я тогда была ему обузой. Он рвался в другой мир, в другую страну, а что там толку от такой дуры, как я?

— А если бы вы сейчас встретились?

— Ох, нет, не хочу!

— Почему? Ты сейчас куда лучше, чем в юности!

— Я-то, может, и лучше. А он? Его музыкальная карьера не задалась, он вообще исчез, никто о нем ни чего не знает. Может, спи лся и ли подсел на наркоту, опустился... Нет. Не хочу!

— А и вправду, ни к чему. Ну все, я пошла работать.

— погоди, я хочу показать тебе, что я вчера вечером нарисовала. Это эскизы к новой постановке Михайловского театра.

— Это что будет?

— Новое прочтение «Раймонды». Очень интересная постановка, потрясающий балетмейстер...

— И что, ни одной традиционной пачки?

— Да, это было заявлено сразу, никаких пачек.

— А музыка по-прежнему Глазунова?

— Да, но в современной обработке. Все будет короче, компактнее, а то «Раймонда» в традиционном виде...

— Скучища та еще!

— Вот-вот!

У Греты зазвонил телефон.

— Алло! — весело откликнулась она. — Да? С чего это вдруг? Обязательно сегодня? Ну раз надо... Хорошо. Приеду. Часа через два. Я за городом. Выеду через полчаса, а там уж как ситуация на дороге... — Она повесила трубку. — Черт, придется тащиться в Москву.

— Зачем?

— Да откуда я знаю? Говорят, директор срочно хочет меня видеть. А в чем дело, не сообщают. Боюсь, ничего хорошего. Небось скажет, что вынужден снизить мне гонорар.

— С какой стати?

— Да они там с ума сходят, продажи у них падают, спрос...

— Именно на твои книги?

— Да на мои-то как раз не падает...

— Тогда почему?

— А на всякий случай!

— И ты согласишься?

— А что я могу сделать? Они теперь практически монополисты, куда мне деваться? Да ладно!

— Слушай, Грета, а давай я с тобой поеду? Погостила и будет! Андрей уж наверняка уехал...

— Не вздумай! Здесь сейчас так хорошо, я с тобой тут тоже себя по-другому ощущаю. И воздух какой! Я тебя не возьму! Сиди и жди меня. Тебе же тут спокойнее, чем в Москве.

— Это верно!

И Грета уехала.

Ариадна открыла окно на кухне. Светило солнце, и было тепло. Она вымыла посуду, прибралась, принесла свои альбомы и, накинув теплую шаль, принялась за работу. За работой она забывала обо всем. И вдруг свет

в окне померк. Она подняла голову и закричала. В окно влез мужчина.

— Тише! Это я!

— Вы с ума сошли?

— Да! Сошел! Окончательно и бесповоротно!

— Фу, как я испугалась! Разве так можно?

— Только так с вами и можно!

Он спрыгнул на пол, схватил ее в объятия, сжал изо всех сил и стал целовать куда попало.

— Пустите!

— Ни за что!

Она пыталась вырваться, но где там! Он был очень силен и держал ее мертвой хваткой.

И ей вдруг понравился этот сумасшедший напор, кровь вскипела, и она перестала сопротивляться.

«Он из породы завоевателей», — вспомнилась вдруг фраза Греты. И в самом деле, завоеватель. Ох, а не из-за него ли уехала Грета? Я же вчера забыла телефон, когда ушла гулять, он вполне мог позвонить, она взяла трубку, и они сговорились? Если так, не знаю, что я с ней сделаю! Хотя парень хорош... Просто потрясающе хорош... Но все равно, какое право имела Грета... А я сейчас это проверю! Она наверняка не догадалась убрать его звонок. Данила спал, и во сне на его губах играла нежная улыбка.

Ариадна тихонько встала и, завернувшись в шаль, пошла искать телефон. Ага, вот он! Нет, вчера Данила не звонил. Или надоумил Грету убрать его звонок? В доме стоял лютый холод. В кухне окно было по-прежнему распахнуто настежь. Она закрыла его. Надо нормально одеться. Она вернулась в спальню. Данила вдруг открыл глаза и протянул к ней руки.

— Замерзла? Иди сюда, согрею!

Она не устояла. Юркнула к нему под одеяло.

— Ты прости...

— Мачо прощения не просят, а уж десантники тем более. Ничего не скажешь, ты удачно десантировался!

— Боже! Какая женщина! Лучшая в мире! Я люблю тебя, с первой минуты, как увидел.

— Признайся, вы это с Гретой все подстроили?

— Да боже упаси! Я нашел тебя окольными путями, подъехал к дому, а тут выезжает машина, там одна женщина за рулем, я понял, что ты осталась в доме. А тут и окно открылось. Я, правда, еще раздумывал, позвонить в

дверь или, как ты выразилась, десантироваться. Мне просто повезло, сама судьба была за меня... И противник не оказал сопротивления. Крепость пала.

— Я очень надеюсь, что репортажа с места боевых действий не будет?

— С ума сошла!

— Да ведь нынешние мальчики все выкладывают в Интернет.

— Я могу обидеться!

— И что тогда? Снова пойдешь на штурм или сбежишь с поля боя?

— Это вызов! И я его принимаю!

...Потом они сидели на кухне и она кормила его тем, что нашлось в холодильнике. Надеюсь, Грета догадается купить продукты, думала Ариадна. Она не испытывала ни малейших угрызений совести. А только восхитительную легкость во всем организме. Он ей очень нравился, этот Данила Кульчицкий.

— По-моему, тебе пора домой!

— Выпроваживаешь? А я не хочу. Поехали в Москву, к тебе!

Надо установить дистанцию, подумала Ариадна. А то он скоро начнет мной командовать, а я этого не выношу. Да еще вздумает у меня поселиться... А этого я тоже совершенно не хочу!

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Замуж? Да ты рехнулся, мальчик! Ты сегодня со мной переспал, а на большее ты не рассчитывай! — пропела она.

— То есть я для тебя одноразовый шприц? Использовала и в помойку? — вскипел он.

— Послушай, мальчик...

— Не смей называть меня мальчиком!

— А как еще тебе объяснить, что ни о каком браке речь идти не может? Ты моложе меня почти на семь лет...

— Ерунда! Для меня это не имеет значения.

— А для меня имеет! Это раз! Я долго крутила роман с твоим отцом...

— Плевать я на это хотел! Ты же его не любишь!

— Но я и тебя не люблю!

— А тогда почему...

— Почему я сдалась? Потому что ты очень привлекательный и чудовищно сильный. Я, что называется, сдалась на милость победителя.

— Но тебе же понравилось?

— Да. Понравилось. И если бы ты не завел дурацкий разговор о замужестве, я бы тут сейчас ворковала, как голубица...

— То есть ты поставила меня на место?

— Именно. Хорошо, что ты это понял.
— Но спать со мной ты не отказываешься?
— Нет, не отказываюсь. Но не более того. Я даже не буду встречаться с тобой на людях...
— То есть?
— Нас запросто могут засечь в каком-нибудь кафе, выложить фотографии в Сеть. Это причинит боль твоей жене, твоему отцу. И твоей матери тоже. Зачем это?
— То есть ты заботишься о моей родне? А у тебя кому это причинит боль?
— А у меня некому! Отца своего я не знаю, мама умерла, родственников нет.
— То есть ты одна как перст на этом свете?
— Да.
— Сирота казанская?
— Но ощущаю свое сиротство как блаженство.
— Но тебе нужна защита и опора...
— В твоём лице?
— Хотя бы. Ничего, я сумею сделать так, что ты будешь во мне нуждаться не только в постели. Хотя для начала и это неплохо. Ты уже убедилась, что я добиваюсь своей цели. Ну все, я поеду! И имей в виду, это только начало, что бы ты ни говорила. Заруби это себе на носу!
И с этими словами он выскочил из дома.

Данила был взбешен. После того, что между ними было — такой женщины он еще не встречал, — она вдруг кобенится, что-то из себя строит... Ничего, я эту лошадку объезжу! По дороге к Москве он попал в пробку, и вдруг его накрыла волна такой любви и нежности... Охватил невероятный восторг, благодарность, счастье, наконец! Господи, как я мог? Я же хамил ей... Она, прекраснейшая в мире женщина, одинокая, сопротивлялась просто по привычке, может быть, нахлынувшему чувству, а я... Что это было? Одноразовый шприц! Кретин безмозглый! Заруби себе на носу! Скотина! Он вытащил мобильник и отправил ей эсмэску: «Ради бога, прости мое идиотское хамство! Люблю безумно, преклоняюсь и смиренно надеюсь на прощение».

Ответ пришел очень быстро: «На первый раз прощаю. Вхожу в положение, мальчик!»

Ах, стерва, с восторгом подумал он.

Грета вернулась поздно, хмурая и раздраженная.

— Ну что? Зачем тебя вызывали?

— Да обсуждали возможности бесплатной пиар-кампании.

— Как это?

— Спроси чего полегче! Нормальную рекламу им делать дорого. А ну их всех, лень эту чушь малиновую пересказывать. Ну а ты что? Что это у тебя с лицом? Откуда такое сияние?

— Да понимаешь ли... Тут ко мне в окно влез мужик...

— Как в окно? Какой мужик?

— Кульчицкий-юниор. Я открыла окно на кухне, а он в него залез.

— Похоже, не только в окно?

— Не только!

— Ни фиги себе! И как?

— Да недурно...

— И что теперь?

— С ходу хотел жениться, ну я дала ему отлуп, он взбесился, нахамил, умчался, потом прислал покаянную эсэмэску.

— Поздравляю, подруга. Себя в первую очередь.

— То есть?

— Я теперь знаю, что мне делать с героем. Я все ломала себе голову, как быть... А надо просто лезть в окно и брать силой! Класс! Ну и тебя я поздравляю. Только советую — живи пока здесь. На тебя и так-то мужики клюют, а сейчас будут просто кидаться. У тебя глаза так блестят... Давно я тебя такой не видела. Похоже, слово «недурно» не передает накала ощущений...

— Верно, не передает, — каким-то пьяным смехом залилась Ариадна. — Но это ж ты у нас мастер слова, а я, увы, нет. Но я и в самом деле поживу пока у тебя.

— Да живи сколько хочешь, мне одной тут кисло бывает, а с тобой совсем другой коленкор. А работать тут лучше.

— Брателло, ты чего, пьяный? — встретил его Федор.

— Пока нет! Но я тут купил вискаррика, и мы сейчас дернем!

— Есть повод?

— Еще какой!

— Ох, судя по тому, как тебя прет, ты догнал свою красавицу?

— Догнал, Федька, догнал!

— Поздравляю! За это и впрямь стоит выпить! И что теперь? Съедешь к ней?

— Да ты что! Я жениться хочу! А она пока не готова!

— Умная, значит, баба!

— Почему это?

— Ну, во-первых, ты еще не разведен.

— Какое это имеет значение?

— И потом, сгоряча, с бухты-барахты, после первого траха... Она тебя сопляком не обозвала?

— Практически обозвала. Мальчиком называла. Нашла мальчика!

— Видишь ли, друг, если женщина говорит мужику «мой мальчик!», это просто нежность, пусть даже этому мальчику шестьдесят и он полтора центнера весом. А вот если женщина под сорок просто называет тебя мальчиком, считай, что это практически «сопляк».

— Федя, какая мудрость! Откуда?

— От дедушки.

— От какого дедушки? — крайне удивился Данила. Никогда прежде он не слышал от Федора ни о каком дедушке.

— Да был у меня дед. Незаконный вроде.

— Что значит незаконный?

— Ну, он вообще-то мой родной дед, отец моего отца, только он развелся с бабкой, та вышла замуж за другого, и этот другой воспитывал отца, как родной. А через много лет, когда мне уже было тринадцать, этот родной дед объявился. Никто признавать его не желал, а я с ним подружился. Классный был старик, в прошлом китобой, бравый моряк и все такое. Вот он меня жизни учил. Говорил мне: никогда, Федя, не вяжись с бабами, которые старше. То есть спи с ними, но не вздумай жениться. Потому как они все время будут бояться, что ты слиняешь к молоденькой, и так тебе этим жизнь отравят, что ты рано или поздно слиняешь-таки. Зачем портить себе нервы?

— Да, житейская мудрость... Но не всегда работает.

— Не работает, если есть меркантильный интерес. А когда баба...

— Хватит житейских мудростей. Здесь не тот случай. Какой у кого меркантильный интерес? Она вон от олигарха ушла. И у меня, как ты понимаешь, меркантильного интереса нет. Но все равно давай помянем твоего мудрого дедушку!

...Ариадна все-таки вскоре вернулась домой. К Грете приехал ее французскоподданный муж.

Данила появлялся не так часто, но всякий раз оставался на ночь. Она даже привязалась к нему. Он, казалось, что-то понял, не заговаривал больше о браке, не хамил, а был просто счастлив. А она волновалась, когда

он уезжал в командировки. Как-то она столкнулась у лифта с Сашей Тимохиным.

— Богиня! Сто лет тебя не видел! Что с тобой?

— А что со мной?

— Что-то невероятное! Ты еще больше похорошела! Я думал, это невозможно... А это часом не Кульчицкий виноват?

— Саша, ты слегка подшофе, вот тебе и кажется.

— Да ты что, богиня? Я же опытный, можно сказать, прожженный бабник, я в таких вещах разбираюсь. Ну ладно, передавай ему привет, он золотой парень!

Однажды, когда Данила был в командировке, в дверь к Ариадне позвонили. На пороге стояла незнакомая пожилая дама.

— Здравствуйте! Вы Ариадна?

— Да. А вы, простите?..

— Я Инна Львовна, мама Данилы.

Начинается, с тоской подумала Ариадна.

— Добрый вечер, прошу вас, заходите.

— Спасибо. Ох, какая вы красивая, просто невероятно.

— Спасибо. Кофе? Чай?

— Я бы выпила кофе.

— Отлично, я сейчас сделаю. Вам черный или с молоком? Можно капучино.

— Спасибо, просто с молоком.

— Да, я тоже. Капучино как-то надоел.

— Да? Мне тоже.

— Ничего, что мы на кухне?

— Да прекрасно!

Ариадна возилась с кофеваркой. Подала чашку гостье, поставила на стол две вазочки с печеньем.

— Вот тут сладкое, а тут соленое.

— Соленое вы для Данилы держите?

— Нет. Я сама предпочитаю соленое.

— Вы, вероятно, думаете, чего эта тетка ко мне приперлась?

— Да нет, мне все более или менее понятно.

— Что вам понятно?

— Будь я на вашем месте, я бы тоже была недовольна тем, что сын ушел от молоденькой жены к бабе, которая старше него. Это нормально. Я только сразу, во избежание недоразумений, хочу сказать, что это не

страшно. Ни о каком браке речь не идет. Ну, заиклился ваш мальчик на мне. Бывает. Но это не смертельно. Наиграется и охолонет.

— То есть? Он же любит вас без ума.

— Разлюбит. И еще вернется к жене и будет хорошим мужем и отцом.

— А вы что, не любите его?

— А я этого вообще не умею. Любить.

— Я вам не верю. Вы так защищаетесь, понимая, что он моложе вас.

— Да нет, мне хорошо с ним, он чудесный парень! Чистый, романтичный, хоть и кажется себе невесть каким циником. Он как-то освежает душу...

Инна Львовна очень внимательно посмотрела на Ариадну. И вдруг улыбнулась.

— А вы мне нравитесь, Ариадна! Я все знаю про вас. И про Андрея тоже. Погодите, дайте сказать! Я когда-то работала вместе с вашей мамой в «Огоньке».

— Да, Данила как-то обмолвился. Мама умерла несколько лет назад.

— А от чего она умерла?

— От аневризмы. Внезапно.

— Как жаль... Но я знаю и про Кондрата.

— Что вы знаете про Кондрата? — вдруг страшно напряглась Ариадна.

— Я от вашей мамы слышала. Она так убивалась, когда вы связались с ним, это в шестнадцать-то лет. Она всегда твердила: этот рокер ее бросит.

— Так и вышло. Но жизнь на этом не закончилась. А любовь...

— Данька вас приступом взял? — засмеялась Инна Львовна ласково. — Он такой, он может.

— Да. И с ходу хотел жениться. Но я ему все объяснила.

— А он обиделся, нахамил, а потом слезно просил прощения?

— Вы хорошо знаете своего сына.

— Да. И вот еще что... Я сперва думала, что он так помешался на вас еще и потому, что у вас был роман с его отцом. Там могла идти речь о мести...

— Я знаю.

— Но, поговорив сегодня с вами и поглядев на вашу невероятную красоту, я отлично поняла своего сына. Вы изумительная женщина!

— Спасибо вам!

— И вы не сердитесь на меня за этот визит?

— Да нисколько! Я даже рада.

— А может, еще чашечку кофе? Так не хочется от вас уходить. С вами как-то уютно.

— Мне с вами тоже легко! Сейчас сделаю. А может, вторую без кофеина?

— Пожалуй! Знаете, муж все талдычит, давай купим кофеварку. А я консерватор в таких делах, но теперь точно куплю!

— Я тоже не хотела, но мне ее подарили на день рождения, и я теперь ее просто обожаю.

— А вы с годами стали только лучше. Я помню вас совсем девочкой, вы как-то приходили к маме в редакцию. Красивая девочка, но в этом возрасте многие девочки хороши. А сейчас... Почему вас не снимают в кино?

— Потому что я не актриса. Совершенно.

— Ариадна, я задам вам бестактный вопрос, можно?

— Можно!

— Почему у вас не сладилось с Андреем?

— Потому что мы оба по натуре не семейные люди. Нам было хорошо вместе, мы встречались не часто, ездили вместе отдыхать, но это и все. Мы скорее были друзьями. Знаете, у французов есть такое выражение: «amitié amoureuse». Влюбленная дружба.

— Да, такие отношения — это прелесть. А скажите, что вы подумали, когда я к вам заявила?

— В первый момент испугалась, что будет скандал, — рассмеялась Ариадна. — Что вы начнете читать мне лекцию на темы морали... А вообще-то, Инна Львовна, вы зачем пришли?

Инна Львовна тоже рассмеялась.

— А черт меня знает... Может, просто любопытно было познакомиться с женщиной, от которой мой сын совсем с ума сошел. Но я рада.

— И я рада, что вы пришли и мы познакомились. Приятно сознавать, что один из потенциальных врагов вовсе не враг тебе.

— Здорово! А Даниле мы скажем про этот визит?

— А почему бы и нет? Разве в этом есть что-то плохое?

— Одно только хорошее, Ариадна! И еще вопрос: когда Данька в горячих точках, вы волнуетесь за него?

— Волнуюсь, еще как волнуюсь.

— А я почему-то всегда знаю, обойдется или нет. Вы, когда волнуетесь, звоните мне. Вот моя визитка. И в любое время!

— Ох, спасибо!

Женщины на прощание обнялись и расцеловались.

...Даниле вдруг позвонила Илона.

— Дань, как ты?
— Я хорошо! А ты?
— А я плохо.
— Что случилось?
— Ничего не случилось. Просто я скучаю.
— Ты сделала свой выбор!
— Даня, пожалуйста, давай встретимся.
— Зачем?
— Поговорить. Пожалуйста, Даня, я тебя умоляю.
В ее голосе слышались слезы, а женских слез он не выносил.
— Хорошо. Встретимся.
— Ты приедешь ко мне?
— Нет. Встретимся на нейтральной территории. Через полтора часа в кафе «Булка».
— Где это?
— На Покровке. Я там буду неподалеку. И у меня будет только один час. Пока.
Будет каяться, просить прощения, умолять вернуться. Но этот поезд уже ушел. У меня есть моя Ариадна... Когда я на днях вернулся в Москву, она мне сказала, что к ней приходила мама и они вроде как подружились. А мама сказала, что Ариадна чудо, но лучше бы я вернулся к Илоне. Женская логика!
Илона явилась минута в минуту.
— Привет!
— Привет! Выглядишь отлично, свежа как майская роза!
— Да уж посвежее некоторых!
— Ну, ты же знаешь, я равнодушен к цветам. Предпочитаю фрукты, а они лучше спелые. Вкуснее.
Илона вспыхнула. Но промолчала.
— Итак, что ты хотела мне сказать?
— Что в нашем разрыве виновата вовсе не я!
— Значит, я?
— Да! Ты воспользовался тем, что я... что у меня сдали нервы! Ты бы все равно ушел к этой старой суке...
— Еще одно слово, и я опять уйду.
— Ну так она же и правда старая! И детей иметь не может...
— А ты не хочешь.
— Я хочу! Очень хочу! Данечка, вернись, я больше не стану отговаривать тебя от твоей работы, я рожу тебе ребенка... Она же тебя не

любит, я знаю! Просто пользуется тем, что ты молодой мужик...

— А мне, знаешь ли, хватает моей любви. Я ее люблю, понимаешь? И счастлив тем, что имею!

— А скажи мне... Если б я тогда не объявила тебе ультиматум, ты все равно бы ушел?

— Вряд ли... Я, если ты не заметила, человек долга. Я бы все равно думал о ней, стремился бы к ней, но скорее всего не ушел бы, тем более что она меня гнала поначалу...

— А почему ж ты все еще живешь у Феди, почему не переезжаешь к ней?

— А каким боком тебя это касается?

— Ну, это же неправильно!

А ведь она дура! Как я раньше этого не замечал? И я совершенно ее не люблю. И хорошо, что она не родила. Ребенок был бы несчастный... Я все равно от нее бы сбежал. Даже и без Ариадны.

А Илона вдруг поняла, что он смотрит на нее холодным недобрим взглядом.

— Даня, это что, бесповоротно?

— Ничего, Илонка, ты такая красоточка, найдешь себе мужа как нечего делать!

— Если так, то почему ты со мной не разводишься?

— Да некогда все. Но если очень надо, я готов в любой момент!

— Эта твоя гримза...

Данила захохотал.

— Ты чего смеешься?

— Я скажу тебе одну, вероятно, обидную вещь, но ты сама напросилась. Ты тоже красивая, но... Ты девочка начитанная, наверняка слышала эти строки Заболоцкого о красоте.

— Какие? Не помню!

— Там так ставится вопрос: «Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сколько бы ты ни называла эту женщину гримзой, но ты останешься красивым пустым сосудом, а она... она огонь, мерцающий в невероятно красивом сосуде! Засим прощай!

Он встал и ушел. У него не было чувства вины. Ни на йоту. Пусть даже Ариадна не останется со мной, но я всегда буду благодарен ей за освобождение от этой дурёхи.

Ариадна простудилась. Жар, кашель, слабость. Данилы в Москве не было. Она по телефону заказала все необходимые лекарства, температура снизилась, но слабость была такая, что хотелось только лежать, укутавшись в теплое одеяло.

Ей позвонила Грета.

— Адка, что у тебя с голосом?

— Простудилась.

— Температура есть?

— Была высокая, сейчас тридцать семь и шесть. Но абсолютно нет сил.

— А у тебя продукты есть?

— Есть что-то, но ничего не хочется.

— А где твой бравый солдат?

— В очередной командировке.

— Я сейчас к тебе приеду! И не возражай! Ты теперь не только моя подруга, но и моя героиня!

Ариадна хрипло рассмеялась. Но обрадовалась. Грета умела заботиться о больных. И действительно, через два часа она ввалилась в квартиру с множеством пакетов и пакетиков.

— Ну и видок! Краше к гроб кладут! Сейчас я за тебя возьмусь! А ты иди, ляг!

И в самом деле Грета заставила ее выпить какие-то таблетки, сунула ей в рот какую-то пастилку и наказала немедленно ее рассасывать. Принесла бульонную чашку чаю с лимоном.

— Тебе глотать больно?

— Нет, глотать не больно.

— Ты сегодня что-нибудь ела?

— Не помню.

— Хочешь, кашку сварю?

— Какую?

— Какую хочешь, у тебя там разная крупа есть.

— А манную умеешь без комочков?

— Манной каши захотелось?

— Да. Я всегда ее любила. С вареньем. Там есть вишневое и клубничное.

— Откуда? Из магазина?

— Нет. Данилина мама прислала.

— О как! Вы с ней познакомились?

— Ага! Она пришла ко мне...

— Нет, так не бывает! — закричала Грета.
— Как не бывает?
— Я в книге написала, что мать героя приходит к героине и они не только не скандалят, а, наоборот, находят общий язык! Так и было?
— Да, именно так. С ума сойти, Гретка! А что там дальше будет?
— Не знаю пока, но, думаю, героиня простудится, — засмеялась Грета, — будет долго выздоравливать и врачи отправят ее куда-нибудь к теплому морю.
— Только, пожалуйста, не на Корфу.
— Зачем на Корфу? Я там не была. Зато была на Родосе. Вот на Родос и отправим.
— А там что?
— А там она встретит свою любовь!
— Грета, это плохие шутки! А как же герой?
— Там появится новый герой.
— А старого куда денешь? Только не вздумай его убить!
— Да ты что? Я ненавижу убивать героев, тем более этот такой симпатяга у меня получился... Нет, я его пристрою, не волнуйся. Слушай, а давай-ка температуру померяем, лоб горячий!
Температура оказалась очень высокой, тридцать девять и две.
— Все! Я вызываю врача! И не смей вякать! С этим не шутят! А если у тебя пневмония? Я сейчас позвоню Виктору Моисеевичу, он разберется.
— Кто это?
— Один знакомый Виктор Моисеевич. Чудесный доктор!
Ариадна ожидала увидеть хрупкого старичка-еврея, а явился здоровенный детина лет сорока.
— Грета, три привета! Что стряслось?
— Да вот, подруга моя чудит. Температура, кашель...
— Принеси мне кофе кружку, а я послушаю подружку. Здрасьте! Это и есть больная? А подружка хороша, но здоровья ни шиша!
— Вы всегда стихами разговариваете? — еле слышно прошелестела Ариадна.
— Да нет, — засмеялся Виктор Моисеевич, — просто я начинал как педиатр, а с малыми так лучше. И это въелось. Как вижу больного, несую всякую рифмованную хрень. Уж извините. Так, дышите, не дышите... Так. Ну что ж, картина ясная, у вас, красавица, пневмония! Двусторонняя. Хорошо бы в больницу.
— Ох, нет, не надо!
— Есть кому ухаживать?

— Есть, Витя, есть! Я тут побуду, я и уколы делать умею, так что справимся без больницы.

— Ну, тебе можно доверять. А неужто за такой красавицей некому больше ухаживать?

— Понимаешь, ухажеров у нее полно, а вот ухаживать некому на данном этапе.

— Ну да, слишком красивая. И это с такой температурой! А что же за красота, когда температура нормальная? Даже страх берет!

Он выписал все лекарства, сделал кучу назначений и ушел.

— Какой славный! — сказала Ариадна.

— Да, но главное — диагност от Бога. И человек чудесный! У него четверо детей!

— Мама дорогая!

Ариадна была рада тому, что Грета останется у нее. Хворать под присмотром как-то приятнее. Грета сделала ей укол, накормила-напоила, перестелила постель.

— Спи! А проснешься, тебе будет лучше!

Зазвонил телефон. Грета схватила его и выбежала на кухню.

— Алло!

— Любимая, я вернулся!

— Данила, это Грета!

— Ох, здравствуйте! А где Ариадна?

— Она заболела. И спит.

— Что-то серьезное? — встревожился он.

— Да, двустороннее воспаление легких!

— Так надо врача!

— Был врач. Назначил лечение. Я с ней побуду, пока не станет лучше.

— Я сейчас приеду!

— Данила, не стоит...

— Я просто должен ее увидеть.

И он отключился.

— Надо же... — проворчала Грета.

Он появился через сорок минут.

— Тсс! Тише! Она спит!

— Может, лучше в больницу?

— Нет, не лучше! Я умею ухаживать за больными. И поживу у нее, пока не станет лучше. Вот что, Данила, вы сможете пробыть здесь часа два?

— Конечно, а что?

— Мне нужно смотаться домой за ноутбуком и кое-какими вещами, чтобы тут расположиться. Вы умеете делать уколы?

— Умею.

— Отлично. Тогда я прямо сейчас поеду, а вы через полчаса вколите ей вот эту ампулу.

— Это что?

— Антибиотик!

— Внутримышечно?

— Да.

— Будет сделано!

Когда Грета вернулась, то застала такую картину: Данила сидел на полу, его лохматая голова покоилась на краешке кровати. Он спал. И Ариадна тоже спала. Но вид у нее был получше, видимо, температура немного спала.

Грета не стала их будить и на цыпочках пошла в кухню. Данилу надо покормить. Хороший какой парень! А что, может, и сладится у них? И она стала припоминать браки среди своих знакомых, где муж был моложе жены. Однако хороших крепких браков было немного. Ерунда, какой, к черту, брак? А что я буду делать со своим Демьяном? Так звали молодого героя ее нового романа. Роман дописан лишь до половины. Совсем я сдурела, со смехом подумала она. Все перемешалось в башке. Жизнь, литература... Да и Ариадна никогда не выйдет за Данилу, она слишком боится этой разницы в возрасте. Она ей мешает. А мне вот не мешала бы... Но люди разные.

...Ариадна проснулась, и тут же проснулся Данила.

— Данька, откуда ты взялся?

— Любимая, я вернулся, позвонил, Грета сказала, что ты больна...

— А где Грета?

— Поехала домой за вещами. А тебе лучше, скажи, лучше?

— Кажется, да. Но я вся мокрая... надо принять душ.

— Не вздумай! Я сейчас тебя оботру, тут есть салфетки, а в душ нельзя.

— Нет, не надо, я лучше сама, а ты выйди.

— Ты меня стесняешься? — безмерно удивился Данила. — А я, между прочим, делал тебе укол, я умею. В попу.

— Нет, принеси мне салфетки и выйди!

— Ну, как скажешь!

Но тут в комнату вошла Грета.

— Проснулись?

— Я не спал!

— Спали, как сурок. И это выглядело очень трогательно. Он, Адка, спал сидя на полу и положив свою буйную головушку на кровать. А тебе, подруга, явно лучше.

— Я вся мокрая...

— Я сейчас тебя оботру! Данила, марш отсюда!

Грета быстро и умело обтерла ее, надела на нее чистую сорочку.

— Тебе никуда не надо?

— Надо!

— Я тебя провожу!

В этот момент опять возник Данила с теплым халатом в руках.

— Вот, я сам провожу!

— Данила, я не хочу...

— Да кто тебя спрашивает!

Он подхватил ее на руки и отнес в уборную.

— Какой ты милый...

Наконец Грете удалось выпроводить его.

— Слушай, Адка, золотой парень.

— Согласна. Золотой. А вот я серебряная, и с патиной...

— Ты дура! И без патины! Чистейшая дура.

— Ну что поделаешь...

Ариадна медленно шла на поправку. Слишком медленно, как считала Грета. И увезла подругу к себе на дачу.

— Тебе нужен свежий воздух!

— Грета, я тебе еще не обрыдла?

— Данисколько! Мне с тобой веселей. И Данила может сколько угодно приезжать и даже жить...

— Ну вот еще!

— Да он чудесный парень! И вам надо попробовать жить вместе!

— Не хочу!

— Глупости!

— Знаешь, у Марины Кусковой...

— Кто это?

— Очень талантливый сценограф, мы с ней три спектакля делали, так вот, у нее свекор на четыре года моложе свекрови.

— И что?

— У них двое взрослых прекрасных детей, они прожили вместе долгую жизнь...

— Вот именно!

— Не спеши! Так вот, свекровь больна, ей уже под восемьдесят, а свекор пустился во все тяжкие!

— Загулял с бабами? — расхохоталась Грета.

— Загулял! То есть под нажимом детей он в будние дни выполняет свой долг — ходит в магазины, выводит жену гулять, а в выходные исчезает, что бы дома ни было. И заявляет — я еще человек, я еще мужик и знать ничего не желаю. Несколько раз в год сваливает из Москвы на месяц, как минимум, куда-то под Сочи, у его бабы там домик. А я так не хочу!

— И ты совсем Даньку не любишь?

— Я очень к нему привязана. А любовь... Это все-таки что-то другое. Но я не позволяю себе даже думать о любви. Боюсь.

— Ну и дура! А он же по тебе с ума сходит.

— Потому и сходит, что чувствует — я принадлежу ему только отчасти. А предалась бы ему со всеми потрохами, он уже давно слинял бы.

— Может, ты и права. Мужики, они такие, со всеми потрохами нельзя... — тяжело вздохнула Грета.

Данила был на седьмом небе, когда Грета сказала ему, что он может немного пожить на даче. Засыпать и просыпаться с любимой, смотреть, как она работает... Он умел сидеть тихо, только иногда задавал какие-то вопросы.

— Прости, может, я глупость спрошу, но почему ты делаешь для героини такой костюм, он ведь, насколько я понимаю, не очень соответствует эпохе?

— Прав! Но играть героиню будет Аршинова, она дивная актриса, но фигура у нее для костюмов той эпохи, мягко говоря, тяжеловата. А в этом она будет потрясающе смотреться, к тому же приметы эпохи будут в деталях, а платье с кринолином сделало бы ее достаточно комичной, а героиня трагедийная... Вот как-то так!

— А режиссер в курсе?

— И режиссер, и сама Аршинова. Она в полном восторге. А режиссер решил, что и для остальных героев костюмы будут тоже только стилизованные, но с деталями той эпохи. Получится очень интересно. Что ты на меня так вылупился?

— Ты чудо!

— А! Это уже не новость, — засмеялась Ариадна.

— Скажи, а вот... у меня в сентябре будет отпуск, давай куда-нибудь поедем вместе, куда-нибудь к теплему морю, а?

— Не получится!

— Почему?

— Я поеду в Грецию, к Микису, мы там будем работать...

— А жить ты где будешь?

— У них дом на Корфу.

— Я не был на Корфу.

— И слава богу!

— Почему это?

— Слава богу, что там пока не горячая точка!

— Ты не хочешь со мной ехать?

— Даня, это попросту неудобно. К тому же Микис дружит с твоим отцом, а это, сам понимаешь...

— То есть отец там тоже будет? — задохнулся Данила.

— Нет! Но Микис запросто может ляпнуть Андрею, что познакомился с его сыном... Короче, нет и нет!

— А отец, между прочим, в курсе...

— В курсе чего?

— наших отношений.

— Это ты ему сообщил?

— Боже сохрани! Илонка постаралась, когда поняла, что я к ней не вернусь.

— Очень мило!

— Да уж!

— А что Андрей?

— Прислал мне эсмэску. Одно слово.

— И какое?

— «Квиты!»

— Изящно!

— Та к что ничего нового твой грек папаше не сообщил бы. Но ты явно не хочешь, чтобы я там засветился. А что, если я просто приеду на два-три дня в какой-нибудь отель?

— Это совсем другое дело!

— В таком случае я обязательно свалюсь тебе на голову! Приеду тайком, возьму машину напрокат и послежу за тобой. Посмотрю, как и с кем ты проводишь время.

— Ну, если без слезки никак нельзя... Только все зря. Я ведь предупреждала, что, если что-то случится в моей жизни, я скажу тебе об этом открытым текстом. И ты мне тоже!

— Какая ты жестокая! Я же люблю тебя без ума! Просто спятил от

этой любви, перестал замечать других женщин...

— Уймись, дружок! И бога ради, не мешай мне работать! Представь себе на минутку, что я увязалась бы за тобой, допустим, в Донбасс или в Сирию, бегала бы за тобой с вопросом: «Данечка, ты меня любишь?» Тебе бы это понравилось?

— Да! Понравилось бы! Но я бы живо тебя отловил, запер бы где-нибудь, а ночью доказал бы, как я тебя люблю!

— Кто о чем, а вшивый о бане! Катись в сад и не мешай мне работать!

Он вышел в сад, где Грета собирала с кустов крыжовник.

— Вам помочь?

— Помогите! Что, шуганула она вас?

— Шуганула.

— Я тоже ненавижу, когда мне мешают работать. Знаете, Даня, вы мне очень нравитесь, и я дам вам один вполне примитивный совет.

— Я весь внимание!

— Исчезните недели на две, не подавайте о себе вестей. Она испугается, взволнуется и встретит вас с распростертыми объятиями.

— Фи, Грета! — раздался из дома голос Ариадны. — Как примитивно и даже пошло! Не слушай ее, Данила! Со мной такие номера не проходят. А ты, Гретка, когда даешь советы, понижай голос!

— Ну вот, — развела руками Грета. — Больше я советов не даю! Разбирайтесь сами!

Часть 3

Ариадна вместе с Машей улетела на Корфу, где их встречал Микис. Маленький чистенький аэропорт, солнце, голубое безоблачное небо.

— Ариадна, тебе к лицу зеленый цвет! — встретил ее Микис.

— Почему зеленый? — удивилась Ариадна, на которой был светло-бежевый полотняный костюм.

— Адка, это он хотел сказать, что у тебя зеленый цвет лица! — со смехом перевела Маша.

— Я долго болела! Ничего, надеюсь, на греческом солнышке приду в себя.

— Даже не сомневайся!

Дом у Микиса был большой, просторный, с видом на море.

— Боже, такой синевы в природе не бывает! — ахнула Ариадна. —
Никогда такого не видела! Восторг!

Ей отвели большую комнату, выходящую на галерею второго этажа, увитую виноградом. Комната была на диво уютной, там все было так, как любила Ариадна.

— Ну как, нравится? — спросила Маша.

— Не то слово! Я в восторге! А тут можно спать с открытыми окнами?

— Конечно. Тут сигнализация, все предусмотрено. Так что спи спокойно, дорогой товарищ! Микис послезавтра уедет на пять дней, мы с тобой вдвоем останемся. Будем купаться... Ты плавать-то умеешь?

— Умею!

— Вот и славно! Обед ни фига готовить не будем, тут совсем недалеко лучший на Корфу рыбный ресторанчик, рыбка прямо из моря. А на завтрак и ужин чего-нибудь сообразим в четыре руки, идет?

— Еще бы!

— Убирать тоже не надо, тут приходит женщина, убирает прекрасно. Так что... Райская жизнь!

— Девочки, надевайте что-нибудь сельское и пойдём есть рыбу! — распорядился Микис. — А вечером я буду делать сувлаки!

— Это что? — заинтересовалась Ариадна.

— Шашлык! — перевела Маша.

— О! Первое греческое слово! Надо запомнить!

— Запомни еще четыре слова, и хватит с тебя, — засмеялась Маша.

— Какие?

— Запоминай! Калимера! Это «с добрым утром»! Калиспера — «добрый день и вечер»!

— Калимера, калиспера! — повторила Ариадна. — Несложно!

— И два слова посложнее. Эвхаристо!

— Это, видимо, «спасибо»?

— Как догадалась?

— Ну так евхаристия от этого происходит, да?

— Какая умная! — восхитился Микис. — Я раньше думал, такая красота и ум — это уж слишком, — радостно смеялся он.

— И последнее! Паракалло!

— А это, следуя логике, скорее всего, «пожалуйста»?

— А говорят, у женщин другая логика! — хохотал Микис. — Ну, девочки, я голоден!

— Мы быстро!

Ариадна мгновенно развесила в шкафу свои вещи, надела шорты, маечку и сбежала вниз.

— Я готова!

— А на голову что?

— Да ничего!

— Нельзя, напечет! — покачал головой Микис. — Вот, возьми пока эту шляпу, а потом сама придумаешь!

И он нахлобучил на нее соломенную шляпу с полями.

— Сойдет! Как я понимаю, тут выпендриваться не нужно?

— Абсолютно! — воскликнула Маша. — Я тут никогда не крашусь, одеваюсь как попало и чувствую себя вполне счастливой! Мик, а у тебя пакетики есть?

— А как же! Я запас сделал!

Ариадне показалось, что речь идет о презервативах. Но почему это надо обсуждать при ней? Видимо, у нее было такое выражение лица, что Маша согнулась пополам от хохота.

— Адка, ты о чем подумала, извращенка? Мы просто подкармливаем бездомных кошек, тут их тьма!

Ариадна тоже засмеялась, но смущенно.

Они вышли на залитую солнцем улицу, прошли немного, свернули в другую улицу.

— О, а вот и наши подопечные! — воскликнула Маша.

Под елками справа от дороги сидели три котенка, два рыженьких и один черный. И пестрая трехцветная кошка. Возле них стояла пластиковая

мисочка с водой и лежали бумажки с кормом.

— Вот хорошо, и без нас не голодают! Ой, не могу, какие лапочки.

Пока Маша насыпала корм, все время что-то приговаривая, Ариадна озиралась вокруг.

Не сказать, что тут очень чисто, рядом недостроенный большой дом, но, похоже, достраивать его не собираются, видимо, хозяева разорились... Чуть дальше вполне обжитая вилла, вокруг цветы и какие-то незнакомые деревья. И вдруг на нее повеяло теплом и уютом, ей стало хорошо и спокойно.

— Греция очень бедная, — печально произнес Микис.

— Но тут так тихо, так хорошо... Ой, а что это такое? — Она ткнула пальцем в крупные цветы на дереве. Эти цветы перевешивались через ограду виллы.

— Я не знаю, как это по-русски.

— Это рожковое дерево! — сказала Маша.

— А вот и наша таверна! — возвестил Микис.

Чтобы войти в таверну, надо спуститься на три ступени. Возле ступеней развалился большой, почти белый от старости лабрадор. Он лениво глянул на посетителей и продолжал спать.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Ариадна.

Таверна представляла собой большое помещение, все окна в котором раздвигались и было прохладно. Потолок подпирали колонны, оклеенные ракушками и камнями. Окна выходили на небольшой заливчик, по берегу которого рос высокий тростник. Народу было немного. Пока они решали, где лучше сесть, на них буквально налетела высокая красивая девушка, она что-то радостно восклицала по-гречески, видимо, приветствуя постоянных посетителей. Не успели они усесться, как им уже подали большую корзинку с хлебом, источавшим такой волшебный запах, что у Ариадны сразу потекли слюнки.

Микис отправился на кухню поздороваться с хозяином и сделать заказ.

— Адка, он сейчас закажет все самое шикарное, лобстера и все такое. Но самый кайф будет, когда мы останемся одни. Попробуешь аферину и гаврос, ничего другого уже не захочешь!

— После такого хлеба я вообще уже вряд ли что захочу!

— Это что! Тут подают подсушенный хлеб, а в других местах свежайший, да еще и с маслом, вообще зарез! Удержаться невозможно.

И в самом деле, вскоре им принесли кувшин холодного белого вина, греческий салат, лобстеров и какую-то пасту из зеленых оливок. Все было очень вкусно!

— Сегодня будний день, тут народу немного, а в субботу-воскресенье тут иной раз и столик не найдешь, — сообщила Маша.

Вдруг в ресторанчик вбежала девочка лет двенадцати, высоконькая, длинноногая, в коротеньких шортах и голубой маечке. Светлые пушистые волосы, заплетенные в толстую косу, загорелое личико.

— Какая хорошенькая! — заметила Ариадна.

К девочке уже спешила официантка. Они заговорили по-английски. Потом девочка села за столик, достала блокнот и принялась что-то рисовать. К ней, чуть прихрамывая, подошел сонный лабрадор и ткнулся башкой ей в колени. Девочка смачно поцеловала собаку в лоб и погладила ее. Собака прилегла у ее ног и снова уснула.

— Прелесть какая! — проговорила Маша. — Никогда ее тут раньше не видела!

Девочке между тем принесли кувшинчик с соком и большую тарелку с какой-то совсем мелкой рыбешкой.

— О, это наше будущее! — хлопнула в ладоши Маша.

— Ты собираешься кормить прекрасную Ариадну этой чепухой? — притворно возмутился Микис.

— Ничего нет вкуснее этой чепухи!

Девочка с удовольствием съела половину рыбок, а вторую сложила в пакетик. И ушла, не расплатившись.

— Вероятно, дочка каких-то знакомых... — предположила Ариадна.

Когда они шли домой, то увидели девочку возле котят. Она прибирала мусор, скопившийся вокруг, а кошка-мама доедала жареную рыбешку.

— Кака я молодчина! — воскрилась Маша. — Можно точно сказать, что не русская девочка.

Та подняла голову, засмеялась и на чистейшем русском языке проговорила:

— Да почему? Просто не люблю грязь. Вот, смотрите, обрывок голландской газеты! О чем это говорит?

Они расхохотались.

— Как тебя зовут? — спросила Ариадна.

— Алиса! Ой, какая вы красивая! Обалдеть!

— Ты тоже очень красивая, — заметил Микис. — Очень.

Девочка вдруг смутилась и убежала.

— Какое очарование! — воскликнула Маша.

После обеда они долго и с наслаждением купались.

— Скажи, какое море! — тормозила Ариадну Маша.

— Да, в самом деле удивительное! Я воды не боюсь, но быстро устаю,

а тут плаваю себе и хоть бы что! Вода как будто шелковая!

— Не жалеешь, что приехала?

— Да что ты, Маша! Я просто счастлива.

А вечером Микис жарил сувлаки.

— Скажи, Ада, у тебя сейчас очень много работы? — спросил он вдруг.

— А что?

— И все же?

— Ну есть работа, но не сказать чтобы очень срочная, да и для тебя я делаю... А ты хочешь мне еще что-то предложить?

— Хочу! Меня пригласили поставить «Севильского» в Новосибирске.

— О!

— Мне нравится работать в России, там будет хороший бюджет, и я давно вынашиваю идею сделать эту оперу по-новому. Не надо строить рожу! По-новому не значит через задницу! Просто мне один раз приснилось... Понимаешь, сделать это такой легкой игрушкой... Музыкальной шкатулкой. Понимаешь?

— И декорации будут в виде музыкальной шкатулки? — загорелась Ариадна.

— Да! Я уже говорил с Губером, и он придумал очень здорово, как это сделать. Там должно быть много золота, вся сцена будет как золотая шкатулка, золотая изнутри, понимаешь?

— И очень много кружев! И все такое светлое. Даже сутана дона Базилио не должна быть черной. Там вообще не должно быть черного... Сутана будет серебристо-белой. А дон Бартоло будет в розовом с цветочками...

Микис захохотал.

— Ты чего? — насторожилась Ариадна.

— С ума сойти, про Бартоло в цветочек я не думал, а про Базилио точно! Черт возьми, Ариадна, это будет бомба! И кстати, Губер сказал, что тут справишься только ты! Он тебя очень ценит!

— Да ладно! Просто он ко мне еще в Нижнем лез... Но работать с ним здорово интересно.

Они до глубокой ночи обсуждали открывшуюся перспективу. А через день Микис улетел в Афины, где жила его старшая сестра.

Женщины остались одни.

— Я сегодня не купаюсь! — объявила утром Маша. — Два дня пропущу.

— И на пляж не пойдешь?

— Нет, яневажно себя чувствую, просто поваляюсь на балконе. А если полегчает, займусь делами. У Микиса столько планов, он хочет всюду успеть, а обеспечить это все должна я. Он своих графиков вообще не знает. Если я завтра помру, он просто пропадет! Но обедать все равно пойдем в нашу таверну!

— С удовольствием! А я пойду на пляж и порисую!

— Только далеко не заплывай, ты не самый лучший пловец.

— Слушаюсь!

— И возьми крем, а то сгоришь на фиг!

— Непременно!

Наплававшись, Ариадна уселась на лежаке под тентом, достала из сумки блокнот и принялась рисовать. Карандаш так и летал по бумаге. Она рисовала, иногда выдирала листок из блокнота, комкала и кидала в сумку.

— Здравствуйте! — окликнул ее кто-то.

Она подняла голову. Рядом стояла Алиса и смущенно улыбалась.

— О, Алиса! Здравствуй!

— Вы модельер? — спросила она.

— Нет, я художник по костюмам. Для театра.

— А я случайно увидела, вы извините, но просто я мечтаю стать модельером...

— О, я видела, что ты рисовала в таверне. Может, покажешь?

— Вам интересно?

— Да. Эти профессии схожи. Модельеры часто делают костюмы для театра... Не стесняйся, садись рядом и показывай! Я же вижу, у тебя блокнот в сумке.

Девочка залилась румянцем.

— Спасибо! Вот, посмотрите! Это... платье для меня, я бы хотела такое...

— Слушай, ты молодчина, у тебя такие уверенные точные линии... Просто здорово! Тебе сколько лет?

— Двенадцать!

— Давай еще показывай.

— Это костюм для папы...

— Твой папа артист?

— Нет, он бизнесмен.

— Ну и куда папа в таком костюме пойдет?

— На карнавал в Венеции. Он обещал свозить меня туда!

— Ну, если на карнавал... Но вот тут неправильно, это будет неудобно

носить. Лучше вот так сделать. Но идея прекрасная. Тебе надо этим заниматься! Вы живете в Москве?

— Нет. Мы живем в Швейцарии. Но там так скучно... А почему вы спросили?

— Просто я живу в Москве, там я могла бы тебе помогать. Но, думаю, в Швейцарии тоже есть какая-нибудь школа модельеров.

— А вы... Ой, простите, а как вас зовут?

— Ариадна.

— Это разве русское имя?

— Нет, но в России не такое уж редкое. Как и Алиса.

— Красивое имя! Очень! И вы... очень, просто очень красивая!

— Ты замечательно говоришь по-русски, у тебя русские родители?

— Да. Папа с самого начала говорил со мной по-русски. И няня у меня тоже русская. А маму я не помню. Она умерла, когда я родилась. И папа сам меня растил.

— А здесь ты с кем?

— С няней. Ну она мне как бабушка. Папа должен скоро приехать. Он любит Корфу. И купил тут дом, чтобы я летом жила у моря.

— А пойдём ещё искупаемся? — предложила Ариадна.

— Пошли!

Они искупались, поплавали. А потом Ариадна предложила пойти в кафе соседнего отеля поесть мороженого. Девочка с восторгом согласилась. Ей так нравилась эта женщина! Она первая всерьёз отнеслась к ее рисункам.

— Ты мне завтра принеси ещё рисунки!

— Вам, что ли, интересно?

— Интересно! У тебя явные способности.

— Ой, спасибо вам! А папа говорит, что я занимаюсь чепухой! Хотя папа меня очень любит. Но он хочет, чтобы я стала архитектором.

— Почему именно архитектором?

— У папы большая строительная фирма...

— А! Поняла! Папе нужен свой архитектор! Что ж, это ясно. А ты была когда-нибудь в России?

— Нет. Папа все обещает... А я очень хочу!

— Приезжай! Я повожу тебя в Москве по театрам.

— И в Большой театр?

— И в Большой!

— Круто! А у вас есть дети?

— Нет. Детей нет. Так получилось.

— А муж?
— Было два.
— Вы развелись?
— Один меня бросил, второго я бросила. Есть... друг.
— Бойфренд?
— Вот-вот!
— Ой, а можно с вами поговорить про любовь?
— Поговорить про любовь?
— Да! Понимаете, мне не с кем! Папа говорит, что совершенно не умеет про это разговаривать, а няня считает, что мне еще рано. А мне очень важно...

— Ты кого-то любишь?
— Нет еще. Но я знаю, что это будет. А я ничего в этом не понимаю. Нет, вы не подумайте... Нас в школе учат... ну, про безопасный секс и все такое, но я хочу про другое. Про чувства...

Господи ты боже мой, что за удивительный ребенок? Им все объясняют про секс, а она хочет про чувства.

— О, про чувства давай поговорим!
— Правда? — расцвела Алиса. — Тогда скажите... Любовь... А может быть так, что ее не будет в жизни?
— В принципе да, может. Но не в твоём случае.
— Почему?
— Потому что ты... У тебя обязательно будет любовь, ты к ней готова, я не говорю, что это будет счастливая любовь...

— А у вас была любовь?
— Была.
— Но несчастливая?
— Как тебе сказать... Поначалу мне казалось, что безумно счастливая, а потом... Этот человек бросил меня. Я думала, что умру... Но, как видишь, выжила.

— А вашего бойфренда вы любите?
— Он меня любит. И я ему за это благодарна. Понимаешь?
— Но вы все время сравниваете его...
— Нет, не его, а свои чувства.
— И вам все время чего-то не хватает?
— Ты поразительно умная девочка. Скажи, а у тебя есть подруги? Девочка удивленно посмотрела на собеседницу.
— Нет. Нету. А почему вы спросили?
— Потому что обычно такие разговоры ведут с подружками...

Или с матерью, про себя добавила Ариадна.

— Мне с ними скучно. У них один интерес — компьютер. А мне интереснее живая жизнь, понимаете?

— Понимаю.

— А у вас есть подруги?

— Да. Есть. И знаешь, Алиса, дружба иной раз куда важнее любви.

— А вы... вы бы согласились со мной дружить?

— А по-моему, мы уже подружились, — ласково улыбнулась Ариадна.

— Только пока вы здесь?

— Ну почему, обменяемся мэйлами и будем писать друг другу, и по скайпу можем общаться. Я всегда выберу время на общение с тобой.

— Какая вы... просто классная! А как зовут вашего бойфренда?

— Данила.

— Данила, Гаврила... Прямо из «Конька-Горбунка».

— Ты знаешь «Конька-Горбунка»? — поразилась Ариадна.

— Да. Мне папа читал. Папа мне никогда не читал сказки и не рассказывал, это няня делала, а папа читал классику. Сказки Пушкина, вот «Конька», когда я подросла, стал читать Гоголя, «Вечера на хуторе»... Няня по будням, а папа по выходным, я так ждала этих выходных, мы куда-нибудь с ним уезжали, или в горы, или просто в какой-нибудь другой город, были там только вдвоем, и он мне читал...

Девочка глянула на часы.

— Ой, простите, Ариадна, мне надо бежать. А вы завтра придете на пляж?

— Обязательно!

— А можно я тоже приду? Я не буду мешать вам работать, просто посмотрю?

— Договорились! Все, беги!

Алиса умчалась, а Ариадна медленно побрела домой.

— Я уж думала, ты утонула! — проворчала Маша. — Я с голоду помираю! Переоденься и пошли в таверну!

— Я мигом!

По дороге Ариадна рассказала Маше о разговоре с Алисой.

— Бедная девочка, ей нужна мать, у нее сейчас такой возраст... Слушай, Адка, а может, это твоя судьба? Вдовый мужик с такой девочкой? Он явно небедный, девочку обожает, еще бы, один растил, и не женился небось из-за дочки, а тут дочка сама себе маму нашла...

— Маш, я бы еще поняла, если бы такую историю сочинила Грета, она писательница, ей и карты в руки.

— А думаешь, у меня фантазия не развита? — засмеялась Маша. — Я сколько уж лет живу с Микисом, а у него фантазия будь здоров, ну и мне от нее кое-что перепало! Да тут, собственно, не нужна особая фантазия, просто здравый смысл. Но надо, конечно, поглядеть, что там за папаша, может, тот еще мордovorот, хотя...

— Хочешь небось сказать: «с лица не воду пить»? — хмыкнула Ариадна.

— Между прочим, для мужика красота не имеет значения... Вот Микис мой красотой совсем не блещет...

— Да ладно! Микис большой талант, это куда важнее. И к тому же чудесный человек, что среди режиссеров не так часто встречается.

В таверне сегодня кроме них никого не было. У порога возлежал сонный лабрадор. Они сели, открыли меню. И тут у Ариадны зазвонил телефон. Она вздрогнула. Это был Данила.

— Алло!

— Любимая, как ты? Кашель прошел?

— Прошел, тут так хорошо...

— Без меня?

— Не в том дело. Море, воздух...

— А я знаю. Я уже здесь, на Корфу!

— Господи, где же ты?

— В отеле, приехал на пять дней. И совсем недалеко от тебя. «Кантокали-бэй», знаешь?

— Господи, я сегодня была там в кафе.

— Я безумно хочу тебя видеть!

— А приходи!

— Куда?

— Спроси на ресепшен, как пройти к рыбной таверне.

— Я взял машину. Буду через несколько минут. Люблю тебя!

— Маш, прости...

— Это хахаль твой примчался?

— Да. Я не хотела...

— Да ладно! Хоть посмотрю на него.

Подошла официантка.

— Нет, мы закажем чуть позже, — сказала Маша по-гречески, — к нам еще подойдет наш друг.

И буквально тут же возник Данила. Сияющий, счастливый.

— Любимая!

Он расцеловал Ариадну, стиснул ее.

— Познакомь меня со своей подругой!
— Маша, познакомься, это Данила! А это Маша!
— Душевно рад! Вы простите, что нарушил, возможно, ваши планы, но, сами понимаете, Маша, когда такая женщина...
— Данила, успокойтесь, сядьте и загляните в меню, а то мы умираем с голоду.
— Да-да, я тоже...
Наконец они сделали заказ, а пока макали в оливковое масло кусочки поджаренного хлеба. Это было очень вкусно!
А я рада, очень рада ему, с удивлением думала Ариадна. Он такой милый... И Маше он явно нравится.
— Простите, а где тут можно руки помыть? — спросил Данила.
Маша показала ему, куда идти.
— Слушай, Адка, какой парень! Восторг!
— Да, хороший... Но молодой!
— Ну и что тут плохого?
— Мне это мешает.
— Ну и дура! Теперь это в тренде!
— А мне плевать на тренды!
— И что? Шуганешь?
— Да нет... Жалко. Я привязалась к нему... И он меня любит.
— А чем он занимается?
— Военный корреспондент на телевидении.
— Ух ты!
Тут вернулся Данила.
— Скажите, Маша, Ариадна не кашляет?
— Да нет, вроде вполне здорова.
— У нее было тяжелое воспаление легких, она трудно выздоравливала...
— Данечка, успокойся, все прошло, — погладила его по руке Ариадна.
...Ночевала она в отеле у Данилы. У него был номер в коттедже, а утром он увез ее в столицу острова, Керкиру, где оба с удовольствием бродили по узким прелестным улочкам, заглядывали в какие-то лавчонки, потом опять сели в машину и поехали куда глаза глядят.
Данила выглядел совершенно счастливым.
— Ох, — воскликнула вдруг Ариадна, — как нехорошо получилось!
— Ты о чем?
— Да я вчера познакомилась с одной девочкой...
Она рассказала ему об Алисе.

— Я на радостях забыла о ней, а она, наверное, обиделась.
— Ты сказала «на радостях»? Так, значит, и вправду рада мне?
— Рада, Данечка, очень рада!
— Наконец-то! А насчет девочки... Ничего, завтра никуда не поедем, проведем целый день на пляже, возьмем катер, прокачу тебя по морю, авось и девочка найдется, тогда и ее покатаем!
— Ты умеешь управлять катером?
— Конечно! Один раз только благодаря этому моему умению мы с Федькой спаслись...
— Где это было?
— В Ливане. Но вспоминать не буду, неохота.
— Страшно было?
— Очень!
— Данька...
— А вечером заберем Машу и будем ужинать у нас в отеле. Там есть ресторан а ля карт. Кстати, позвони ей и предупреди!
Маша обрадовалась.
Данила привез Ариадну к ней.
— Девушки, переодевайтесь, а я пойду договорюсь и потом заберу вас. Часа вам хватит?
— Вполне! Ой, Адка, как ты сияешь! На тебя надо надеть паранджу, а то тут мужики побегут за тобой, как крысы за Крысоловом! Да, знаешь, заходила Алиса.
— Да ты что!
— Искала тебя.
— Что ты ей сказала?
— Что приехал твой друг...
— Она обиделась?
— Не знаю.
— Ужасно! А она не сказала, где живет?
— Да через три дома отсюда. А что?
— Надо бы заглянуть к ней, извиниться.
— А она сказала, что поедет встречать отца.
— Тогда не пойду!
Вечер они провели втроем. Им было весело и приятно друг с другом. А на другой день Маша поехала встречать Микиса, и они договорились, что Ариадна с Данилой приедут в Керкиру и они все вместе пообедают в любимом Машином ресторанчике.
— Там подают такую курицу с кумкватом, обалдеть!

С утра Данила взял катер, и они помчались по морю так, что ветер свистел в ушах!

— Куда ты так гонишь? — кричала Ариадна. — Здесь же люди, мало ли кто далеко заплывет! Сбрось скорость, я уже убедилась, что ты ас!

Он послушно сбросил скорость.

— Господи, как тут хорошо! — воскликнул Данила. — А ты... Ты тут стала еще красивее, хотя это и невозможно вроде бы...

— Тут как в раю. Я много стран объездила, но нигде мне не было так легко и хорошо. И ты вот приехал, я рада...

Данила бросил якорь, подсел к ней, начал целовать.

— Давай искупаемся, а?

— Нет, я боюсь.

— Чего, чудачка? Акулы тут не водятся. И я с тобой.

— Да ну, не хочу! А вдруг еще какой-то псих на катере...

— А я, с твоего позволения, окунусь!

— Даня, не надо!

— Да ну, ерунда!

И он красиво прыгнул в воду.

И вдруг откуда ни возьмись появилась яхта под парусом. На яхте было двое. Высокий мужчина в шортах и девушка.

Как красиво, подумала Ариадна. Про мужчин не говорят «ноги от ушей», а здесь тот самый случай.

— Ариадна! Ариадна! — раздался голос с яхты.

Это кричала Алиса. Ариадна помахала ей рукой. Видимо, это отец девочки. Эффектен, это как минимум.

Яхта приближалась. Но тут на катер вскарабкался Данила.

— Видишь, никто меня не съел и винтом не зарезал. А это часом не твоя подружка?

— Она!

Яхта приблизилась.

— Ариадна! Это мой папа!

Мужчина снял темные очки и вдруг закричал:

— Аришка!

— Кондрат! — Ее шатнуло, и она упала за борт. Оба мужчины разом прыгнули в воду. Данила подоспел быстрее. Подхватил ее, она вцепилась в него. Он перевалил ее, как мешок, на катер.

— Ну, нахлебалась воды?

— Да нет... просто голова закружилась.

— Это и есть твой незабвенный Кондрат? Он звал тебя Аришкой? А он старый...

И Данила демонстративно сжал ее в объятиях.

Кондрат тем временем вернулся на яхту.

Часть 4

- Папа, ты ее знаешь?
- Знал когда-то в прежней жизни. Очень давно. Забавно, однако.
- Что забавно?
- Все. Эта встреча, как в кино. И как она в воду плюхнулась... И как этот щенок ее целовал, будто напоказ, смотрите, мол, это моя женщина!
- Папа, ты заметил, какая она красивая?
- Не разглядел.
- А почему ты сказал про этого мужчину, что он щенок?
- Потому что он и есть щенок! Молодой совсем. А ей вроде бы рановато вязаться с молодыми парнями.
- Папа, а почему ты злишься?
- Ну что ты, родная, я совсем не злюсь, — улыбнулся он дочери.
- Папа, а тебе неинтересно было бы поговорить с Ариадной?
- О чем?
- У тебя с ней что-то было?
- Я уж и не помню.
- Папа, а это не ты ее бросил когда-то?
- Что за бред!
- Она мне рассказала, что безумно любила одного человека, а он ее бросил...
- Что еще она тебе рассказывала?
- А тебе зачем? Я не могу разбалтывать то, что мне доверили!
- Ну, в принципе это правильно! Молодчина! Ну что, домой?
- Нет, папочка, еще поплаваем!
- Как прикажете, моя госпожа!

Первым чувством была досада. Уж как я отрецивался от своего прошлого, как не хотел, чтобы меня возвращали к нему, нет, не скроешься! Теперь, не дай бог, Аришка на радостях выложит это в соцсети... Не хочу! Надо бы, вероятно, увидеться с ней и предупредить, чтобы не вздумала. Когда-то она умела хранить секреты. Интересно, а почему мне было неприятно, что этот парень стал так демонстративно ее целовать? Потому что терпеть не могу демонстрации интимных чувств. А еще Алиска буквально влюблена в нее. Она, видите ли, одобрила ее рисунки. Большое дело! Как глупо все... И как объяснить в сущности уже совершенно чужой

женщине, что я больше не рокер Юрка Кондратович, сценическое имя Кондрат, а уважаемый бизнесмен Майкл Конрад? Да нет, не надо ничего объяснять, зачем? Ну, допустим, напишет она в сетях, что Кондрат жив. И что? Ищи-свищи этого Кондрата. Да и кто его помнит? Друзья молодости кто спился, кто помер от наркотиков. Целое поколение выросло, не знающее ни о каком Кондрате... Многие из наших, кто умотал в Америку, вернулись в Россию и сделали там отличную карьеру... правда, все они постарше...

— Папа, ты почему молчишь?

— Любимая, это и есть пресловутый Кондрат?

— Думаю, мне показалось. Фигура похожа...

— А почему же он крикнул: «Аришка»?

— Меня никогда никто не звал Аришкой. Только Адой. Да не бери в голову, Данька. Мы оба, похоже, обознались.

Но Данила не верил. Вот он, главный Минотавр, и, похоже, действительно опасный. Да еще Ариадна подружилась с его дочкой... Мне это не нравится, ох как не нравится!

— Даня, поехали назад, мне надо привести себя в порядок перед поездкой в город, а то волосы намокли. Мне уже не терпится показать Микису свои первые прикидки по «Севильскому». Он такую фантастически интересную задачу поставил...

Микис с Данилой мгновенно нашли общий язык и сразу заговорили о политике.

— Адка, что с тобой? — тихо спросила Маша. — Что-то случилось?

— Случилось, еще как случилось!

— И что это?

— Потом, сейчас не могу. Когда останемся вдвоем!

— Я умру от любопытства! Пошли носики пудрить!

— Ну пошли!

Они сидели в ресторане на дивной площади, под большими каштанами, а «пудрить носики» надо было в здании напротив. Так что минут десять у них есть.

— Ну?

— Ты знаешь, чья дочь Алиса?

— Откуда?

— Кондрата!

— А разве он жив?

- Как выяснилось, живехонек! И невозможно хорош!
- В каком смысле?
- В прямом. Он теперь коротко стрижен, волосы серебряные, зубы белоснежные, загорелый... Я обмерла и свалилась в воду!
- А он за тобой не прыгнул?
- Прыгнул! Но Данька был быстрее и стал как ненормальный меня целовать. А Кондрат уплыл...
- А он тебя узнал?
- Узнал. И крикнул: «Аришка!» Только он меня называл Аришкой...
- Бедный Данька... Такой классный парень...
- Знаешь, я, наверное, уеду с ним послезавтра. Не хочу возвращаться к прошлому.
- А с чего ты взяла, что твой Кондрат хочет что-то возвращать? Не факт!
- А думаешь, я хочу?
- Но ты с таким упоением расписывала его внешность...
- Ну правда, он невозможно красив!
- А сколько ему лет?
- Пятьдесят.
- Ух ты! На целое поколение старше Данилы. Не будь душой! И баб у него, наверное, легион! Данила тебя и вправду любит.
- Ладно, Маш, пошли уже, и пусть они все гуляют, для меня сейчас главный мужчина — Микис и его «Цирюльник»!

Значит, она художник по костюмам, достаточно известный, работает с разными режиссерами в разных странах. Кондрат сидел в шезлонге в саду своего дома с планшетом. Фамилию не сменила... Была замужем за олигархом... Теперь в свободном плавании. Красива невероятно! В Интернете масса ее фотографий. Особенно его восхитил снимок, сделанный на премьере «Волшебной флейты» в Брюсселе. Она в черном причудливом платье с большим декольте. Гладко зачесанные волосы, чистое прекрасное лицо... Про нее даже не скажешь «красива», нет, она прекрасна, именно прекрасна! Впрочем, чему удивляться, она и девочкой была прекрасна. Как я ошалел, когда впервые ее увидел. Где это было? Ах да, был день рождения у Славки Казанчеева. Я вышел на лестницу курить, а она спускалась вприпрыжку, хотя нет, она съезжала по перилам, а я ее поймал! И обомлел. Она тоже. Она еще училась в школе. Но у меня даже мысли не возникло, что она несовершеннолетняя, что меня вообще могут посадить за растление. А я именно что был растлителем, но отнюдь не

насильником. Она тоже потеряла голову, я еле-еле заставил ее окончить школу... Ее мать убивалась, а ей всё было нипочем. И я женился на ней. Чувствовал какую-то ответственность за девчонку. Она моталась со мной по гастролям, с улыбкой преодолевала все бытовые трудности, мы взяли ее в группу костюмером, а потом беременность... Я был в ужасе, куда нам ребенок? И настоял на аборте. Алиска говорит, у нее нет детей. Может, после того аборта? А что, если вся моя нелепая жизнь послана мне в наказание за тот аборт? Не исключено. А она молодец, не пропала, сделала карьеру и стала только еще красивее. Как странно, что Алиска с ней подружилась... Может, это судьба? Алиска входит в тот возраст, когда девчонке позарез нужна мать. Да, но кто сказал, что Аришке нужен старый мужик с дочерью? У нее вон молодой парень, который явно сходит с ума... И она возвращается в театральной среде, где более чем свободные нравы... Нет, так можно сойти с ума!

— Лисёнок!

— Да, папа?

— Есть мысль!

— Хорошая?

— Это ты должна решить. Что, если нам на два дня сплавать на пароме в Бари?

— Ой, папочка!

— Хочешь?

— Очень, очень хочу! А билеты?

— Да вот есть билеты, я посмотрел. Возьмем каюту «люкс» на палубе и поплывем! Там интересно! Привезем няне из Бари иконку Николая Чудотворца.

— Здорово! Ура, папочка!

— Беги, собирай вещи, отплываем сегодня в ночь!

— Ура!

Вот и хорошо, подумал он. Может, за эти два дня в море мозги проветрятся, а может, Аришка уедет... Интересно, она думает обо мне? Или в объятиях молодого парня и думать забыла об этой встрече? И вдруг его окатило волной дикой, прямо-таки звериной ревности. Он даже застонал, но усилием воли отогнал эту нестерпимую картинку. Сдурел я, что ли? Какое право я имею ревновать ее к кому бы то ни было?

С Ариадной по скайпу связалась Грета.

— Как ты там, подруга? Выглядишь классно!

— А ты как? Как твой роман, продвигается?

— Летит на крыльях! Я знаешь что удумала? Моя Аглая поехала-таки на Родос, к ней туда примчался Демьян, и все вроде бы у них хорошо, но тут она, стоя на пирсе, видит проплывающую мимо яхту...

— Ой, мамочки!

— Ты чего? Неужели мимо тебя тоже проплыла яхта?

— Проплыла, Грета, проплыла.

— И кто там был?

— А у тебя кто?

— Ее первый, пропавший, муж!

— Грета, ты просто ясновидица!

— Ты хочешь сказать... это был Кондрат?

— Кондрат. Живой и здоровый.

— Ну ни фига себе... И что?

— Я была не на пирсе, а на катере с Данилой. И плюхнулась в воду.

— И оба за тобой прыгнули?

— Оба прыгнули!

— У меня первым подоспел Алексей, бывший муж, посадил ее на свою яхту и умчал по воле волн... Собственно, это и будет финал. А у тебя?

— А у меня... Меня выловил Данька, что-то почуял, стал демонстративно целовать, устроил сцену ревности. А Кондрат уплыл со своей дочкой... По воле волн.

— А что за дочка?

Ариадна рассказала про дочку.

— Нет, у меня дочки нет. Лишняя морока.

— Грета, если б ты его видела!

— А что, постарел?

— Постарел, конечно, но стал, по-моему, еще лучше.

— Подруга, не вздумай! У тебя Данька, золотой парень, любит тебя без ума! Нет, но я-то какова, какая интуиция!

— Да, ничего не скажешь!

— А Данька надолго?

— Завтра уезжает.

— Ты уж не обижай его!

— И не думала. Я очень к нему привязалась. Это просто шок! Я же думала, что Кондрат или умер, или вконец опустился.

— Но он больше не поет?

— Видимо, нет. У него какой-то строительный бизнес. Он же окончил когда-то МИСИ. Кстати, и Микис и Машка в полном восторге от Данилы. Микис в его честь устраивает отвальную, будет жарить сувлаки.

— Это что такое?

— Шашлык!

— Хочу на Корфу!

— А приезжай! Я сниму тебе номер в отеле. Данька вот с легкостью снял прекрасный номер.

— Да я бы с восторгом, но меня ждет Морис, он снял дом в Трувиле. Сама понимаешь... Но я буду на связи. Если нужен будет совет ясновидицы, всегда рада. Да, кстати, Кондрат знает, где ты живешь?

— Про него не скажу, а дочка его знает. Они живут в трех шагах от нас.

— И он не появлялся?

— Нет. И слава богу!

— Появится! Он пережевывает сейчас эту ситуацию. Предаётся воспоминаниям. А потом явится и попытается объяснить тебе, почему он так себя повел.

— Ох, не хочу я никаких объяснений. Он жив, здоров, и хватит с меня. Мы живем в разных измерениях.

— Ну, это поправимо!

— Не думаю! Все, Грета, Данька явился.

— Привет ему от меня!

— Непременно!

— Любимая, ты что тут делаешь?

— Болтала по скайпу с Гретой! Тебе большой привет! Ох, как ты тут загорел! Хотя ты и так-то загорелый, но только с мордочки, а тут весь такой золотистый стал, такой вкусный!

И она обняла его крепко-крепко, прижалась к нему, словно ища защиты. А от чего, она и сама не знала.

А утром Данила улетел.

Алиса была в восторге от краткого путешествия на огромном пароме.

— Папа, мне так понравилось! А давай поедem в какой-нибудь круиз, хотя бы на недельку!

— Ну, может быть, в следующем году. Например, по Карибскому морю?

— Ух ты! Это было бы круто!

— Ты у меня морская душа?

— Морская, папочка, морская! И давай по этому случаю пойдem обедать в таверну!

— А по дороге будем кормить всех бездомных кошек?

- А как же!
- Ладно, в таверну так в таверну! Ты, между прочим, вьешь из меня веревки! — со смехом сказал отец.
- Ну если больше некому!
- Ох, ты и нахалка! — засмеялся он.
- Скажи, папа, а у тебя есть...
- Что?
- Не что, а кто!
- Ты о чем?
- Пап, ну я уже взрослая и понимаю, что мужчине нужна женщина.
- Вот те здасьте!
- Так есть у тебя женщина? Или ты снимаешь проституток?
- Ты с ума сошла? Где ты этого набралась?
- Пап, я кино смотрю, книги читаю.
- Господи помилуй! Да, прав был Грибоедов.
- «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом»? — лукаво спросила девочка.
- Не зря я тебя, нахалку, приобщал к литературе.
- Пап, ты не ответил!
- Ну, есть у меня женщина.
- А почему ты на ней не женишься?
- А не хочу!
- Боишься, что она будет мне злой мачехой?
- И это тоже, да и вообще, свобода хорошая штука.
- А она не просит тебя жениться на ней?
- Да нет, понимает, что бесполезно.
- Значит, ты ее не любишь?
- Алиса, отвяжись! Ты же знаешь, я ненавижу эти разговоры.
- В глубине души Алиса жаждала, чтобы в таверну пришла Ариадна с подругой. Но они не пришли. И на пляже она их тоже не видела. Неужели уехали? На обратном пути она показала отцу дом, где жил Микис.
- Пап, Ариадна живет в этом доме.
- Ну и что?
- Ничего. Просто так!

На другой день утром Алиса побежала на пляж, но застала там только подругу Ариадны.

- Ой, здравствуйте!
- Здравствуй, детка. Ты, наверное, Ариадну ищешь? А она уехала

в Керкиру. Она там шубку заказала, поехала на примерку. Во второй половине дня вернется. Может, ей что-то передать?

— Да нет, спасибо. Просто я хотела показать свои новые рисунки...

— Ну уж завтра она точно тут будет!

— Спасибо!

Ариадна осталась весьма довольна примеркой и решила пошляться по прелестному городку и купить в подарок Грете тапочки святого Спиридона. А заодно пообедать в том ресторанчике, где они обедали вчетвером.

Тапочки она купила быстро, благо ими торговали на каждом шагу. Подумав, купила и себе, мягкие войлочные, с вышивкой и с помпонами, эти тапки были местной достопримечательностью. О них ходила легенда — покровитель острова святой Спиридон в таких вот мягких тапочках обходит дома своей паствы. Подумав немного, она купила еще несколько пар, мужских и женских. Для гостей. Потом набрела на прелестную лавчонку, всю выдержанную в сиреневых тонах. Там торговали натуральной лавандовой косметикой из Прованса. Кремы, мыло, изящные саше. И там тоже она накупила много мелочей. Наконец, утомившись от островного шопинга, она вышла на площадь, которая тут называлась Эспьянадой. И направилась к уже знакомому ресторанчику. Выбрала столик, благо народу было немного. Попросила официанта сразу подать ей воды со льдом. Разумеется, ей тут же принесли теплый ароматный хлеб и масло. Удержаться было невозможно. Ах, какой дивный остров... Как легко тут дышится, какие приветливые люди... Какой-то мужик, похоже англичанин, не сводил с нее глаз. И вдруг сердце замерло. По мраморным плитам Эспьянады шел Кондрат. Не заметить его было невозможно. Только бы он меня не увидел, испугалась Ариадна. Но он увидел. Помахал рукой и решительно направился к ней.

— Привет! Ты одна?

— Одна. Здравствуй.

— Позволишь присесть?

— Садись.

Он был в очках. Раньше очков он не носил. Только солнечные.

— Ты носишь очки?

— Да. Приходится.

— Тебе идет.

— Да ну... Я здорово постарел?

— Та к и я не помолодела. Но я рада узнать, что ты в добром здравии.

— Знаешь, я хотел попросить тебя...

— Да?

— Не надо в Москве рассказывать, что я... жив.

— Господи, почему?

— Потому что тот Кондрат действительно умер. Я начал новую жизнь. Меня теперь зовут Майкл Конрад. Я солидный бизнесмен, а вовсе не оголтелый рокер. С прошлым покончено.

— Но кое-кому уже известно, что ты жив.

— Этому твоему щенку?

— Он вовсе не щенок, Кондрат.

— Он твой любовник?

— Да!

— Одно могу сказать, у парня отличный вкус. Ты просто сногшибательно выглядишь.

— Отвечу тебе комплиментом на комплимент. Ты тоже выглядишь сногшибательно. Тебе страшно идет седина...

— Брось! Знаешь, ты произвела огромное впечатление на мою дочь.

— У тебя чудесная дочка, и очень способная. Прекрасно рисует, и не надо ей мешать.

Он пропустил ее слова мимо ушей. Подпер голову кулаками и уставился на нее.

— Юра, не надо так на меня смотреть.

— Ох, как давно меня никто не называл Юрой.

— Я могу называть тебя только Юрой или Кондратом. По-другому вряд ли получится.

— Я хочу попросить у тебя прощения.

— За что?

— За все.

— Ладно, прощаю, давно простила. Скажи, ты больше не поешь?

Его лицо болезненно исказилось.

— Нет. Не пою.

— Почему?

— Я потерял голос. Давно. Это был шок. Чудовищный удар. Наша группа поначалу даже имела успех, потом нас кинули, все как-то разбредлись. Было прямое предательство...

— Кто кого предал?

— Меня предали. Друзья. То есть я считал их друзьями. Я попробовал петь в ресторане, но не смог. Словом, нахлебался я дряни... А потом в один прекрасный день проснулся без голоса. Пропал! Врачи сказали, что это на нервной почве... И я вспомнил о своей первой профессии. У меня

оставались какие-то бабки, я нашел заброшенный полуразвалившийся дом в хорошем месте, купил его буквально за гроши, своими руками превратил его в игрушку и продал уже за совсем другие деньги. Если бы ты знала, как я гордился собой! И решил в корне поменять жизнь, и имя тоже. Этот бизнес у меня пошел. Я женился, она была тоже русской. Хорошая женщина... Друг... Я стал оттаивать. Бизнес расширялся. Я подобрал бригаду профессионалов. Дальше — больше. Жена забеременела... И умерла родами. Опять все рухнуло. Я решил — буду сам растить Алиску. Приходилось туго. Но я случайно встретил пожилую русскую женщину, которая потеряла семью. И мы вдвоем стали растить Алису. Но до двух с половиной лет я никого к ней не подпускал. Грудную возил с собой по стройкам, меня в одном штате чуть не посадили, сочли, что я плохо обращаюсь с ребенком. К счастью, нашелся нормальный адвокат... А три года назад я вдруг понял — не могу больше жить в Америке. Это глобальное ханжество... Я взял в бригаду одного латиноса. Он был паршивой овцой, стал портить все стадо... Хотел уволить к чертям. Та к нет, нельзя! Неполиткорректно! Однажды в баре красивая девчонка стала мне строить глазки, я был не прочь, так спасибо — бармен оказался русский, предупредил, что у девки такой бизнес — обвинять мужиков в сексуальных домогательствах. А уж когда, чтобы, не дай бог, не обидеть голубых, решили обидеть всю мировую историю, вплоть до Библии, и искоренить слова «мать» и «отец»... А Бог-отец — это что, родитель под каким номером? Короче, достало это все меня, и я перебрался в Европу. Тут все это пока помягче... Хотя тоже дерьма хватает. Алиска и Клавдия Макаровна, это наша няня, обрадовались переезду. Ну и вот...

Ариадна вдруг протянула руку и сняла с него очки. Его взгляд, когда-то пронзительно победительный, был теперь просто очень близоруким и даже отчасти беспомощным.

Он растерянно улыбнулся. Улыбка была неотразимая. Но уже не победительная, как некогда. У Ариадны сжалось сердце.

— Только не вздумай меня жалеть! — сказал он и отнял у нее очки.

— И не собираюсь. Ты молодец, настоящий мужик. А на Корфу ты что делаешь?

— А я тут купил два дома, переделываю, и у меня уже есть покупатели. Кстати, из России. И еще дом для себя.

— А ты был в России?

— Нет. И что меня вдруг на откровенность потянуло... — смущенно улыбнулся он. — Совсем не мой стиль. Это меня твоя красота прошибла. Помнишь, как мы познакомились?

— Еще бы! Я по перилам съехала прямо в твои объятия и сразу потеряла голову! Много ли шестнадцатилетней дуре надо? К тому же я была твоей фанаткой... И вдруг такое счастье, сам Кондрат меня поймал!

— А я был тогда изрядной скотиной.

— Не стану спорить. Но я любила тебя без памяти. И ничего не понимала. Молодая была.

— А почему ты стала именно художником по костюмам?

— А я, еще когда работала костюмером в вашей группе, все думала, как безобразно эти ребята одеваются... Как безвкусно...

— Чего ж молчала?

— Я не молчала! Я один раз сказала тебе, что твой красный с блестками костюм — верх безвкусицы, а ты слушать ничего не желал...

— Сейчас я, пожалуй, соглашусь, но тогда... А еще я знаю, ты была замужем чуть ли не за олигархом.

— Была. И он действительно был олигархом.

— Ну он, понятное дело, польстился на твою красоту. Вот смотрю и глаз оторвать не могу... Но я не о том. А ты-то на что польстилась? Неужто на бабки? Не похоже на тебя!

— Да, его бабки интересовали меня меньше всего. Но мне было плохо, одиноко, а он так красиво ухаживал, помогал, заботился, к тому же он был вполне интересным мужчиной. И поначалу мне показалось, что я в раю... Но вскоре он стал дико ревновать и даже поднимать на меня руку. Я не стерпела. Ушла. И не стала с ним судиться, чего-то требовать. А он тогда баллотировался в Думу, боялся скандала и подарил мне отличную трехкомнатную квартиру. Так и расстались.

— А в Думу-то он прошел?

— Нет, — засмеялась Ариадна.

— И не попытался отнять квартиру?

— Нет. Да для него эта квартира — семечки.

— И ты живешь там одна?

— Одна.

— А этот щенок?

— Он не щенок! Он военный корреспондент, прекрасный журналист...

— Извини! Так он с тобой не живет?

— Нет. Я живу одна.

Тут наконец-то к ним подошел официант принять заказ.

— Ты не против, если я тоже тут с тобой поем?

— Нет, не против. Я очень рада тебя видеть, Юра.

— И я! Очень! А знаешь что, приходи завтра к нам с Алиской в гости?

Она будет счастлива.

— Что ж, я с удовольствием, чудесная у тебя дочка. Она рассказывала мне, как ты читал ей русскую классику. Просто удивительно...

— Знаешь, я сам в детстве обожал «Конька-Горбунка», «Руслана и Людмилу», и мне было жалко, что моя дочка не будет знать этой прелести...

— Скажи, а почему, когда группа развалилась, ты не вернулся в Москву? Многие ведь вернулись и сделали в России большую карьеру.

— Они вернулись на несколько лет раньше и практически заняли все ниши... Но, может, я и сглупил... Может, вернулся бы вовремя, не потерял голос. Ты любила мой голос, правда?

— Я тебя любила.

— Ты была ребенком. А я взрослым эгоистом.

— Это, Юра, дела давно минувших дней. Скажи, а ты пробовал лечить голос?

— Пробовал, но все зря. Говорили, что это нервное, что никаких физических изъянов нет, что он может вернуться. Да, и еще... Не надо говорить Алисе, что я был музыкантом. Она ничего об этом не знает.

— Господи, почему? Разве это зазорно?

— Не хочу, чтобы она копалась в моем прошлом. Не надо ей этого. Там много плохого было. Для нее я строитель, бизнесмен.

— А нянька, она знает?

— Нет. Она чудовищно далека от рок-музыки, — улыбнулся он. — Она просто очень хороший человек. Это главное.

— Знаешь, Юра, я, пожалуй, не приду к тебе в гости.

— Но почему?

— Ни к чему это. Слишком много тайн. Мне пришлось бы все время быть настороже, а это утомляет. Не хочу!

— Ну, может, ты и права. А Расскажи мне о себе. Подробнее.

— Зачем тебе?

— А тебе зачем? Ты все обо мне выпросила.

— Но я же любила тебя, а ты — нет.

— Дурочка, если б я тебя не любил, ни за что бы на тебе не женился. Ты же помнишь, чего нам стоило оформить брак. Тебе же всего шестнадцать было. И я абсолютно не знал, что будет в Штатах, боялся за тебя...

— Юра, не надо врать. Не за меня ты боялся, ты просто думал, что я тебе там помешаю. Ты ж не просто уехал, ты со мной развелся.

— Но я же тебе тогда объяснил...

— А я была молодая, глупая, любила тебя без памяти и... ничего не поняла. Только то, что ты хочешь от меня избавиться.

Он снял очки, потер глаза. Ариадне показалось, что они полны слез. Но он снова надел очки.

— Знаешь, Юра, ты сейчас лучше, чем в молодости, красивее.

— Скажешь тоже!

— Нет, правда, ты сейчас какой-то... настоящий, без этой рокерской чепухи... И, слава богу, без татуировок. Или где-то все же есть?

— Хочешь проверить?

— О нет! Просто терпеть не могу татуированных мужиков, даже молодых. Они у меня вызывают брезгливость.

— А твой... парнишка не татуированный?

— Нет. Иначе он не стал бы «моим парнишкой».

Подошел официант убрать тарелки. Спросил, хотят ли гости десерт.

— Я выпью фредочино! — сказала Ариадна.

— А, любимый напиток Алисы, — улыбнулся он. — А я эспрессо. Аришка, я впервые за долгие годы встретил кого-то из прежней жизни. И оказалось, что это ты. Мой грех, моя боль. Но зато теперь я смогу спать спокойно. Ты жива-здоровая, ты в порядке, у тебя имя в твоём мире... Я очень, очень рад.

Им принесли десерт. Ариадне — высокий запотевший стакан с фредочино — холодной смесью кофе, шоколада и льда.

— Ой, как вкусно! Почему-то мне нигде раньше такая вкуснятина не попадалась, только на Корфу!

— Тебе тут нравится?

— Я в восторге!

— У тебя необыкновенно красивые руки. Как-то я раньше этого не замечал... Или забыл...

— Юра, а почему ты больше не женился? Из-за Алисы?

— В первую очередь из-за Алисы. И потом, я вообще не хотел без любви. Нет, я отнюдь не был монахом, но... А ты почему спросила?

Она посмотрела на него с легкой усмешкой.

— Ну уж точно не для того, чтобы предложить свою кандидатуру.

— Верю, — как-то очень грустно кивнул он. — Ты долго здесь пробудешь?

— А что?

— Хотел предложить тебе поехать с нами на Метеоры. Там фантастически красиво...

— Нет, благодарю, я безумно боюсь горных дорог. И туда ведь надо

плыть на кораблике, а меня жутко укачивает!

— Значит, ты существуешь на равнине, да?

— Да, Юра, я предпочитаю существовать на равнине. Хватит с меня качки и серпантинов. И вообще, мне пора, меня уж заждались там.

— Ты на машине?

— На такси. Я не вожу машину.

— Почему?

— Зачем мне?

— Как зачем?

— Я обычно бываю в местах, где можно взять такси. И даже если я все время буду разъезжать на такси, мне это все равно выйдет дешевле, чем покупать и содержать машину, думать о ней... Нет, это не для меня. Тем более что в Москве на метро быстрее.

— Тогда я тебя отвезу, я тоже сейчас домой. Позволь только выпить еще чашку кофе?

— Ради бога!

— Ты вот сказала, что едешь на метро...

— Да. И что тут такого?

— Ну как с такой красотой и в метро? Мужики на тебя не кидаются?

— Да нет. Бывает, иногда какой-нибудь пьянчужка пристанет...

— А в вашей театральной среде не кидаются?

— В нашей среде бывает. Но я, Юрочка, к твоему сведению, хорошо владею карате и к тому же кандидат в мастера спорта по боксу.

— Правда? С ума сойти! — рассмеялся он.

Господи, какой же он красивый, когда смеется. Аж глазам больно. И сердцу. Нет, надо уносить ноги!

Он выпил вторую чашку кофе. Расплатился.

— Все, можем идти! Машина у меня тут недалеко. Аришка, дай мне свой телефон и запиши мой. Может, пойдем с нами на яхте, а? На яхте тебя вряд ли укачает, а если что, сразу вернемся.

— Я не знаю пока. Я ведь здесь не просто отдыхаю. И мы с Микисом собирались завтра работать.

— А он кто, этот Микис?

— Известный оперный режиссер, очень талантливый и милый человек. Я подружилась с его женой, она русская. Ему нравятся мои работы. Мы в Нижнем сделали «Руслана и Людмилу», хороший спектакль получился. А сейчас он собирается ставить «Севильского» в Новосибирске.

— Он работает только в России?

— Ну что ты! В прошлом году ставил в Ковент-Гардене и в Мадриде.

— Это что, такие новаторские спектакли? Я в прошлом году повел Алиску на «Дон Карлоса» в Вене. Это был сущий кошмар!

— Нет-нет, он потому и работает в России, что у нас еще не обязательно, чтобы Фигаро трахал Розину в темном уголке. Хотя такие тенденции тоже есть.

— А ты только оперные спектакли делаешь?

— Нет. И балетные, и драматические.

— И за это пристойно платят?

— Когда как. Но жить можно. Юр, ты допил кофе? Может, поедем уже?

— Да-да, прости, просто глаз от тебя оторвать не могу. Идем! Ох, а что это ты тут накупила?

— Да разные подарки... Тапочки святого Спиридона в основном.

— Как-то сложно представить себе тебя в таких тапочках, — засмеялся он.

— Почему? Они уютные, мягкие...

— Знаешь, я иногда, не скажу что часто, думал, а какой стала моя Аришка? Но даже отдаленно не мог предположить... Девчонки часто бывают очень хороши, а с годами большинство теряет свою прелесть... А ты... Только с ума сойти!

— Не надо, Юра!

— А ты представляла себе, каким я стал?

— Да нет...

— Врешь! Небось думала, что я спился или подсел на дурь...

— Признаюсь, думала. А не так давно даже поколотила одного твоего фаната...

— Как поколотила? — фыркнул он.

— Это мой сосед, знаменитый артист. Он сказал мне, что видел тебя на пляже в Испании и даже снял на видео, показал мне эту запись. Это был мужик, немного на тебя похожий, но не ты. И я его побила... Правда, я была пьяная...

— А что, в Москве еще есть мои фанаты? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Есть. И немало.

— С ума сойти!

И он надолго замолчал. Она тоже молчала. Он подвез ее к дому Микиса.

— Я позвоню?

— Звони. Спасибо, Юра.

— Кто это тебя привез? — первым делом спросила Маша. — Это не такси!

— Кондрат. Я с ним встретила случайно, мы вместе обедали.

— Я тут на пляже видела Алису, тебя искала. Микис! Ада приехала! Он тут уже тебя заждался, у него какие-то новые идеи!

Кондрат был в смятении. Воспоминания нахлынули, никак не удавалось отделаться от них. Как его ненавидела теща! Еще бы! Как кричала на него:

— Вы вообще преступник, совратитель малолетних! Я в два счета могла бы вас посадить, да дочку свою жалко! Дуреха, связалась с таким...

— Да я люблю вашу дочь! Я женился на ней!

— Ах, счастье какое! Женился он... А что вы ее со школы сорвали, по гастролям она мотается... Черт знает в каких условиях... Убить вас мало!

— Школу она закончит, это я вам обещаю! Она каждую свободную минуту занимается!

— А они у нее есть, эти свободные минуты?

— Поверьте, есть. И она сдаст экзамен экстерном!

И она сдала! Думал, теща немного успокоится, когда увидит аттестат, но та только пуще разоралась.

— Связался черт с младенцем! Лишил ее всего!

— Чего я ее лишил? — недоумевал Кондрат, недоумевал совершенно искренне.

— Всех радостей нормальной девушки. Выпускного бала, нормальной свадьбы...

— Мама, — кричала Ариадна в отчаянии, — не нужны мне эти радости нормальные! Не хочу! Я люблю Кондрата, больше всего на свете люблю!

— Дура ты! Бросит тебя твой Кондрат через годик-другой, поглядим, что ты запоешь!

— Нет, нет! Никогда и ни за что он меня не бросит! — рыдала Аришка.

А он бросил!

И сейчас он вдруг поставил себя на место матери. Что, если через какие-нибудь четыре года явится такой тип, каким я был когда-то, и заявит, что Алиска уходит с ним. Я же его просто убью! Задушу своими руками! Я знаю, что Аришка до моего отъезда скрывала от матери, что мы развелись. Бедная девочка! Каким же скотом я был! И еще настоял на аборте...

Непостижимо! И чего ради? Ради, как нам, идиотам, казалось, мировой карьеры. Ха! Кому мы в этой Америке нужны! Уж какой успех был вначале у «Парка Горького», а они, кажется, все вернулись в Россию. И все сделали карьеру! И Коля Носков, и Саша Маршал, и Леша Белов... Вот уж воистину, где родился, там и пригодился. По крайней мере, для артистов это верно на сто процентов. Мозги-то ученые им очень даже нужны, а горлодеры... Своих хватает... И никто меня не убедит, что есть женщины красивее русских... Такой красавицы, как Аришка, я нигде не встречал. И ведь она вся настоящая, натуральная... Как представлю ее себе в постели с этим щенком... Она не позволяет называть его щенком, неужели любит? У парня губа не дура! Она сказала, что я теперь стал лучше... «Без этой рокерской чепухи». Надо же... Но мне пятьдесят, а парнишке лет тридцать. Двадцать лет разницы, это не жук начихал.

— Пап, ты чего? У тебя неприятности?

— Да что ты, все в порядке, просто устал сегодня. Ну, а ты чем занималась?

— Рисовала, ходила на пляж, думала, встречу Ариадну, но она уехала в город, шубку примерять.

— А я видел ее в городе. Мы с ней даже обедали. Она сидела в кафе, а я ее увидел и подошел. Кстати, она пила фредочино! Это не ты ее надоумила?

— Нет. Папа, она... Ты правда раньше ее не знал?

Он не ответил.

— Папа!

— Знал, дочка, знал.

— Значит... это ты...

— Что я?

— Ты был ее мужем и бросил ее?

— Да. Все так. Был мужем. И бросил, потому что думал, что она может помешать...

— Чему, папа?

Алиса смотрела на него строго и требовательно.

— Знаешь, дочь, ты уже достаточно взрослая и умная, чтобы...

— Чтобы что?

— Чтобы узнать всю правду о своем отце.

— Папочка, ты... ты преступник?

Он с облегчением рассмеялся.

— Нет. Я не преступник. Я не хотел, чтобы ты знала... Но сейчас понимаю, что это было глупо. И встреча с Ариадной только первая

ласточка... За ней могут последовать другие встречи с прошлым.

— Папа, пожалуйста, скажи мне... Что там такое в твоём прошлом и при чем здесь Ариадна?

— Видишь ли... Я хоть и окончил в свое время Московский строительный институт, но по специальности практически не работал, я был... известным в России рок-музыкантом.

— Рок-музыкантом? Ты?

— Я. И никакой я не Майкл Конрад, а Юрий Евгеньевич Кондратович, сценическое имя Кондрат.

— Папа, но зачем?

— Если тебе интересно, слушай!

И он рассказал дочери почти все, умолчав, разумеется, о своих мужских похождениях.

Девочка слушала очень серьезно и, как показалось отцу, с сочувствием.

— А мама?

— Что мама?

— Ты любил маму?

— Любил. Твоя мама была чудесной женщиной, настоящим другом, и ее смерть стала последним ударом. Я решил поменять все.

— А почему Майкл? Конрад — понятно. Кондрат. А Майкл почему? В честь Майкла Джексона?

— Нет, что ты! У меня был младший брат, Михаил, Мишка, он погиб, утонул, когда ему было пятнадцать. Я его очень любил...

— Знаешь, папа, это все ужасно глупо! — вынесла вердикт Алиса.

— Что глупо?

— Вся эта история. Ты же умный, папочка, неужели ты думал, что в наш век информации можно просто исчезнуть, а?

— Думал.

— Но тогда надо было делать пластическую операцию.

— Я думал об этом.

— Но испугался, что будешь не таким красивым?

— А я, по-твоему, красивый?

— Самый красивый!

— Нет, я об этом не думал, просто... побоялся операции. Решил, что эти два мира — рок-музыка и строительный бизнес — не пересекаются. И если бы не Ариадна... Ведь столько лет ни разу ни с кем нигде не пересекался.

— А Интернет?

— В Интернете есть только сведения о Кондрате, который перебрался в Америку. А дальше — ничего!

— И что теперь будет?

— Ничего. Все будет как раньше. Просто ты теперь знаешь о своем отце все. А жить будем по-прежнему.

— Пап, а если бы к тебе вернулся голос?

— Ну это вряд ли, столько лет прошло.

— А если бы вдруг случилось чудо?

— Да поздно уже... В пятьдесят не начинают певческую карьеру.

Смешно.

— А ты хорошо пел, папа?

— Откуда я знаю?

— А у тебя не сохранились записи?

— Нет. Я все уничтожил.

— Жалко. Я бы хотела послушать... Может, в Интернете что-то найдется.

— Пожалуйста, не нужно ничего искать. Я не хочу. Пожалуйста!

— Хорошо, папа. Скажи, а Ариадна?

— Что Ариадна?

— Ты теперь опять на ней женишься?

— Что за бред? С какого перепугу? У нас все в прошлом. У нее молодой... друг... И своя жизнь. А у нас своя. Я попросил у нее прощения за прошлое.

— Она простила?

— Сказала, что простила уже давно. И ты меня прости за такую ложь во спасение.

— Папа, а в твоём прошлом было много плохого?

— Было. Много. Но я не преступник. Поверь мне.

— Да я понимаю. И прощаю. Но мне жалко тебя, папочка!

— Вот жалеть меня не нужно! У меня все хорошо. У меня есть чудесная дочка, умная, красивая, у меня есть мое дело, которое я делаю с удовольствием, оно приносит мне средства, чтобы жить так, как я считаю правильным. И я наконец получил отпущение главного моего греха... Чего еще можно желать? — улыбнулся он дочери. Правда, улыбка вышла грустная.

Алиса обняла отца, поцеловала, потерлась носом о его подбородок.

— Ты молодец, папочка, что все рассказал мне! Я ужасно тебя люблю, и никто нам больше не нужен, да?

— Да!

...А Ариадне некогда было предаваться воспоминаниям. Микис родил, на взгляд Ариадны и Маши, совершенно безумную идею.

— Я хочу, чтобы мои артисты передвигались по сцене на пружинах...

— На каких пружинах?

— Я вот читал и видел в кино, что в России после революции были такие бандиты на пружинах, как их...

— Попрыгунчики? — догадалась Ариадна.

— Да-да!

— Ты сошел с ума! — вскричала Маша. — Никто не согласится! И зачем этот бред?

— Как ты не понимаешь, это же будет музыкальная шкатулка, и я хочу, чтобы они двигались, как фигурки в старинной шкатулке. Ада сделает такие костюмы, чтоб была полная иллюзия такой шкатулки. Как ты думаешь, Ада?

— Микис, извини, но петь большой спектакль на пружинах попросту опасно, артисты могут ноги переломать, и к тому же им будет уже не до пения, лишь бы шею не свернуть!

— Вы серьезно так думаете?

— Конечно! — разом ответили женщины.

— Как жалко! — страшно расстроился Микис.

— Ничего, переживешь! Сколько у тебя бывает завиральных идей, ничего, благополучно отказываешься от них. Нельзя так издеваться над певцами. Они и голос потерять могут...

— Я знаю, что делать! — воскликнула Ариадна. — Певцов так мучить нельзя.

— А кого можно? — насторожился Микис.

— Что, если во время увертюры открыть шкатулку, а там цирковые артисты на пружинах изобразят пантомиму в костюмах героев... И это же всего несколько минут... а эффект будет полным!

Микис уставился на нее, словно осмысляя услышанное, и вдруг упал перед ней на колени.

— Богиня! Чудо! Ты гений! Это будет... это будет...

— Это будет класс! — воскликнула Маша. — Такой пролог... Все с ума сойдут! Ну, Адка, у тебя и голова!

— Маша, я торжественно клянусь дальше работать только с этой женщиной!

— погоди, Микис! Придется ведь делать для цирковых немного другие костюмы.

— Как? Почему?

Ариадна схватила альбом и начала лихорадочно что-то рисовать.

— Вот, посмотри, все костюмы должны быть короче, так, чтобы видны были ноги, иначе это опасно. А следовательно, на женских юбках будут вот такие подборы, а у мужчин полосатые чулки, тогда получится очень стильно и похоже на фигурки из шкатулки, а для певцов...

— И для певцов это тоже сгодится! Это будет очень забавно, у всех мужчин одинаковые полосатые чулки!

— Кроме Фигаро! Ему полосатые чулки не подойдут. И вообще они будут уместны только у Базилио. А у Бартоло возникнет диссонанс с розовым камзолом...

— Ох, а мне так понравилась идея с полосатыми чулками у всех... Адочка, подумай, может, можно как-то что-то изменить, а?

— Микис, когда ты начинаешь фонтанировать идеями, это настоящий кошмар!

— А, собственно, почему нельзя к розовому камзолу надеть полосатые чулки? И Фигаро тоже будет в полосатых чулках! И Розина, словом, все! Адочка, пожалуйста, подумай над этим!

— Она подумает над этим завтра с утра, если к утру ты не передумаешь! Чего зря голову ломать!

— Скажи, Микис, а чулки должны быть у всех одинаковые по цвету? — спросила Ариадна.

— Думаю, да! Это такая условность... Вроде пружинок...

— А какой цвет тебе подойдет?

— Может, черно-желтые?

— Это будут какие-то пчелы!

— Тогда сине-желтые!

— Жовто-блакитные? Нас могут неправильно понять, — фыркнула Маша.

— А если розовые с зеленым? — предложила Ариадна. — Фигаро будет в зеленом, Бартоло в розовом...

Микис задумался.

— А что... Это может получиться интересно... Попробуй, Адочка!

— Я подумаю!

— Тогда я тоже пошел думать!

И Микис удалился.

— Адка, ты и вправду думаешь, что это не очередная бредовая идея?

— Пока не знаю, но сдается мне, это может быть интересно!

— Слушай, подруга, ты чаю выпить не хочешь?

— Чаю? Это хорошая мысль! — засмеялась Ариадна. — А с чем?

— С вареньем из кумквата!

— Хочу! А Микис?

— Ты еще не поняла? Этот грек пьет только кофе. А мы с тобой порусски чайку... Пошли на кухню.

Маша долго колдовала над чаем.

— Вот, теперь то, что надо!

— А варенье какое вкусное!

— Надо думать, сама варила! Слушай, ты же мне ничего не рассказала про Кондрата!

— Знаешь, если бы не работа с Микисом, я бы сбежала. Завтра же!

— Сбежала? От него?

— Скорее от себя... Я не могу спокойно на него смотреть. Он сейчас в миллион раз лучше, чем в молодости. Ему так идет седина... и взгляд совсем другой, чуть беспомощный, близорукий...

— Ой, Адка, а как же Данила? Такой парень... И так тебя любит...

— Да все я понимаю! Потому и подумала о бегстве...

— А Кондрат... Он делал какие-то заходы?

— Он пригласил меня в гости, но я отказалась.

— Почему?

— Он, Машка, придумал себе другое имя, другую биографию... А дочка ничего этого не знает. А я боялась, что могу проболтаться...

— Зачем он это придумал?

— Говорит, хотел поставить крест на прошлой жизни, потерял голос... Его предали... Жена умерла родами... Решил начать новую жизнь. Маш, только это между нами. Он просил никому не рассказывать, что он жив.

— Хрень какая-то!

— Согласна, хрень! Он говорит, что ему хорошо в этой новой жизни. И если бы не встреча со мной... Кстати, он просил у меня прощения, сказал, что я его боль и самый большой грех...

— Ты ему этот грех отпустила?

— Отпустила. Знаешь, он так на меня смотрел...

— Еще бы! Даже я смотрю на тебя и не понимаю, как можно быть такой красивой... И как с этим жить.

— Главное, не помнить каждую минуту своей жизни, что я красива. Тогда нормально! — засмеялась Ариадна.

— Адка, а чего мы тут сидим, такой вечер, пошли на террасу! Берем чай и идем на воздух!

— Пошли!

Они перебрались на террасу.

— Хорошо, правда?
— Да, чудесно! Я просто влюбилась в Корфу!
И вдруг с улицы донесся тихий свист.
— Свистит, свистит, зараза, под окошком! — вспомнила Маша песенку Тимура Шаова. — Да как интеллигентно! «Сердце красавицы»!
— Господи! — ахнула Ариадна. — Это Кондрат. Он всегда насвистывал «Сердце красавицы»!
— Это он тебя высвистывает! Пойдешь?
— Да ни за что!
— А как романтично, Адка! Я бы пошла...
— А я нет. Нельзя! Все полетит в тартарары.
— Что полетит в тартарары?
— Ты же так радела за Данилу еще полчаса назад!
— Да, правда, Данилу жалко.
Свист продолжался.
— Ох, это пытка, — простонала Ариадна, уже готовая бежать к нему.
— Хочешь, я выйду и скажу, что ты спишь?
— Не стоит.
— Почему?
— Потому что ты помотришь на него, он улыбнется своей невероятной улыбкой, и ты приведешь его сюда пить чай с вареньем.
— А может, следует именно так и сделать? Мы позовем Микиса, и в нашем присутствии тебе ничего не грозит.
— Нет, Машечка, не надо! Я боюсь!
— Да что за ерунда! В конце концов, я тоже хочу поглядеть на твоего Кондрата. Ой, кажется, ушел...
Они прислушались. Свист смолк.
— Пойду, гляну! — вызвалась Маша. Она подошла к калитке, выглянула. И тут же вернулась.
— Ушел! Бедный...
— Погоди, кто бедный?
— Кондрат твой...
— А Данила? — спросила Ариадна. Ей вдруг стало весело.
— Данила молодой, еще сто раз утешится, а этот... Он так настрадался...
— Вот за что мужики со всего света так любят русских баб! Она его еще не видала, а уже жалеет... По-моему, только в России есть эта практика — переписка с незнакомыми зэками...
— Адка, ты сдурела? При чем здесь переписка с зэками?

— А это все из одной оперы.

— Да ну тебя... Он же, наверное, хочет тебя вернуть?

— Вернуть? Да ничего подобного. Он переспать со мной хочет.

— А ты?

— И я хочу!

— Зачем? Тебе Данилы мало?

— Данила тут вообще ни с какого боку. Он чудесный парень, я к нему очень привязана, но такой вибрации, как с Кондратом, у меня нет...

— Вибрация, говоришь? Так чего ж на свист не побежала?

— А я гордая!

— Ты дура! Ой, Адка, чего у тебя глаза так сверкают? Аж смотреть больно!

— Машка, я вдруг поняла... Я люблю его! И всегда только его любила... У меня вот сию минуту глаза открылись! Только его и никого больше!

— Но у тебя, как мне известно из разных источников, мужиков много было...

— Ну и что? Это не в счет! Они лезут, я живая, а он пропал... Я думала, умер. А он живой! И свистит тут под окошком!

Она вскочила и закружилась по террасе.

— Адка, ненормальная! — хохотала Маша. — Ты чего?

— А меня вдруг торкнуло — я его люблю, я его хочу! Позовет — на край света босиком побегу!

— А если не позовет?

— Но вот звал же... Высвистывал!

— Сама же сказала — переспать с тобой хочет! Возьми себя в руки, ты как пьяная!

— Ну и что? А с тобой разве такого никогда не было?

— Было, еще как было! Помню, когда Микис мне в любви объяснился, я тоже с катушек слетела... А я тогда замужем была, вроде честная добропорядочная женщина, а тут почва из-под ног ушла... И я ночью, на кухне, сама с собой в пляс пустилась! Так счастлива была, так его любила... Меня сестра моя все пыталась образумить... А я и сейчас так его люблю, что хоть в пляс пускайся!

— А давай!

— Давай!

Маша вскочила, сбросила тапки и тоже пустилась в пляс. Как они хохотали, как им было хорошо сейчас!

— Это что тут у вас? Вальпургиева ночь? — раздался веселый голос

Микиса.

— Это он нас ведьмами обозвал, Адка?

— А фиг ли нам, красивым бабам!

— Не бабам, а дамам! — поправил Микис.

— Микис, я тебя обожаю! — Ариадна подскочила к нему, чмокнула в подбородок. — Ты прав! Фиг ли нам, красивым дамам! И вообще, это не Вальпургиева ночь, а половецкие пляски.

— По какому случаю пляшем?

— Просто радуемся жизни! А нельзя?

— Можно! Более того, нужно!

Интересно, она услышала мой свист? Помнит, что это мой любимый мотив? А может, и не слышала? Может, спала или смотрела телевизор? За живой изгородью ничего не разглядишь... И что за дурацкая идея — свистеть под окошком? В пятьдесят-то лет? Мы сегодня так хорошо поговорили... Она сидела напротив меня за столиком, а потом рядом в машине, такая близкая, родная... и такая желанная... Но Алиса вчера сказала — нам никто не нужен! Испугалась, что придется меня делить с чужой женщиной. А ведь поначалу она была в восторге от Аришки. Поди пойми этих женщин, Алиска ведь уже маленькая женщина, маленькая ревнивая женщина. Нельзя заставлять ее страдать. А Аришку можно? Но она и не думает снова страдать из-за меня. Нет, я должен еще раз поговорить с ней, я приглашу ее вечером в город, посидим где-нибудь, может быть, потанцуем, я обниму ее и многое пойму. Я, как это ни глупо, кажется, заново в нее влюбился. Но не сегодня, надо быть честным с самим собой... А в тот момент, когда этот щенок первым выловил ее из воды и начал осыпать поцелуями, я испытал такую острую боль... И уже не переставая думал о ней, мучился несказанно, представляя себе ее в объятиях этого молодого парня. В самый раз сейчас пойти и напиться вдрызг. Но я никогда не напивался, если Алиса была рядом. Девочка не должна презирать своего папу. И я правильно сделал, что во всем ей признался. По-моему, она вполне прониклась этой подлинной историей, хотя наверняка многого еще не поняла. Господи, только бы ей было хорошо, только бы ей на пути не встретился такой вот Кондрат...

Ариадна почти не спала, слишком перевозбудилась с вечера. Мысли о Кондрате мешались с мыслями о безумной идее Микиса, хотя чем больше она об этом думала, тем интереснее представлялась ей собственная задача.

В результате к утру голова у нее раскалывалась. Она глянула на часы.

Восемь. Можно было бы еще поспать, но сна ни в одном глазу. Она почувствовала себя разбитой, от вчерашнего веселья не осталось и следа. Вот дура, сказала она себе. Хочу второй раз наступить на те же грабли? Но в девятнадцать лет справиться с разочарованием и горем легче, чем в почти сорок... А пойду-ка я искупаюсь. От прохладной воды мозги встанут на место, вернется бодрость, я смогу работать, работа, тем более такая интересная, спасает от всяких дурацких мыслей.

На пляже не было ни души. Только на двух лежаках валялись полотенца. Но купающихся не было видно. Она вошла в воду. Ах, хорошо! То, что нужно. Она окунулась и поплыла. Я здесь стала лучше плавать, не так устаю... Она плыла не спеша, наслаждаясь прелестным видом розовеющей в утреннем солнце горы и островка, выступающего из голубоватой туманной дымки. Надо же, доплыла до буйков и не заметила! Видимо, Ионическое море благосклонно ко мне! Она повисла на ярко-желтом буйке и, закрыв глаза, подставила лицо первым лучам осеннего греческого солнышка. Как хорошо, никаких мыслей... Покой... И вдруг она услышала, что кто-то плывет. Открыла глаза. Какой-то пловец стремительно двигался вдоль линии буйков, но достаточно далеко. Надо же, как красиво плывет, наверное, какой-нибудь чемпион по плаванию... А ведь мы с Кондратом никогда не были на море... Черт, опять Кон драт... А пловец исчез. Куда он мог подеваться? И вдруг что-то коснулось ее под водой. Она вскрикнула. И тут из воды показалась голова...

— Кондрат!

— Аришка! Испугалась?

— Сумасшедший, я чуть со страху не умерла. Думала, акула... Фу, разве так можно?

— Ну прости! И с добрым утром!

— Привет!

Он был без очков. И опять этот близорукий взгляд... А в нем такая нежность!

— Аришка, а ведь мы с тобой никогда не были на море... И я даже не знаю, умеешь ли ты плавать. Но судя по тому, что доплыла до буйков, умеешь. Ты слышала вчера?

— Что?

— Как я свистел возле вашего дома?

— Нет. Не слышала. А зачем ты свистел?

— А вот за этим...

Он вдруг схватил ее в объятия, сжал и поцеловал в губы.

Она хотела возмутиться, оттолкнуть его, но вместо этого обвила

руками его шею и отпустила буюк, но он крепко держал ее.

— Аришка, любимая... Я опять схожу по тебе с ума.

— Юрочка... Не надо...

— Надо! Надо! Сама судьба за нас... И знаешь, я вчера все рассказал Алисе.

— Что все?

— Все! Про себя и про нас с тобой... Ох, я же никогда не трогал тебя в воде... так приятно...

— Юрка, мы утонем! Пусти! Ой, сюда плывут!

Он оглянулся. Действительно, в воде уже появились купающиеся. Какая-то женщина плыла, казалось, прямо на них.

— Юра, скажи, а почему Алиса не в школе?

— Что? Прости, у меня голова кругом идет... От твоей близости, от этой шелковой кожи я с ума схожу... Ты вечером свободна?

— А что?

— Давай поедem вдвоем в город. Потанцуем, может быть... Ты когда-то чудесно танцевала...

— Ох, я и забыла, когда танцевала... Хотя нет, вчера... — засмеялась она.

— Вчера? С кем?

— С Машкой.

— Шерочка с машерочкой?

— Ага!

Он смотрел на нее совершенно безумными от страсти глазами, и вдруг вчерашнее веселье вскипело в ее крови. Она прижалась к нему и шепнула на ухо:

— Юрка, а как ты в таком виде из воды вылезешь, а?

Он чуть не захлебнулся от смеха.

— Думаю, это будет впечатляющее зрелище. Но ты же знаешь, мне всегда было наплевать на общественное мнение!

— А мне нет! И я, так и быть, принесу тебе полотенце!

— Спасибо за помощь, но это не радикально!

— Перетопчешься!

— Нет! Я сейчас подгоню машину...

— И что?

— Увидишь! Одна доплывешь до берега?

— А ты куда?

— За машиной! Пока дотелепаешься, я уже буду здесь!

— А полотенце?

— Не буди во мне зверя! И плевать я на всех хотел!

И он на бешеной скорости поплыл к берегу. Минута-другая, и он скрылся из глаз.

Боже мой... Я опять попала в его власть. Он умел вить из меня веревки... Вот и сейчас... Я же поеду с ним хоть на край света. Захочет взять меня на виду у всех, не смогу сопротивляться. Он трогал меня в воде, это было необыкновенно приятно, но я ведь помню нестерпимый сухой жар его тела...

Она взяла с лежака свое полотенце. И тут он возник, в шортах и полосатой майке.

— Идем!

— погоди, я хоть мокрый купальник сниму!

— Я сам!

— Юра! Тут же люди!

— Плевать!

Он накинул на нее сарафан, спустил с плеч бретельки купальника и ловко стянул его вниз.

— Ты ненормальный, тут же люди!

— Ну и что? Сухих трусишек нету?

— Нет, мне же рядом...

Он схватил ее за руку и потащил за собой. Невдалеке стояла его машина.

— Садись скорее.

— Юр, ты спятил, тут люди... — все твердила она.

— Думаешь, накинусь на тебя в машине? Нет. Хотя больших удобств не обещаю.

Он завел мотор.

— Нет! Пересядь назад, — потребовал он.

Она подчинилась. Ее трясло. Они ехали минут десять.

— Приехали. Вылезай! — хрипло проговорил он.

— Куда ты меня привез?

— Туда, где мы будем одни!

Это был довольно большой недостроенный дом. Кондрат вытащил из багажника какой-то сверток в брезентовом чехле.

— Это что?

— Брачное ложе!

Он ввел ее в гулкое большое помещение.

— Юра, это что, твой объект?

Он не ответил, лихорадочно дергая молнию на чехле.

— Черт, руки дрожат... Аришка, помоги!

— У меня тоже дрожат. Но я попробую...

Ей молния поддавалась, и они вытащили оттуда... надувной матрас. Он нажал на какой-то клапан, и матрас мгновенно расправился и увеличился вдвое.

— Ну вот! — Вдруг отчего-то смутился он.

А она просто скинула с себя сарафан.

...— Ты нормальная? — набросилась на нее Маша. — Куда ты с утра девалась? Я в полдевятого встала, тебя уже след простыл. Ой, мамочки! Суду все ясно! — Она схватилась за телефон. — Микис, нашлась!

— Микис пошел меня искать?

— Да! Он жутко испугался, думал, ты утонула. Ты с Кондратом трахалась?

— Ага! Ох, Машка...

— Где он тебя отловил?

— В море! И повез в какой-то совершенно пустой недостроенный дом...

— Романтично, но негигиенично!

— Машка! — фыркнула Ариадна.

— Да привела бы его сюда. Большое дело. Мы бы поняли!

— Нет, мне там понравилось... Он взял надувной матрас...

Тут вбежал Микис.

— Мне сказали на пляже, что тебя увез какой-то старик...

Ариадна начала хохотать как сумасшедшая.

— Адка, ты небось умираешь с голоду?

— Да, Машечка, умираю!

— Беги в душ и приходи, накормлю!

— Машка, ты золото! Микис, прости!

— Прощаю! — засмеялся он. — Кому-то очень повезло! Но жалко Данилу!

— Микис, это не твое дело! — одернула его жена.

Когда после душа Ариадна с мокрыми волосами, в шортах и маечке вышла на кухню, Микис посмотрел на нее испытующе.

— Ууу! Это что, Ада, большая русская любовь?

— Да, именно, большая русская... — отозвалась Маша.

— Почему русская? — засмеялась Ариадна.

— Потому что дурь! Он ее черт знает как цинично бросил двадцать лет назад, а теперь возник, и здрасьте, приехали! А что теперь будет?

— Откуда я знаю?

— Ладно, я пошел работать, не люблю эти разговоры! — заявил Микис.

— Иди-иди!

Маша налила Ариадне кофе, подала тарелку с овсянкой.

— Машка, как у тебя такая вкусная овсянка получается? Каждый день ем и не надоедает!

Маша села за стол и подперла кулачком щеку.

— Он хоть в любви признавался или просто деловито трахнул?

— Признавался... Чуть не со слезами. Говорил, что понял... Что никого никогда так не любил... что чуть не умер, когда увидел, как Данька меня целует...

— И все-таки, что дальше будет?

— Сегодня вечером мы едем в город...

— Зачем?

— Посидеть, поговорить, выпить...

— А если он тебе предложит выйти за него?

— Вряд ли.

— Почему это, если такая любовь в пятьдесят лет?

— Думаю, в нашем случае это нереально. Я живу в Москве и никуда уезжать не собираюсь. У меня там все: работа, друзья, могилы мамы и бабушки... А у него бизнес в Америке и в Европе. И, главное, дочка, которую он один вырастил, обожает без ума. Как и она его. Она будет ревновать. И вообще, я вовсе не уверена, что его любви хватит надолго.

— Адка! — огорчилась Маша.

— Я стараюсь быть реалисткой...

— Слушай, так нельзя!

— Как?

— С Данилой ты все время помнишь о разнице в возрасте, потому что ты реалистка, а с этим своим Кондратом еще о куче других вещей...

— Понимаешь, да! Я вот сейчас подумала... Он такой потрясающий... Невероятно красивый, талантливый... Не может быть, чтобы у него не было постоянной бабы... Наверняка есть!

— Ну и что?

— И она наверняка его любит...

— Тебе ее жалко, что ли?

— Не в том дело, просто, может быть, они уже давно вместе, может, проросли друг в друга, и он будет мучиться, рваться на части...

— Да, это большая русская любовь! — покачала головой Маша.

— Я знаешь что придумала?

— Ну?

— Пусть все остается по-прежнему. У него своя жизнь, у меня своя, но изредка мы будем где-то пересекаться... Может, вместе куда-то ездить...

— Но ты же вроде умирала от любви еще вчера...

— Я и сейчас умираю.

— Или он тебя в койке разочаровал?

— Да что ты... Лучше него у меня и не было. Лучше него сегодняшнего.

— Нет, я все же не понимаю...

В этот момент со второго этажа донесся голос Микиса:

— Полосатые чулки! Полосатые чулки! Это важнее всяких мужиков!

— Вот! Правильно, Микис! — крикнула Ариадна.

Они договорились, что Кондрат позвонит и заедет за ней. Конечно, думать о работе у нее сегодня не получилось. Она думала только о том, что ей надеть вечером, чтобы он ослеп... И достала из шкафа светло-сиреневое платье из бумажного шитья, недлинное, но с оголенными плечами. Она знала, что этот цвет необычайно ей идет и глаза меняются, становятся фиалковыми. Волосы она стянула в низкий свободный узел.

— Обалдеть! — воскликнула Маша. — Ты в этом платье просто... Это смертельный номер! Даже не думала, что тебе так пойдет этот цвет. Да твой старый Кондрат просто сдохнет!

— Почему это он старый?

— Ну, как старый Мазай. Старый Кондрат порезвился в сарае!

Ариадна расхохоталась.

— Машка, а ты выйди, когда он подъедет, я вас познакомлю. Глянешь на него, и я посмотрю, что ты тогда запоешь.

У Ариадны зазвонил телефон.

— Приехал!

— А ты сомневалась?

— Нет! Да, Юра, я иду!

— Ну, с Богом!

— А ты не пойдешь?

— Да нет... Обойдусь!

Но едва за Ариадной закрылась дверь, Маша бегом бросилась к черному ходу, выскочила в сад и по задней дорожке подобралась к ограде. Возле машины стоял действительно на редкость эффектный мужчина. Высокий, красивый, загорелый! Ух ты, подумала Маша. Он был одет в черные джинсы и белую рубашку-поло. И тут из калитки вышла Ариадна.

Он просиял, улыбнулся. Американские зубы, определила Маша. Но и в самом деле хорош! А какая пара! Просто созданы друг для друга. Даже не верится...

Он обнял ее, поцеловал и усадил в машину.

— Маша, ты что там высматриваешь? — раздался сверху голос мужа.

— Полагаю, то же, что и ты! — засмеялась Маша.

— Знаешь, я сегодня такой счастливый! Как дурак!

Она погладила его по руке.

— А куда ты меня везешь?

— В один маленький ресторанчик, совсем тихий.

Он затормозил у Эспьянады. Оставил машину на стоянке.

— Тут недалеко.

Взял ее под руку, и они углубились в лабиринт узких старинных улочек.

— Дивный городишко, правда?

— Да.

— Вот мы и пришли. Хочешь на улице сидеть? Не замерзнешь?

— Нет, на улице, конечно.

Это была открытая терраса, где стояло всего шесть столиков. Народу было немного. На столике горела большая свеча.

— Тут не шикарно, но уютно. И вкусно.

— А разве тут вообще есть какие-то шикарные заведения?

— Не знаю, — засмеялся он. — Может, и есть.

— Ах да, в отеле рядом с нами есть ресторан а ля карт. С потугами на шик.

— Аришка, о чем мы говорим!

— Предлагай тему!

— Тема одна — любовь.

— Брось, Юра. О чем тут говорить!

— Аришка моя! Ведь моя?

— Твоя, твоя. Но давай лучше помолчим. Мне так нравится просто смотреть на тебя. Слова ведь могут все испортить.

— Может, ты и права!

Он взял ее руки, сжал и уставился на нее. Она тоже не сводила с него влюбленных глаз. И вдруг они заметили фотовспышку.

Кондрат вскочил.

— Что это такое?

Он увидел пожилую женщину с фотоаппаратом.

— Простите, — заговорила она по-английски, — я не хотела вас спугнуть. Еще раз простите, но вы самая красивая пара, какую я когда-либо видела.

— Благодарю за комплимент, но я просил бы вас стереть этот снимок! Мы не хотим, чтобы он появился где бы то ни было.

— Уверяю вас, он появится только в моем альбоме. У меня хобби — собирать фотографии красивых пар. Но если вы настаиваете, извольте, я сотру! Простите! Вот, видите, я стерла!

И женщина поспешила уйти.

— Мне это не нравится! — сказал Кондрат.

— Мне тоже!

— Будь она помоложе, я бы просто отнял у нее аппарат и сам стер бы... Но я боялся, она поднимет шум. Или грохнетя в обморок, чего доброго.

— Юра, а чего ты так испугался? — вдруг спросила Ариадна.

— Как ты не понимаешь? Если она выложит это в Сеть, кто-то может меня опознать...

— И что? Ты разве собираешься до смерти скрывать, кто ты такой? Зачем? Что такого позорного в твоей жизни? К тому же Алиса и так уже все знает...

Он внимательно посмотрел на нее.

— Да, вероятно, ты права, в нынешней жизни я... мне нечего стыдиться. А в прошлой жизни я оказался неудачником, лузером... И это приводит меня в бешенство! Я не могу этого пережить. До сих пор! Я потому и умертвил Кондрата. И не хочу, чтобы это обсуждалось в прессе. Сама же говоришь, что меня многие помнят. Как говорится, нет человека, нет проблемы. Если бы не встреча с тобой, я бы...

— Но ведь нет гарантии, что ты не столкнешься где-то с кем-то еще из прошлой жизни.

— Гарантии, конечно, нет, но... Пока Бог миловал, — улыбнулся он своей неотразимой улыбкой. — Аришка... Я всегда знал, что ты... что я страшно виноват перед тобой...

— Юра, не надо об этом. Я простила тебя.

— С ума сойти, Аришка! Я никогда даже не смел надеяться на прощение. У меня камень с души... И странное ощущение, что может начаться какая-то другая, новая жизнь... С тобой...

— Юра, о чем ты?

— О том, чтобы начать с нуля.

— Что начать? Это невозможно. Мы живем в параллельных мирах, в

разных странах... У меня своя жизнь, у тебя...

— А у меня теперь без тебя жизни не будет.

— Будет, Юра, будет.

В этот момент у него зазвонил телефон. Он глянул на дисплей, нахмурился.

— Извини, это важно...

И заговорил по-английски. Она не вслушивалась. Только сидела и любовалась им. Он, конечно, здорово постарел, морщин много, но я глаз от него отвести не могу. Мне в этом лице нравится абсолютно все. А при воспоминании о том, что было сегодня утром в недостроенном доме, ее охватывал восторг. Она взяла его руку, лежавшую на столе, и поднесла к губам. Он изумленно взглянул на нее, расплылся в счастливой улыбке, но разговор не прервал. А ведь я соглашусь... Вот сейчас он договорит, и я скажу ему, что согласна быть с ним до самой смерти. Он закончил разговор.

— Аришка, любимая... Ты согласна, да?

— Согласна, Юра.

— И тебя не смущает, что я... уже старый?

— Ага, старый Кондрат порезвился в сарае! — повторила она Машину фразу.

— Аришка, солнце мое! Господи, какое счастье говорить с женщиной на одном языке...

— Знаешь, меня за всю жизнь никто кроме тебя не звал Аришкой. А мне так нравится...

— Ты нарочно надела платье с голыми плечами? Чтобы окончательно свести меня с ума?

— Нет, просто было еще жарко.

— Хочешь, можно накинуть плед?

— Пока не надо. Скажи, это был какой-то неприятный звонок?

— Ничего особенного, но на днях мне придется улететь в Испанию. А ты сколько еще пробудешь тут? Или ты... уже останешься с нами? И мы через две недели все вместе вернемся в Швейцарию?

— Нет. У меня очень много работы, Юра. И сразу предупреждаю, я ее бросать не намерена.

— Я и не думал... Но ты свободный художник, можешь жить где угодно.

— Юра, ты, как всегда, спешишь! А Алиса согласна делить своего обожаемого папу с какой-то московской теткой?

— Я не знаю. Но я не согласен снова тебя терять. Категорически не согласен!

— Юра, а давай, приезжай с Алисой в Москву. Она так изменилась и похорошела. И если не ходить по тусовкам, тебя вряд ли кто узнает...

— А что? Может, надо приехать... Ох, я уже хочу в Москву!

— Да, а почему Алиса не в школе?

— У них занятия начинаются с первого октября, это частная школа.

— Извини, я сейчас приду!

— Как войдешь, слева будет бамбуковая занавеска, тебе туда!

— Спасибо!

Господи, неужели она опять будет со мной? Но это уже совершенно другая женщина, и она куда лучше той красивой девчонки. Взрослая, искушенная, страстная. Мурашки бегут по спине при одной только мысли о ней... Да, но все это взялось не из воздуха. Сколько мужиков у нее было? Даже думать об этом страшно...

И тут зазвонил уже ее телефон, лежавший на столе. Он глянул на дисплей. Данила! Искушение было велико. Он ответил.

— Алло, Данила!

Пауза. Потом хриплый смешок.

— А, это главный Минотавр?

— О, вы сведущи в мифологии, молодой человек? А что же, Ариадна вам ниточку не дала?

— Почему же, дала!

— Может, что-то и дала, но не ниточку. И считайте, что Минотавр вас схряпал! Всего хорошего!

Он был страшно собой доволен. Поставил щенка на место!

В этот момент вернулась Ариадна.

— Юра, что случилось? У тебя такой боевой задор на лице написан!

— Аришка... Какое платье! Я только сейчас оценил. Сама придумала?

— Да нет, купила в Милане.

— Это специально, чтобы...

— Специально, чтобы...

— Ага!

И он прижался губами к ее обнаженному загорелому плечу.

К барьерчику, отделявшему кафе от улицы, подошел молодой мужчина, слегка подвыпивший.

— Сударь, — сказал он по-русски, — вы злоупотребляете своим положением. Эта женщина так прекрасна, что на нее можно только благоговейно взирать...

— Вообще-то да, сударь, — ответил Кондрат, — но это моя женщина. Что, завидно?

У парня вдруг отвалилась челюсть.

— Вы Кондрат! Обалдеть!

— Вы ошиблись, юноша!

— Да ладно... У меня профессиональная память на лица. Мадам, ведь это Кондрат? Послушайте, дайте автограф!

— Ступайте отсюда, сударь! Подобрю-поздорову!

— Я уйду, конечно, но люди должны знать, что Кондрат жив!

И он вдруг припустился бежать.

— Все, Юра. Твое инкогнито раскрыто!

— Черт знает что!

— На дивном острове Корфу все тайное стало явным! Как говорилось в любимом мамином фильме: «Тайна мистера Икса разоблачена!» Уверена, завтра в сетях уже появится сенсация: «Кондрат живехонек-здоровехонек и целует в голое плечико какую-то даму». Похоже, он даже снял нас на телефон.

— Да... Ну что ж, видно, судьба, а против судьбы не попрешь! И плевать! Главное, что ты со мной!

Часть 5

— Что с тобой? — испугался Федор при виде бледного как смерть, вдрызг пьяного друга. — Данька, что стряслось?

— Я убью его! Придушу на фиг!

— Кого, дурья башка?

— Этого сраного рокера!

— Братишка, ты спятил? Какого еще рокера?

— Да Кондрата, мать его...

— Какого еще Кондрата, можешь толком объяснить?

Федор был в Иркутске, когда Данила летал на Корфу, и ничего об этом не знал.

Даниле все время было страшно — он оставил свою любимую на острове и чувствовал, что может потерять ее. Но молчал. А сейчас, чтобы позорно не разрыдаться, он счел за благо все рассказать другу.

— Ты понимаешь этих баб, Федя?

— Да кто ж их поймет?

— Он ведь старый, седой совсем, черт бы его взял! Он когда-то нагло и цинично бросил ее, совсем еще девчонку, из-за него она осталась бездетной. Зачем он ей нужен?

— Ну, тут как раз все более или менее понятно. Синдром Татьяны Лариной.

— Да при чем тут на фиг Татьяна Ларина? «Но я другому отдана и буду век ему верна!» Вот как поступила Татьяна. Собственно говоря, выгнала Онегина взашей! А тут...

И Данила пересказал другу свой телефонный разговор с Кондратом.

— Ну, ты и осёл, брателло!

— Почему это?

— Да по кочану! Твоя красавица, скорее всего, отошла пописать, и наглый рокер воспользовался. А она, скорее всего, ни сном ни духом. Может, он вообще все наврал...

— Ну, что-то, может, и наврал, но ее телефон был ему вполне доступен.

— Большое дело! Ты рано сложил оружие, брат! Ты молодой, талантливый, известный. А кто сейчас помнит этого твоего Кондрата? Одно замшелое старичье...

— Я с ума схожу при одной только мысли, что она там с ним... Готов

башкой об стенку биться, я же люблю ее как ненормальный, а она...

Я был так счастлив на этом окаянном острове... Она так мне обрадовалась! Ей было хорошо со мной, я это точно знаю. По-настоящему хорошо. И вдруг... Хотя должен признать, он на яхте здорово смотрелся. А она при виде его в воду свалилась... И мы оба прыгнули за ней, я быстрее подоспел, вытащил ее, начал целовать у него на глазах... Она хорошая, добрая, пыталась врать, что обозналась... Я умолял ее уехать со мной, но она отговаривалась работой. А теперь... Теперь все кончено. У меня тоже есть гордость. Больше она обо мне не услышит. Она... она... теперь в прошлом. Пусть упивается своим стариком, — вдруг вскипел Данила и стукнул кулаком по столу, — она меня еще позовет, а я... я ее пошлю...

— Вот! Такой настрой мне больше нравится.

— Что ж, я себе красивую бабу не найду?

— Да как не фига делать! Красивых баб у нас прорва!

— Ты понимаешь, друг, тут ведь дело не только в красоте. Она совсем особенная...

— Чем это?

— Знаешь, я сколько раз наблюдал... Она существует в своей какой-то ауре, или в своем отдельном пространстве, что ли... Вот она входит в комнату и словно заполняет собой ее всю, не выходя из этой ауры. Я там общался греческим режиссером, Микисом Кардонасом, и как-то по пьяни сказал ему об этом. Знаешь, как он это явление объяснил? То есть он со мной согласился, а потом сказал: эта ее аура состоит в первую очередь из одиночества, красоты и большого таланта. Еще он сказал, что такое встречается у очень талантливых и очень одиноких артистов.

— Ну, для меня это китайская грамота, а вот ты, друг, глубоко увяз, по самые уши!

— Да, Федя, я увяз... по самые уши... Но ничего, я, как барон Мюнхгаузен, сам себя вытащу из этого болота, обещаю!

На другой день Федор встретил на студии одного из главных продюсеров канала, Ивана Верещагина.

— Привет, Масленников! Ты ко мне?

— Иван Алексеевич, поговорить бы надо...

— Пошли, поговорим! Кофе будешь?

— Да нет, спасибо! Иван Алексеевич, простите, но Кульчицкому сейчас никак нельзя в горячую точку.

— Что такое? Заболел?

— Можно и так сказать! Просто в таком состоянии любая пуля или

осколок будут его... И он еще сам эту пулю искать станет, чего доброго...

— Так! Нешто любовная драма?

— Она!

— И все так серьезно?

— Более чем! Поверьте, Иван Алексеевич, из-за пустяков я к вам не пришел бы.

— Верю! Но он же вроде не так давно женился?

— Уже развелся.

— Ну и темпы! Вот что, Федор, давай, рассказывай, что там за история. Имени дамы называть не надо. Да не волнуйся, я никому ничего не скажу, но я должен понимать, что к чему, прежде чем отстранить от командировки нашего лучшего журналиста.

Федор мялся. Но Верещагин, человек опытный и проницательный, мало-помалу все из него вытянул.

— Выходит, Кондрат жив? — возликовал Верещагин.

— Да кто он такой, этот Кондрат? — искренне недоумевал Федор.

— Кумир моей юности, потрясающий певец и бас-гитарист. Неужто никогда не слыхал про группу «Черный пояс»?

— Да я как-то больше романсы люблю.

— Все с тобой понятно! Надо Кузьмину сообщить, мы с ним вместе в юности фанатели.

И пусть разыщет его, затацит в шоу к Завьяловой. Такая сенсация будет...

— Иван Алексеевич, но ведь получится, что я друга вроде как сдал...

— Не друга, Федор, а его соперника. А насчет Кульчицкого я уже все придумал. Пошлю послезавтра ваш тандем в Брюссель, там, слава богу, еще не стреляют. Вам обоим требуется передышка от военных действий. Пусть парень очухается. А ты мне ничего не говорил, и вообще я тебя в глаза не видел. Я завтра с утра вызову его к себе и все растолкую. Идет?

— Идет!

— Наташка, ты знаешь, Кондрат нашелся! — поспешил обрадовать жену Глеб Витальевич Кузьмин.

— Какой Кондрат? — не поняла Наташа.

— Потрясающий певец, музыкант...

— Первый раз слышу. И что значит нашелся? Он что, потерялся?

— Именно! Неужто никогда не слыхала?

— Нет, или, может, просто забыла...

— Ну, если б ты хоть раз его увидела, ни за что бы не забыла, такой

был красавец. Но не в том дело! Я хочу затащить к тебе в программу его женщину.

— Глеб, объясни толком, что за женщина, а то, может, она и двух слов связать не может...

— Ерунда! Она известный художник по костюмам, вполне продвинутая и потрясающе красивая дама.

— Даже дама? — иронически вздернула бровь Наташа, что всегда приводило Кузьмина в восторг.

— Именно! Настоящая изысканная дама, огребла кучу призов, в том числе и европейских.

— А фамилия у нее есть?

— Замчевская. Ариадна Замчевская.

Наташа сразу схватила планшет.

— О! И вправду хороша невероятно. И впрямь дама. Интересно... А этот твой Кондрат ей кто, любовник?

— Бывший муж. Он бросил ее, совсем еще соплячку, и умотал в Штаты. И сгинул. А тут вдруг их засекли вместе в Греции, и похоже, бывлые чувства разыграли. Короче, Иван взялся умолить красавицу дать тебе интервью, совершенно независимо от Кондрата. Ты будешь говорить с ней о чем угодно, но только не о нем.

— Почему?

— Потому что он, похоже, не хочет, чтобы о нем вспомнили, он, говорят, потерял голос... И вообще, мы же не хотим никакой желтизны.

А Иван пока попытается отыскать самого Кондрата и понять, что там за история.

— Глеб, я все-таки не понимаю, зачем такая спешка и зачем вам интервью с этой дамой, если не в связи с Кондратом? И откуда такая ажитация? А кстати, Кондрат — это что, имя?

— Сценическое. Он Юрий Кондратович. Мы с Ванькой в юности были его фанатами, мы ровесники, и я, если честно, здорово обрадовался, что он жив-здоров. А Ванька вообще задохнулся от восторга.

— Глеб, ты сказал, что он вернулся к бывшей жене?

— Вроде бы так.

— Так вот, я не стану сейчас брать у нее интервью.

— Почему это?

— Потому что там, может быть, сложная история любви. А мы полезем... Сама по себе эта женщина не слишком интересна широкой публике... и может просто не согласиться на интервью. И будет права. Короче, я не хочу!

— Наташка, это непрофессионально!

— Знаю! И обещаю тебе — если вся эта история станет предметом обсуждения, тогда я возьму у нее интервью. Но участвовать в погоне за этой сенсацией не желаю.

Глеб Витальевич озадаченно посмотрел на жену.

— Знаешь, когда я только пришла на канал, мне сказали, что я слишком порядочная для телевидения. И я хочу такой остаться.

— Черт-те что и сбоку бантик! — улыбнулся Кузьмин.

Кондрат подвез Ариадну к дому Кардонасов.

— Погоди, посидим еще немного, — взмолился он. — Не хочу с тобой расставаться.

— Юрка, — нежно улыбнулась она и погладила его по руке.

— Скажи, Аришка, а ты за эти годы... Я, конечно, понимаю, у такой потрясающей женщины были мужчины...

— Юра, я же не спрашиваю...

— Подожди, я только хотел спросить, была ли у тебя... Нет, не так. Ты кого-нибудь из них любила?

— А тебе зачем это знать, Юра?

— Я-то никого не любил...

— А жену?

— Нет, там было другое. Она была чудесным человеком, любила меня, стала мне опорой, когда я буквально потерял себя... Мы так хотели ребенка... И вдруг... Собственно, ничего не предвещало. Врачи что-то проворонили, отказали почки. Короче, я вдруг осознал, что потерял очень любимого, родного человека, но не любимую женщину. Понимаешь? А когда увидел тебя, понял очень отчетливо — я люблю именно эту женщину. Не знаю, что это — возвращение той, давней любви или это новая любовь, только сейчас возникшая... Честно, не знаю! Хотя... пожалуй, это все-таки новая любовь.

— Почему ты так решил?

— Понимаешь, когда я приехал, Алиска стала мне рассказывать про какую-то удивительную художницу по имени Ариадна, я даже не дрогнул, даже на долю секунды не подумал, а вдруг это моя Аришка...

— Знаешь, меня никто кроме тебя никогда не звал Аришкой.

— И это прекрасно! Я буду считать, что моя Аришка никому не досталась. — И он начал покрывать поцелуями ее обнаженные плечи. — Аришка, моя Аришка, поедем!

— Куда?

— В пустой дом!

— Ни за что! У меня уже нет сил. Думаю, и у тебя тоже.

— Обижаешь!

— Нет, Юра, нет!

Она открыла дверцу и выскочила из машины.

— До завтра!

И бегом бросилась к калитке.

А он вдруг обессилел. Откинул голову на подголовник, закрыл глаза и прошептал:

— Аришка, я люблю тебя. И как теперь быть?

— Господи, Адка, что с тобой? — встретила ее Маша. — Неужто и впрямь любовь? Бедный Данила!

— Ах, при чем тут Данила? Я его предупреждала... Машенька, я совершенно не понимаю, что же теперь будет?

— Что будет? Я тебе скажу — дурдом будет! Кондрат твой начнет метаться между тобой и дочкой, между новой жизнью и прежней. Чего доброго, запьет и как-нибудь спьяну тебя поколотит.

— Машка, да он никогда меня и пальцем не тронул.

— Значит, тронет! Ты гордо бросишь его, а потом начнешь биться головой об стенку, рыдать от тоски по нему, он и вправду роскошный самец. Вот такую я вижу безрадостную перспективу.

— Ну, ты пессимистка!

— Я реалистка! Вроде тебя. Скажи, а Данила...

— При чем тут Данила?

— Он тебя сексуально устраивал?

— Вполне, — пожала плечами Ариадна. — Но это был просто хороший секс. А с Кондратом... С Юрой... это чудо, счастье, это... Пойми, Машенька, это... Все совсем не так, как было тогда... Совсем! Просто я вдруг поняла, как это должно быть... — лихорадочно шептала Ариадна.

— Ууу, тяжелый случай. И бедному Даниле тут ничего не светит.

— Абсолютно! Абсолютно ничего не светит! — залилась пьяным смехом Ариадна.

— Папа, ты вчера поздно вернулся!

— И что? Я, между прочим, взрослый, мне можно.

— Ты был с Ариадной, да?

— Вопрос, как минимум, бестактный.

— Знаю.

- Если знаешь, зачем задаешь?
- Папочка, я просто хочу сказать...
- Я тебя слушаю, — напрягся Кондрат.
- Я тут подумала... Ты хочешь замолить грех или...
- Или!
- Тогда ладно.
- Что ладно?
- Тогда женись на ней опять. Она хорошая, красивая и тебе подходит.

И мне тоже.

— Вот даже как! — счастливо рассмеялся он. — Спасибо тебе, дочь! Но как ты поняла, что она хорошая? Что красивая, это и ежу понятно. А вот что хорошая?

— Понимаешь, еще до твоего приезда мы с ней сидели в кафе, ели мороженое... Я ее спросила, может ли она поговорить со мной о любви...

— Господи помилуй. И что Аришка?

— Согласилась! И говорила со мной очень серьезно, как со взрослым человеком. Она сказала, что у меня обязательно будет любовь, хотя, конечно, есть люди, у которых любви не бывает... И о себе тоже как-то всерьез рассказывала... И еще рисунки мои хвалила. А она ведь не знала тогда, что я твоя дочь. Вот!

Кондрат задумчиво смотрел на Алису.

— Папа, ты почему молчишь?

— Да вот смотрю и радуюсь, что дочка у меня умная выросла. Скажи, а ты хотела бы поехать в Россию?

— Конечно! Очень-очень! Я хочу в Большой театр, Ариадна обещала билеты...

— Похоже, ты Аришке здорово понравилась.

— Папочка, а помнишь, я сказала, что нам с тобой никто не нужен?

— Ну? — насторожился Кондрат.

— Я подумала и пришла к выводу... Папа, почему ты смеешься?

— Прости, но это так забавно прозвучало... Не злись, Лисёнок, я страшно хочу узнать, к какому выводу ты пришла?

— Я решила, что нам с тобой очень нужна Ариадна. Нам будет хорошо втроем. Ты же не станешь меня меньше любить, правда? Это совсем разная любовь — к дочке и к жене? Да?

У него запотели очки.

— Лисёнок, я горжусь тобой!

Он снял очки и вытер повлажневшие глаза.

— Папа, а давай мы сейчас пойдем к ней и сделаем предложение?

— Руки и сердца? — рассмеялся Кондрат. — От нас обоих?

— А что? Разве так нельзя?

— По крайней мере, я впервые такое слышу. Но мне нравится твоя идея.

— Только, папа, давай сейчас сможем в город к Алёне.

— К какой Алёне? — удивился Кондрат.

— Ну, тут в отеле работает Алёна, продает всякие украшения, но тут она только вечером бывает, а днем в городе. Магазин называется «Дион»... Там такие красивые вещи... И Алёна поможет выбрать...

— А букет тоже будем покупать?

— Обязательно! — ликовала Алиса и уже подпрыгивала от нетерпения.

Кондрат тоже был в восторге от этой идеи — идти вместе с дочкой делать предложение. И вдруг ему стало страшно — а что, если Аришка откажет мне? Одно дело — романтические свидания, а брак... решится ли она второй раз войти в эту реку? А если нет, каково будет Алисе? Ведь девчонка буквально влюблена в Аришку, она сама выбрала ее себе в матери. Да нет, не может она отказать... Как она вдруг взяла мою руку и поцеловала... в этом жесте было столько нежности, столько любви...

— Лисёнок, едем к твоей Алёне!

— Ура, папочка! Едем!

Микис с утра заявил, что не пустит женщин на пляж, так как самое позднее завтра утром он должен отослать эскизы костюмов в Новосибирск, а значит, надо еще раз хорошенько все обсудить и кое-что, возможно, поправить. А Маше предстояло еще эти эскизы отсканировать.

— Не спорь! — шепнула она Ариадне.

— Да я и не собиралась.

Они втроем сидели на просторной террасе. Все были увлечены работой. Вдруг раздался звонок.

— Кого это принесла нелегкая? — рассердился Микис.

— Скорее всего, Кондрат, — предположила Маша.

— Гони в шею! Не до любовников сейчас! Но это был не Кондрат. У запертой калитки стоял высокий элегантно одетый мужчина лет сорока пяти. Незнакомый.

— Простите, вы к кому? — по-гречески спросила Маша.

— Мне нужна госпожа Замчевская, — ответил он по-английски.

Еще кавалер до Адки, подумала Маша. И открыла калитку.

— Заходите!

Она провела его в небольшую уютную беседку, крышей которой служила пышная крона пальмы.

— Я сейчас ее позову.

— Благодарю вас.

— Это еще кто? — раздраженно осведомился Микис.

— Это к Адке очередной мужик. Очень шикарный.

— Русский?

— Русский. Адка, ты кого-то ждешь?

— Никого я не жду. Ладно, пойду выясню.

— С тобой пойти? — предложил Микис.

— Да нет, не стоит.

— Ах да, бокс и карате!

Когда Ариадна вошла в беседку, незнакомец вскочил и буквально онемел. Он никогда не видел женщин красивее. А ведь она не так уж молода...

— Вы ко мне? — спросила она таким голосом, что он задрожал. С ума сойти!

— Позвольте представиться, Иван Верещагин, продюсер канала «Супер».

— Господи, зачем я понадобилась телеканалу, да еще в такой степени, что вы примчались за мной сюда?

— Ну, не совсем примчался... Я тут отдыхал на вилле у друзей, и вдруг мне позвонил гендиректор канала и попросил связаться с вами...

Врет, сообразила Ариадна. Отдыхающие тут так не одеваются, слишком по-столичному лощеный вид, а врет, чтобы я не вообразила себя невесть какой важной персоной. Смешно, ей-богу! Но она промолчала.

Спятить, какая баба, думал Иван. Всю жизнь любил молоденьких девиц типа Сольвейг, а эта ближе к Клеопатре, что ли... И я уже готов за ней хоть на край света.

— Так какое у вас ко мне дело?

— Простите, залюбовался невольно вашей несравненной красотой. Но к делу. Может быть, вы знаете на нашем канале программу Натальи Завьяловой «С глазу на глаз»?

— Извините, я практически не смотрю телевизор.

— Это, как явствует из названия, интервью с глазу на глаз. Наташа уникальный интервьюер, у программы рейтинги зашкаливают... И мы бы очень хотели снять программу с вами.

— Зачем?

— Что значит зачем? Вы потрясающий художник, ваши работы имеют

европейский успех...

— Но кого, кроме специалистов, интересуют художники по костюмам? Кто это станет смотреть?

— Все! Вся постоянная аудитория программы. А она весьма обширна. Поверьте, я знаю, что говорю! — пылко воскликнул Верещагин.

А ведь ему нужна не я, а Кондрат, внезапно сообразила Ариадна.

— Извините, но я вынуждена вам отказать.

— Почему?

— Потому что телевизионные интервью не моя стихия. Я не умею нормально говорить перед камерой. Я зажмусь и только опозорюсь. Не хочу!

— Послушайте, Ариадна Максимовна, Завьялова так вас разговорит, что вы и не заметите, как съемки уже закончатся.

— А знаете что, раз уж вы все равно приехали, пригласите лучше на интервью хозяина этого дома. Это знаменитый оперный режиссер Микис Кардонас, очень популярный в России, отлично говорящий по-русски, сейчас он ставит в Новосибирске «Севильского», постановка обещает быть очень интересной...

Что ж, идея хорошая, подумал Верещагин, по крайней мере, он пообщается с хозяином дома, войдет в доверие, а это он умеет, а там, глядишь, и Клеопатра смягчится...

— Ну что ж, можно попробовать, — тяжело вздохнул он.

Ариадна провела его к дому. Микис и Маша по-прежнему сидели на террасе.

— Микис, у господина Верещагина к тебе деловой разговор.

— Ко мне? — удивился Микис. — В таком случае будем знакомы. Кардонас!

Иван быстро ввел его в курс дела.

— Идея хорошая, — сказала по-гречески Маша. — Совершенно бесплатный пиар. Соглашайся, Микис!

Иван, включив на полную мощность свое обаяние, вручил Маше диск с записями завьяловских интервью. И вот уже Микис заваривает Ивану кофе, Маша ставит на стол вазочки с вареньем, достает печенье. И Микис словно бы забыл о своем намерении весь день работать... Но Ариадна сочла за благо не присутствовать при разговоре, ей-то это зачем?

— Пойду искупаюсь! — шепнула она Маше.

— Только недолго!

— Я на полчаса!

И действительно, через полчаса она вернулась. Мизансцена не

изменилась. Пришлось и ей присоединиться к компании. Вдруг к дому подъехал автомобиль.

— Кого еще черт принес, — тихонько выругалась Маша. — Ба, какие люди! Адка, это уж точно к тебе!

У калитки стояли Кондрат с Алисой. Девочка держала в руках изящную корзинку с мелкими розовыми розами. Господи, что этот визит значит? — испугалась Ариадна.

— Здравствуйте, Ариадна! — звонким голосом проговорила Алиса. — Мы с папой пришли с вами поговорить!

— Я очень рада вас обоих видеть! — улыбнулась Ариадна и собралась уже проводить своих гостей в беседку, но тут возник радостно возбужденный Микис и, не слушая никаких возражений, потащил всех на террасу. Кондрат упал духом, потом вдруг разозлился.

— Пошли отсюда, наша миссия провалилась, — шепнул он дочери.

Но Алиса, ничего не желая слушать, упрямо шла к террасе, и вдруг на крыльцо выскочил Верещагин.

— Боже мой, да это же Кондрат! — восторженно закричал он. — Подумать только, живой и здоровый! Кондрат, я с юности был вашим фанатом, а ваша песня «Спастишь от одиночества ты можешь только сам!» вообще моя любимая и по сей день...

Кондрат вежливо, но явно вымученно улыбнулся и пожал протянутую руку. Он был вконец растерян.

— Алиса, идем! — потребовал он.

— Нет, папа, я не пойду! А ты беги, беги, — со слезами в голосе крикнула девочка.

Кондрат и в самом деле поспешно ушел.

— Ариадна, — дрожащим голосом начала Алиса, — мы с папой пришли к вам, но он... он... сбежал... Но я вам все скажу сама!

— Хочешь, пойдем в беседку поговорим... — обняла ее за плечи Ариадна.

— Нет! — отрезала Алиса. — Нет, я хочу при всех!

Взрослые недоуменно уставились на нее.

— Ариадна, — торжественно произнесла Алиса, — мы с папой пришли к вам, чтобы сделать вам предложение... руки и сердца... Скажите мне, вы согласны?

Взрослые потрясенно молчали.

— Да! — решила вдруг Ариадна. — Я-то согласна, но папа твой сбежал, передумал, наверное.

— Нет, он не передумал, я знаю. — Из глаз девочки катились крупные

слезы. — Он... думал... будет по-другому... Неважно! Считайте, что я его... как это... доверенное лицо. Я сама выбрала цветы и вот... — Она достала из кармана шортвов небольшую коробочку. — Это вам, от нас!

Ариадна открыла коробочку, там лежало очень необычное, даже изысканное кольцо с большим золотым топазом весьма причудливой современной формы. Она надела его на безымянный палец, но часть камня легла еще и на средний.

— Какая красота! Это ты выбирала, Алиса?

— Да, я. Я хочу... мы хотим... чтобы вы были с нами. И если вы согласны, пойдете сейчас к нам!

Ариадна внимательно посмотрела на Алису.

— Но, может быть, папа не хочет?

— Папа не хочет? Да он мечтает! Просто если бы тут не было... посторонних... Пожалуйста, простите его!

— Прощаю, так и быть, — ласково улыбнулась Ариадна.

Она обняла Алису за плечи, и они вместе спустились с крыльца и пошли к калитке.

— Подожди минутку, я должна им кое-что сказать.

Она бегом вернулась на террасу.

— Иван Алексеевич, если эта история каким-то образом просочится в соцсети, я не знаю, что с вами сделаю. Это и вас касается, — строго предупредила она Машу и Микиса.

Ответом ей была немая сцена.

— Мадам, — подал вдруг голос Верещагин, — а если подобная сцена появится в каком-нибудь сериале, я останусь цел?

— В сериале? Ради бога! Но без всяких ссылок.

— Какие ссылки в сериале, о чем вы!

И Ариадна с Алисой ушли.

«Боже, какая женщина! И почему она не моя?» — с горечью подумал Иван.

— Нет, а девчонка-то какова! — всплеснула руками Маша.

— Да они друг дружки стоят. Боюсь только, что Кондрат в этой семье окажется слабым звеном, — заметил Микис.

— Что-то я не понял, почему он сбежал? Неужто из-за меня? — растерянно пробормотал Верещагин.

— Его можно понять... — задумчиво начала Маша. — Человек поставил жирный крест на своей прошлой жизни, уютно устроился в новой, и вдруг прошлое заявляет о себе во весь голос...

— Да вот голоса-то вроде уже нет, — заметил Верещагин.

— Тем тяжелее ему... Бедолага...

— Ариадна, вы, пожалуйста, простите его, прошу вас, — молила Алиса, пока они шли к дому Кондрата.

— Успокойся, моя дорогая, я все ему простила, я понимаю...

— А вы не могли бы называть меня Лисёнком, как папа?

— Лисёнком? Да с удовольствием! Только знаешь что, боюсь, папы твоего нет сейчас дома.

— Почему?

— Мне так кажется.

Алиса открыла калитку.

— Папа! Папа! Мы пришли!

На ее крик из дома вышла пожилая женщина.

— Ты зачем так орешь? Ох, здарсьте! Батюшки-светы, до чего ж вы красивая! Будем знакомы, Клавдия Макаровна.

— Очень приятно. Ариадна, можно просто Ариша.

Алиса вскинула на нее заплаканные глаза, в которых ясно читалась радость.

— Няня, а где папа?

— Заперся у себя, мрачнее тучи пришел.

— Я попробую с ним поговорить, — вызвалась Ариадна. — Где его комната?

— На втором этаже, вторая дверь слева, — шепотом сообщила Алиса.

Ариадна мигом взлетела по лестнице. Постучалась. Ответа не было.

— Юра, открой, это я! Юра, пожалуйста, открой!

Дверь внезапно распахнулась. На пороге стоял Кондрат, пьяный в стельку.

— Аришка? Ты? Чего пришла? Я слабак, я тебя недостойн. Ни тебя, ни Алиски. Бедная девочка, мамка ей понадобилась. И она тебя в мамки выбрала, губа у нее не дура, конечно. Что стоишь на пороге, заходи, поговорим...

Он за руку втянул ее в комнату и запер дверь.

— Вот, так я тут и живу.

— Неплохо живешь, Юрочка.

— Да нет, плохо, неправильно...

— Хватит рефлексировать, это, наконец, скучно! Скажи, ты действительно приходил сделать мне предложение?

— Ага... приходил... сделать...

— А чего сбежал? Передумал?

— Я? Я передумал?

— Выходит так.

— Глупости, ничего не выходит! Но там... Это Алиска выдумала... Разве так делают предложение? Совершенно чужие люди... Это просто фарс... И я не знаю совсем, кто был тот мужик, импозантный такой, так и пожирал тебя глазами. И я же не знаю, что у тебя с ним?

— Значит, так, Юра, послушай, что я тебе скажу...

— Ну скажи, скажи, маленькая моя, ты сейчас такая суровая, я даже боюсь.

И он вдруг, словно фокусник, вытащил откуда-то из-за кресла бутылку «Метаксы» и стал пить прямо из горлышка.

— Ну вот, это я для храбрости... Говори, что хотела!

— Я принимаю твое предложение, Юра!

— Предложение? Какое предложение?

— Что значит какое? — опешила Ариадна.

— Да я что, больной на всю голову, чтобы, имея дочь, жениться на тебе? Да никогда! Это же равносильно самоубийству. Трахать тебя, это я за милую душу, лучше тебя в этом смысле и нет никого, а привести такую в дом, где живет моя дочка... Да ни за что! Ну, что зенки-то вылупила, красивая? Иди сюда, потрахаемся вволю и разбежимся.

Он схватил ее и поволок к дивану. Она вцепилась ему в волосы.

— Больно же, идиотка!

— Пусти меня, пьяный кретин!

Он занес было руку для удара, но она ловко заломила ее.

— Ох, сволочь!

Он выпустил ее. Она выскочила из комнаты, сбежала вниз по лестнице.

— Ариша, что стряслось? — крикнула перепуганная Алиса.

— Я даже знать его не желаю! Прости меня, но это уж слишком!

И Ариадна припустилась бегом.

— Нянечка, что же это? — рыдала Алиса на груди у Клавдии Макаровны.

— Ну ничего, напился мужик, обхамил, видать, дамочку...

— Но он же никогда не напивался!

— Да напивался, правда редко, но бывало. Только тебе на глаза боялся показаться.

— Клавочка, неужели теперь все пропало?

— Да что ж ты так убиваешься, горе мое? Красивая она, это правда, но если пьяного мужика понять и простить не сможет, значит, доброты

настоящей в ней нету. Слишком красивая. Ладно реветь-то, завтра папка наш проспится и побежит прощения просить. Глядишь, и простит она его, такие мужики, как папка твой, на дороге не валяются... А она уж тоже не молодка.

И действительно, на следующий день к вечеру Кондрат в гордом одиночестве отправился к дому Кардонасов. И никого там не застал, кроме женщины, занятой уборкой.

— Так уехали все сегодня с утра, — сообщила она.

— Куда? — помертвел Кондрат.

— Не знаю, не докладывались.

Вот все и кончилось, с дикой тоской сказал себе Кондрат. И что же выходит? Мой Лисёнок второй раз осиротел, и уже по моей вине? Не бывать такому!

Часть 6

В Москве Ариадну встречала Грета. Микис с Машей сразу улетели в Новосибирск.

— Господи, Адка, что с тобой? Заболела?

— Ага! Меня опятьхватила кондрашка! Вот уж точно, дважды в одну воду не войдешь!

— А ты что, собиралась?

— Собиралась, дура такая! Мне официальное предложение его дочка сделала, с цветами и колечком. И я, корова, разнюнилась и согласилась!

И Ариадна в красках рассказала подруге о происшествии на Корфу.

— Обалдеть! Но какой сюжетный ход! Обзавидуешься! Жалко, я свой роман уже закончила, ну да не беда, для следующего пригодится. А девочку жалко!

— Да, девочку ужасно жалко.

— Бедная, нашла себе мамашку, а ты была бы хорошей мамашкой, но я убеждена, он объявится. Там ведь, как ни верти, любовь...

— Какая любовь, о чем ты! Разве спьяну кричат любимой женщине, мол, потрахаться с тобой здорово, но привести такую в дом, где живет малолетняя дочь...

На глазах у Ариадны вскипели злые слезы.

— Скотина!

— Ну, положим, спьяну еще и не такое кричат любимой женщине... Он небось протрезвел, вспомнил все, пришел в ужас, помчался просить прощения.

— И поцеловал дверь! Так ему и надо! И пусть проваливает в свою Швейцарию. Ненавижу! Второй раз жизнь мне сломал.

— Он не сегодня завтра объявится, примчится к тебе в ножки падать, помяни мое слово!

— Да не примчится! Он же впал в истерику, когда его Верещагин узнал. Он, видите ли, не желает больше быть Кондратом. Безголосым Кондратом... — Она вдруг заплакала. — Грета, он такой несчастный на самом деле, такой чудовищно одинокий... Он, как птенец, боится высунуться из своей скорлупы.

— А ведь ты, подруга, сбрендила! От любви! А твой пятидесятилетний птенчик под два метра ростом может и впрямь остаться доживать в своей уютной скорлупке... Вот что, позвони-ка ты Даниле.

— Зачем?

— Верни парня! Золотой ведь кадр! И любит тебя. Он ко мне приезжал, в полном отчаянии, чуть не плакал...

— Да ты что! С какой стати?

— А Кондрат тебе не сказал?

— Что?

— Не рассказал, сволочь, о своем разговоре с Данилой?

— Нет. О каком разговоре? Ничего не понимаю.

— Данила как-то вечером тебе позвонил, трубку взял Кондрат и сказал несчастному парню, что Ариадна, мол, ему нитку не дала и Минотавр его, Данилу, схряпал!

— Да ты что! Вот скотина!

— Кто?

— Кондрат! Собака на сене, ни себе, ни людям! Ой, Грета, я такая кретинка! Я из-за всей этой истории забыла на Корфу такую шубку!

— Какую шубку? — живо заинтересовалась Грета.

— Я заказала себе шубку из голубой каракульчи. Аванс внесла и... начисто забыла!

— Та к свяжись с магазином по Интернету, переведи деньги, и они тебе пришлют.

— Я обещала заплатить наличными, ох, какая жалость...

— Ну ничего, если по шубке горюешь, значит, все не так плохо, жить будешь.

— Да, наверное, буду...

— И позвони Даниле. Такими мужиками в наши дни не разбрасываются. Он же тебе нравился.

— Нравился. Но я не хочу больше портить ему жизнь.

— Черт, какая пробка на дороге... Слушай, а на Корфу бывают пробки?

— Еще какие!

— Похоже, пробок не бывает только в деревне Гадюкино!
Но рано или поздно пробки рассасываются.
Наконец они добрались до Смоленской набережной.

— Ох, хорошо дома! — простонала Ариадна. — Смотри-ка, даже еда в холодильнике есть.

— Я постаралась!

— Грета, ты лучшая в мире подруга!

— А я думала, лучшая теперь Маша!

— Это ревность? — засмеялась Ариадна.

— Это шутка! Вот что, ты разбирай чемодан, а я пока свяжусь с твоим меховым магазином. У тебя хоть квитанция есть?

— Да, была в сумке, ага, вот она.

— Ты сказала, голубая каракульча?

— Точно!

— Это же, наверное, смертельно красиво?

— Смертельно!

— И тебе наверняка идет?

— Потому и заказала, хотя для Москвы это непрактично.

Грета достала планшет и взялась за дело.

— Адка! — закричала она. — Адка!

— Что ты орешь как резаная?

— Забрали твою шубку. Заплатили наличными и забрали, сказали, что передадут тебе.

— Как? Кто?

— Ну, ты окончательно сдурела!

— Что, думаешь, Кондрат?

— Сейчас выясним. Ну, точно, некто Майкл Конрад, а это у нас кто? Скажешь, не Кондрат?

— Но откуда он знает?

— Скорее всего, от дочки. И придумала этот ход тоже наверняка Алиса! Вот это девчонка!

У Ариадны по щекам опять бежали слезы.

— Но это же значит, он появится здесь.

— Конечно, появится. С шубкой. Но не завтра.

— Почему?

— А визу ему и девочке надо оформить?

— Грета, какое счастье, что у тебя такая светлая голова!

— Пользуйся, пока я не влюблена.

— А сколько времени может занять виза?

— Понятия не имею. Какое у него гражданство?

— Не знаю.

— Ладно! Положим на это неделю. К тому же он бизнесмен, его могут задержать дела. Клади еще неделю. Минимум две недели до твоей шубки! Минимум!

— Я не доживу!

— До шубки или до Кондрата?

— До Кондрата, конечно... Грета, миленькая, я так его люблю!

— Ну и люби на здоровье! Я пока погляжу, нет ли каких сообщений о

воскресении Кондрата. Ох, ну ни фиги себе...

— Что?

— Смотри!

«Люди! Кондрат жив! После стольких лет забвения живой и здоровый Кондрат по-прежнему любимец женщин! Красавица рядом с ним, известная театральная художница Ариадна Замчевская, была когда-то его женой. Похоже, старая любовь не ржавеет! Пару застали на греческом острове Корфу. Они никого не стесняются!»

И целый ряд фотографий. Кондрат целует Ариадну в обнаженное плечо, обнимает ее на пляже, не остался незамеченным и тот момент, когда он запускает руки под сарафан и стаскивает с нее купальник.

Ариадна похолодела. Неужто их снимали и там, в пустом доме? Но, слава богу, этих фотографий не было.

«Как нам стало известно, Кондрат, кумир поколения пятидесятилетних, давно бросил музыку, потерял голос... Теперь это благонамеренный бизнесмен, вдовец, папа двенадцатилетней дочери. Ариадна Замчевская, одна из красивейших женщин Москвы, художник с европейским именем, не жила все эти годы монахиней. Она была замужем за олигархом Леонидом М. У нее было много романов, в том числе и со знаменитым композитором Андреем Кульчицким, а потом и с его сыном Данилой, военным корреспондентом канала «Супер». Кстати, Кульчицкий-младший тоже посетил свою красавицу на острове Корфу...»

— Боже, какая мерзость! — простонала Ариадна. — Почему людям так хочется все извлекать в грязи. Сроду я не была героиней Интернета. О моих премиях сообщалось всегда предельно скупое. А тут...

— То ли еще будет... — тяжело вздохнула Грета. — Эта пакость все еще может разрушить...

— Так уж разрушено...

Кондрат не находил себе места от нетерпения. Я должен, я просто обязан полететь в Москву, расставить все по своим местам. Я не могу, не имею права в глазах дочери оказаться жалким слабаком, с пьяных глаз разрушившим ее и свои надежды. Алиса буквально влюблена в Аришку, а я просто люблю ее. И сейчас это осознанная, зрелая любовь. И еще я хочу, смертельно хочу в Москву, в Россию... Говорить со всеми по-русски... Ах, если бы я мог еще и петь по-русски... ведь я написал немало песен, хороших песен... ладно, что думать о несбыточном. Главное, я увижу Аришку. А ведь благодаря ей я по-новому взглянул на свою дочь. С каким характером девчонка! Взрослая, разумная... Явилась ко мне:

— Папа, Ариадна заказала в магазине у Афанасия шубу.

— И что?

— Она из-за тебя умчалась отсюда, забыв о ней, ведь было воскресенье. Ты должен забрать эту шубу, и мы отвезем ее Ариадне в Москву. Шуба из голубой каракульчи!

— Мать честная! А ты откуда знаешь?

— Мне Ариадна сказала и даже... вот...

Алиса протянула ему листок бумаги.

— Это что?

— Фасон шубы.

Он растерялся.

— И что мне с этим делать?

— Папа, это твой... нет, это наш последний шанс!

— Ну, ты даешь, Лисёнок! Я знаю, я повел себя черт знает как!

— Да, папа, черт знает как!

— Но ты же простила своего папку?

— Поехали!

— Куда?

— В город, к Афанасию!

— Да кто такой этот Афанасий?

— Хозяин мехового магазина.

— Русский?

— Нет, грек!

По дороге в город он вдруг спросил:

— Значит, говоришь, это наш последний шанс?

— Да, папа, последний!

Самолет из Женевы прибыл в Москву вовремя. У Кондрата от волнения пересохло в горле. Аэропорт изменился неузнаваемо.

— Папа, ты такой бледный! — шепнула Алиса. — Волнуешься?

Он молча сжал ее руку. Наконец все таможенные процедуры остались позади. Багаж получен. Алиса тоже заметно волновалась. Такси было заказано заранее. Немолодой водитель желтого «шевроле» уточнил:

— На Большую Ордынку?

— Да!

На Ордынке в небольшом частном отеле был заказан номер. Алиса нашла отель по Интернету.

Они сели сзади.

Водитель то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. Потом

откашлялся.

— Я, конечно, извиняюсь, вы, случаем, не Кондрат?

— Кондрат! — ответила за отца Алиса. — А вы его помните?

— Еще бы не помнить! Так вы пели, прям мороз по коже! И какой красавец были. Вы и сейчас еще вполне смотрите! Ну надо же, Кондрат! Кому сказать, не поверят!

Кондрат только беспомощно улыбался. С ума сойти! Здесь его помнят! И, видимо, любят. Первый человек на родине, не считая строгих молодых пограничников, и он сразу его узнал!

Непередаваемое чувство поднималось в душе!

— Спасибо, — хрипло проговорил он, — спасибо, не ожидал!

— А вы насовсем вернулись? Или проведать родных?

— Пока проведать...

— Тоже дело хорошее. А вы поете еще? Что-то про вашу группу совсем ничего не слышно.

— Так нет давно группы, развалилась...

— Жаль... Такие парни лихие были... А это дочка ваша?

— Дочка. Первый раз в России.

— Тебе у нас понравится!

— Ох, а Москву и не узнать...

— Да, совсем другая стала. Парковки везде платные... половину улиц перекопали. Но Ордынку уже закончили, такую красоту навели...

Алиса не отлипала от окна.

— Папочка, мне нравится! А скажите, пожалуйста, от Большой Ордынки до Смоленской набережной далеко?

— Да не очень, все в пределах старой Москвы. Если без пробок, минут за десять можно добраться.

— А здесь бывает без пробок?

— В воскресенье в первой половине дня.

Обновленная Москва поразила Кондрата.

Он вдруг почувствовал себя счастливым.

— А вот и Ордынка! — объявил водитель.

Гостиница им тоже понравилась. Уютно, чисто, что еще нужно?

— Папа, подумать только, тебя здесь помнят и любят! Это так здорово!

— Ну, не преувеличивай, Лисёнок! В моем детстве была такая песенка: «Одна снежинка — еще не снег, одна дождинка — еще не дождь!»

— Но мы же только приехали! Папа, я есть хочу!

— Я, признаться, тоже! Пошли поедим в здешнем ресторане.

Они спустились на второй этаж. В маленьком зале кроме них никого

не было. Они сели у окна. И тут же появилась молодая женщина в белой поварской курточке.

— Здравствуйте, я шеф-повар, меня зовут Марина. У нас есть меню, но тогда вам придется ждать. Вы спешите?

— Спешим! — заулыбалась Алиса. — Мы с самолета, жутко голодные.

— Тогда могу предложить грибы с картошкой. Настоящие, лесные!

— Со сметаной? — уточнил Кондрат.

— А как же!

— Лисёнок, будешь?

— Не знаю. Я никогда грибов не ела. Это вкусно?

— Это очень вкусно!

— Тогда буду!

— Еще могу предложить уху, но она с водкой, не для ребенка...

— Уха с водкой? Ни за что!

— А я буду! Сто лет не ел настоящей ухи, — ликовал Кондрат.

— А я у тебя попробую, ладно?

— Так и быть!

Вскоре Марина принесла большую тарелку ухи для Кондрата и три маленьких пирожка для Алисы.

— А то папа будет есть, а ребенок слюнки глотать? Куда это годится! — улыбнулась Марина и поставила на стол кувшинчик с клюквенным морсом.

— Ой, как вкусно! — ахнула Алиса, отхлебнув морса. Ей все здесь страшно нравилось — и эта разговорчивая женщина, которая так вкусно готовит.

— Потрясающе! — воскликнул Кондрат. — Я такую уху только на Дону ел!

— А я из Ростова, — обрадовалась Марина. И убежала на кухню.

— Папа, какая она милая, правда?

— Правда, — улыбнулся он.

— Тебе хорошо тут, папочка?

— Мне тут чудесно, Лисёнок!

Вскоре вернулась Марина с блюдом картошки с грибами, щедро присыпанной зеленью.

— Вот, кушайте на здоровье! Вы меня извините, мой муж, он хозяин этого ресторана, он сам стесняется, вы не могли бы оставить для него автограф?

И она протянула Кондрату затрепанный диск с песнями группы «Черный пояс».

— Пожалуйста! — Она совала ему ручку. — Это муж в машине слушает...

— Господи, — с трудом проговорил Кондрат, расписался и больше не мог сдерживаться. Слезы градом хлынули из глаз.

— Ох, простите, пожалуйста! — всполошилась Марина. — Что же вы плачете?

— Я... Я думал... меня больше нет... меня никто тут уже не знает...

— Да вы что? Хорошую музыку разве забудешь?

— Простите, расчувствовался, ради бога, простите!

Алиса сияла. И с упоением ела грибы с картошкой.

— Папа, как хорошо... Это я нашла такое место!

— Ты вообще главное счастье моей жизни, Лисёнок! О, меня на пафос потянуло за обедом, типично русские дела!

— А мне нравятся типично русские дела! А когда будем звонить Ариадне?

— Давай завтра с утра, что-то для меня многовато...

— Хорошо! Но завтра с утра... А может, сделаем ей сюрприз? Заявимся утром без звонка?

— А если ее нет в Москве? — предположил он. А сам подумал: или у нее ночует этот щенок породы «мачо»?

— Ладно, завтра так завтра. А сейчас пойдем погуляем по Москве.

— Пошли!

— А ты на какой улице жил в детстве?

— На Малой Бронной.

— Хочу на Малую Бронную!

— А то, чего требует дочка, должно быть исполнено, точка! Поехали!

— Вот в этой школе я учился до шестого класса. Надо же... А это прославленный театр на Малой Бронной.

У Алисы горели глаза.

— А ты хорошо учился?

— До пятого класса был отличником, а потом стал отпетым хулиганом, по поведению у меня были сплошные тройки.

— Это плохо?

— Это очень плохо!

— А в кого ты был влюблен в школе?

— В школе ни в кого. Я был влюблен в девчонку с нашего двора, Люську Волкову, у нее была коса до попы, в те годы большая редкость. Ну, а теперь пошли на Патрики!

— Куда?

— На Патриаршие пруды, знаменитое место в Москве. В советские годы они официально назывались Пионерскими, но так никто не говорил, только Патрики. Зимой мы тут катались на коньках. Дома дам тебе одну книгу, которая начинается как раз здесь, на Патриках. Очень-очень известная и популярная книга...

— Как хорошо, папа, что мы приехали... И время такое красивое, золотая осень, это так по-русски называется?

— Да. А такая теплынь в это время называется «бабье лето»...

Они посидели на лавочке, а потом просто побрели по переулкам. Алиса примолкла, переполненная впечатлениями. А Кондрату было хорошо и в то же время страшно. Он думал об Ариадне. Я опять так ее обидел... Что, если она устала меня прощать? Что, если от обиды кинулась к этому щенку породы «мачо»? Он молодой, сильный, у него романтическая профессия. Женщины таких любят. Но она же говорила, что любит меня. И шептала. Такое шептала, что я поверил... И опять все испортил, чертов трус. Нет! Вот вернемся в гостиницу, Лисёнок уснет, и я позвоню. Мне необходимо услышать ее голос.

Ариадна с Гретой сидели у Греты на кухне и пили грузинское вино. Настоящее «Киндзмараули», подаренное Грете ее приятелем-грузином, и обсуждали рукопись Гретиного романа, которую она дала прочесть Ариадне, прежде чем сдать в издательство.

— Мне понравилось! Живо, интересно, вот только конец какой-то расплывчатый. Он увез Аглаю в туманную даль... А что там в этой туманной дали?

— Там — счастье! Здесь обязательно должен быть хеппи-энд!

— Понимаю, но туманная даль — это как-то безвкусно. И название подгуляло. «Убежать от любви».

— Адка, ты чего придираешься?

— А хочешь, подарю шикарное название?

— Попробуй!

— Но к нему придется сделать подводку и другой конец.

— Да колись уже!

— «Фиг ли нам, красивым дамам!»

— Дамам? — фыркнула Грета. — В оригинале были бабы. Но с дамами-то лучше, к тому же в оригинале был не «фиг». Вообще-то название неплохое, завлекательное...

— И вносит нотку юмора в твою до ужаса романтическую историю.

— Это да... Но придется еще поработать.
— Ничего, поработаешь!
— Да, подружка, вкус у тебя отменный! Я теперь понимаю, что история получилась пошловатая, а юмористическая тональность в конце спасет всю книгу. И знаешь что, я посвящу этот роман тебе.
— Спасибо. Я тронута.
— Это ирония?
— Да нет, почему!
Подруги выпили еще по бокалу дивного вина.
— Да, знаешь, я позавчера встретила Данилу.
— Где это ты его встретила?
— А я была на канале «Супер», в ток-шоу. Он спросил про тебя.
— И что ты ему сказала?
— Что ты по-прежнему одна.
— А он что?
— Пожал плечами и сказал: «Это ее выбор!» И еще сообщил, что едет в Америку собкором.
— Слава богу! Надеюсь, там он будет в безопасности. Он хороший парень.
— Ты так безразлично это сказала... А твой Кондрат, похоже, шубку стибрил.
— Может, и стибрил для какой-нибудь своей дамы.
— Ты сама-то в это веришь?
У Ариадны задрожали губы.
— Грета, прошло уже столько времени, а от них ни слуху ни духу...
И Алиса не звонит...
— Это значит только одно...
— И что же это значит?
— Что они уже близко, может, даже уже в Москве.
— Но...
— А ему страшно! Откуда он знает, что ты от обиды не вернулась к Даниле или еще кого-то не завела? И учти еще всю эту грязь в Интернете.
— Ну, если он такой трус, то может и вообще никогда не позвонить.
И в этот момент в сумке у Ариадны запел мобильник.
— Это он! — воскликнула Грета. — Я уверена!
— Нет, номер незнакомый! Алло!
— Аришечка, миленькая, это Алиса! Мы приехали и привезли твою шубку! Я так рада! Ты же простила папу, да?
— Да простила, конечно, простила, детка моя, господи, я так рада... А

он... где?

— Спит! Он устал. Ты знаешь... его столько людей в Москве узнали. И таксист, и еще...

— Где вы остановились?

— В гостинице на Большой Ордынке. Аришечка, я так хочу тебя видеть!

— И я! Ты такая молодчина, Лисёнок мой! Насчет шубки — это твоя идея?

— Ну не папина же! Ты знаешь, он так счастлив, что приехал. Только, по-моему, он боится тебе звонить. Сказал, завтра утром... а я не выдержала...

— Вот что, Лисёнок! Я сейчас за тобой приеду, по едем ко мне, а папе, если он не проснется, оставим записку.

— Здорово! Потому что нечего трусить!

— Правильно! Говори адрес!

Кондрат проснулся только утром. И ничего не понял. Кровать Алисы была не разобрана. А на подушке лежал лист бумаги. Он схватил его.

«Папа, я у Ариши. Как проснешься, приезжай».

А внизу приписка другим почерком: «Я люблю тебя, старый Кондрат!»

Прошла неделя. Кондрат с Алисой жили в квартире Ариадны. И все трое чувствовали себя безмерно счастливыми. На пятый день Алиса вдруг спросила за ужином:

— Аришечка, а можно я буду звать тебя... мамой?

— Господи, конечно, если папа позволит.

— Папочка, можно?

— Ишь, спелась! Честно говоря, я ждал этого. Можно! Конечно, можно!

Эпилог

Алиса поступила в московскую французскую гимназию. В Новосибирске с огромным успехом прошел «Севильский цирюльник», и они втроем летали на премьеру. Кондрат не бросил свой бизнес и бывал в Москве наездами. Он купил в Подмосковье старую зимнюю дачу, которую собирался в будущем перестроить, а пока поселил там няню Клавдию Макаровну, и на выходные они частенько туда выезжали. Дело близилось к Новому году. Кондрат уехал на неделю.

Ариадна вечером вернулась домой, консьержка встретила ее словами:

— Ариадна Максимовна, вам тут пакет доставили, а девочке вашей я побоялась отдать, мало ли...

— Хорошо! Спасибо!

В прихожую выскочила Алиса.

— Мам, привет! Ужинать будешь?

— Буду, я голодная. А как дела в школе?

— Нормально. У вас тут повеселее, чем в Швейцарии! А что это у тебя?

— Да не знаю, посылка какая-то.

— Я пока накрою на стол. Папа звонил.

— Мне тоже.

Ариадна вскрыла пакет не без некоторого страха. И вдруг закричала не своим голосом:

— Алиса, скорее, смотри!

В пакете лежало пять одинаковых дисков с роскошным портретом нынешнего Кондрата. Диск назывался «Нить Ариадны». Там было шесть песен. Новых, датированных этим годом. На обороте несколько фраз от автора: «Всем, кто помнил меня эти годы, я должен многое объяснить. Я попал в страшный жизненный лабиринт, потерял голос, потерял все. Но любовь женщины по имени Ариадна помогла мне, как Тесею, выбраться из лабиринта. И даже голос вернулся!»

Когда Кондрат, решивший сделать своим любимым девочкам сюрприз, открыл дверь, то увидел следующую картину: обе сидели в обнимку на полу, слушали его диск и горько плакали.

— Это что еще такое? — не на шутку встревожился он. — Что стряслось?

— Юра! — вскочила Ариадна.

— Папочка, родненький!

— Чего ревете, бабы?

— Мы не бабы, мы дамы, — поправила его Алиса, схватила с пола диск, и обе принялись скакать вокруг него, громко припевая:

— Фиг ли нам, красивым дамам! Круче нашего Кондрата нет на свете никого!

— Наконец-то оценили! — воскликнул он и тоже подпрыгнул.